

ЧЕХОВ: NON-FICTION

ЛАБОРАТОРИЯ ДЛЯ МОЛОДЫХ ДРАМАТУРГОВ

ПЬЕСЫ

ЧЕХОВ: NON-FICTION

ЛАБОРАТОРИЯ ДЛЯ МОЛОДЫХ ДРАМАТУРГОВ

ПЬЕСЫ

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6-6
Ч-56

Министерство культуры Московской области
Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник А.П. Чехова «Мелихово»

Издание осуществлено на грант Президента Российской Федерации,
предоставленный Фондом президентских грантов по направлению
«Поддержка проектов в области культуры и искусства».

Печатается по решению Экспертного совета Театральной лаборатории
для молодых драматургов «Чехов: Non-fiction».

Ответственный редактор: А. А. Журавлева

В19 ЧЕХОВ: NON-FICTION. ПЬЕСЫ | ЛАБОРАТОРИЯ ДЛЯ МОЛОДЫХ ДРАМАТУРГОВ. —
Москва: Издательство «Перо», 2020 – 318 с.

ISBN 978-5-00171-818-5

Настоящий сборник включает пьесы, вошедшие в шорт-лист Лаборатории для молодых драматургов «Чехов: Non-fiction», а также пьесы из лонг-листа, отмеченные и рекомендованные для печати членами экспертного совета Лаборатории.

Всероссийская театральная лаборатория для молодых драматургов «Чехов: Non-fiction» — музейно-театральный проект Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А. П. Чехова «Мелихово», призванный объединить усилия и ресурсы молодых драматургов, музея и театра для создания новых драматургических текстов о Чехове, чеховской эпохе, чеховском мифе и жизни чеховских текстов.

Подробнее о проекте, его организаторах и участниках –
на сайте проекта <http://chekhov-nf.ru/>; e-mail: chekhov-nf@mail.ru

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6-6

© Авторы пьес.

© Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник А. П. Чехова «Мелихово», 2020.

ISBN 978-5-00171-818-5

Издательство «Перо»

Корректорская работа — Александра Конькова
Подготовка макета, верстка и дизайн — Алексей Виноградов

Формат 60x90/8. Гарнитура Myriad Pro
Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,25. Тираж 300 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ШОРТ-ЛИСТ ЛАБОРАТОРИИ:

Ася Датнова. После Чехова	7
Евгений Ионов. Чайная птица	33
Валерия Темкина. Великолепный дождь	47
Артем Казюханов. Собаки Чехова	59
Елена Щетинина. О чем пицчат устрицы (Лекция о Чехове и устрицах для первичноротых целомических животных со спиральным дроблением, которая, возможно, привиделась голодному мальчику)	93

ПЬЕСЫ ИЗ ЛОНГ-ЛИСТА ЛАБОРАТОРИИ:

Мария Малухина. Ханькоу	145
Любовь Страхова. Холера окаянная (Из жизни санитарного врача)	191
Настя Травкина. За отсутствием доктора... (Один день из жизни чеховских персонажей)	217
Елена Манн. Чехонтech	253
Валерия Темкина. Небесный секретарь	273
Любовь Страхова. История любви (Таксоводевиль)	291
Наталья Калинникова. Лит-крокет (Пьеса-конструктор)	305

**АВТОРЫ ИТОГОВОГО СБОРНИКА ЛАБОРАТОРИИ МОЛОДЫХ ДРАМАТУРГОВ
«ЧЕХОВ. NON-FICTION»**

Ионов Евгений

Санкт-Петербург

ion8off.net@mail.ru

Датнова Ксения

Москва

adatnova@gmail.com

Страхова Любовь

Ярославль

strahova-dram@mail.ru

Манн Елена

Москва

elenasamtynova@yandex.ru

Травкина Настя

Москва

yatsanay@gmail.com

Малухина Мария

Москва

letters4maria@gmail.com

Темкина Валерия

Санкт-Петербург

valeriatemkina@gmail.com

Казюханов Артемий

Санкт-Петербург

Duhonin@mail.ru

Калинникова Наталья

Москва

pod soulnyx@yandex.ru

Щетинина Елена

Омск

elena_omgu@mail.ru

ШОРТ-ЛИСТ ЛАБОРАТОРИИ:

Ася Датнова. После Чехова	7
Евгений Ионов. Чайная птица	33
Валерия Темкина. Великолепный дождь	47
Артем Казюханов. Собаки Чехова	59
Елена Щетинина. О чем питают устрицы (Лекция о Чехове и устрицах для первичноротых целомических животных со спиральным дроблением, которая, возможно, привиделась голодному мальчику)	93

АСЯ ДАТНОВА

ПОСЛЕ ЧЕХОВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мария — 94 года.

Ольга — 89 лет.

Лидия — 79 лет.

Голое казенное помещение. Три железные кровати с решетками, на них — три старые женщины с распущенными или кое-как заколотыми волосами, в ночнушках, халатиках: Мария, Ольга, Лидия.

Помещение похоже на палату в советской больнице. Возле одной кровати капельница, под другой «утка». На тумбочках у кроватей всякие предметы, какие бывают обычно на тумбочках в больнице. На дальней стене казенный портрет Чехова. На подоконнике фикус.

Мария. Ночью зубы болят с правой стороны, не могу спать. Челюсть прямо трещит, в час ночи начинает, к пяти кончает.

Ольга. После шести часов вечера 37,2 и испарина.

Мария. А днем не болят. Ужасно странно!

Ольга. Пятую неделю лежу. Был грипп, теперь небольшая пневмония. Или лежу, или сижу, скоро яму просижу.

Мария. И легкие сдают, слабость адская. По ночам так плохо бывает!

Ольга. До обеда лежу, после обеда сижу.

Лидия. Много, много у меня времени лежать, думать и вспоминать.

Ее игнорируют.

Ольга (Марии). А главное — страшная усталость и слабость, мало двигаюсь, дышу очень трудно.

Мария. Вчера не могла дышать, на груди точно камень, не хватает воздуха.

Мария пытается открыть окно. Рама не распахивается.

Ольга. Вот у меня не одышка, а что-то другое, все мускулы у сердца от напряжения болят!

Лидия. И думы тяжелые, и думать больно...

Мария (Ольге). Вторую неделю около сердца не то что нехорошо, а как-то тяжело. Вчера была невралгическая боль, с помертвением рук.

Ольга. Все эти дни хожу с болью около сердца и с разбитостью левой стороны. Но надо ходить, хотя бы по комнате.

Ольга проходит по комнате, подергав дверь. Дверь заперта.

Мария. Я еле ноги таскаю, Оля. Болят, особенно колени, при сгибании прямо плачу...

Ольга. Ты, Маша, жалуешься, что ноги болят, а спроси, что у меня не болит!

Мария. Лицо у меня чешется, хочется его драть ногтями, появляются волдыри на шее! Говорят, это нервная штука.

Ольга. У меня тело на днях вечером имело страшный вид — все красное и на красной поверхности белые грибы, и чесотка! Врачи находят, что все мое состояние – результат переутомления.

Лидия подсакивает на кровати, вцепившись руками в решетку и уткнувшись в нее лбом.

Лидия. Зачем они держат меня тут? У меня даже нет никакой болезни. Одно время я надеялась, что у меня сердце не в порядке, но оказалось, пустяки...

Ольга и Мария удивленно воззряются на Лидию, но сразу снова перестают ее замечать.

Ольга. Здесь... масса обслуживающего персонала, докторицы — так надоело рассказывать им о своих болезнях.

Мария. В Ялтинском саду сейчас свежо и зелено. А я лежу тут. Не знаю почему.

Ольга. Надо было мне не соглашаться лежать тут, а ехать к своему профессору в Кремлевскую новую поликлинику — о! Это дворец, пять этажей, мрамор, ковры, все белое, бегают вниз и вверх белые женщины, двери лифтов белые...

Мария встает, пережидая отдышку.

Мария. Многое пришлось делать самой — лечила яблоньки и груши. Устала, вот и слегла. Так много хозяйственных обязанностей и всяких тревог, поневоле заболеешь. Но мне уже лучше. Скоро смогу выйти в сад. Я в саду-то сейчас не бываю, трудно ходить по лестницам, да и не пускают меня.

Мария дергает дверь: заперта.

Все время хвораю и жду конца, а умирать все-таки не хочется, не повидавшись с тобой... Как бы я была счастлива повидать тебя! Даже если бы ты накричала на меня, по своему обыкновению...

Ольга. Так ты меня зовешь, как будто я отказываюсь или не хочу приехать! Я шесть недель пролежала пластом, с банками и компрессами, мне делают уколы стрихнина, внутрь принимаю камфару. Мне 90 лет, а тебе все кажется, что я прежняя, молодая и здоровая!

Мария. Мне бы так хотелось, чтобы ты посмотрела на меня при прощании...

Ольга. Да еще глаза мои плохи; это не болезнь, а просто сетчатка изнасилась, стерлась. У меня и слуховой аппарат есть, надеваешь очки хоть без стекол, а в правой дуге батарейка, она соединяется небольшой такой трубочкой с оливой, которая вставляется в ухо...

Мария. Наверное, уж больше не увидимся на этом свете.

Ольга. Надеюсь, освободится отдельная палата...

Мария. Одна жуть кончать жизнь, да еще одинокой!

Ольга. Я была актрисой полвека, не мыслила себя без театра. И вот, оставила сцену, мне уже не до создания образов, голова не та, и вся я уже не та. Ничего не соображаю, а соображать мне нужно.

Лидия (*Ольге*). Я когда-то была писательницей. Я не была «известной», но я была «небезызвестной».

Мария (*Лидии*). Оля великая артистка — мировая!

Лидия. Я была талантливое ничтожество.

Лидия встает и бродит по палате, озираясь на Марию и Ольгу.

Лидия (*сама себе*). Ни одной из них здесь быть, конечно, не может. Надо сделать вид, что я их не замечаю. Иначе поймут, что я страдаю галлюцинациями.

Лидия дергает дверь, толкается в ее плечом. Заперто.

Лидия. Нет, я не больна. В галлюцинациях, насколько я понимаю, играют роль внешние чувства: зрение, слух. А у меня — одно воображение. Я очень хорошо воображаю. Это мое воображение мучит меня, очень неприятно.

Мария роется в тумбочке, обходит комнату, все ощупывая, обшаривая.

Мария. Беда, Олечка! Пропала с письменного стола свинка с поросятами, кто-то украл! Ту, что ты подарила Антону на Новый год. Конечно, не следует оставлять одних посетителей в музее, я всегда слежу, но на меня они не обращают никакого внимания...

Мария с подозрением смотрит на Лидию.

Лидия. Все это воображение, но я довожу его до такой выпуклости и отчетливости... Словно оно существует само по себе, во плоти.

Мария. Какой ужас!! Японскую куклу со шкафа тоже утащили.

Лидия. Какая-то, вероятно, сумма моих впечатлений, воспоминаний. Какая-то скрытая зрительная память. Получается полная иллюзия жизни.

Лидия, чтобы морок рассеялся, перегорживает дорогу Марии и водит у той руками перед лицом. Мария пугается и с криком отталкивает Лидию. Лидия тоже пугается и кричит, отскакивая. Ольга подбирает выпавшее из халата Лидии письмо. Лидия выхватывает письмо у Ольги.

Отдайте, это личное! Это мне письмо!

Перепрятывает письмо под матрац. Подумав, перепрятывает письмо себе за шиворот.

Моя память не могла вызвать этого движения, полного ужасной злобы. Я боюсь воображать. Очень боюсь!

Залезает на кровать с ногами, забившись в угол.

Ольга. Я начинаю подозревать (*внимательно смотрит на Лидию*), что это не Кремлевская больница.

Ольга смотрит на Марию с Лидией.

Ольга. А ведь вы обе давно уже умерли.

Мария. Оля, ты знаешь, что 15 июля будет 50 лет, как скончался Антон Павлович?

Лидия (*Марии*). Ваш брат умер?

Мария. Нет, он жив, и скоро женится.

Ольга. Это какой-то спектакль?

Включается непонятно откуда радио, пугает женщин громкими бравурными звуками.

Радио. Сегодня все народы нашей социалистической Родины, а с ними все передовое человечество торжественно отмечают пятидесятую годовщину со дня смерти великого русского писателя Антона Павловича Чехова! Великий сын России, Чехов идет в ногу с нею. Он свой везде, желанен всюду: он запросто входит в дом стахановца...

Женщины пытаются понять, откуда идет звук.

Мария (*привычно*). Широко участие общественности всего Советского Союза в проведении мероприятий, связанных с 50-летием со дня смерти А. П. Чехова.

Маша и Ольга маршируют. Лидия смотрит на них со страхом.

По данным Всесоюзной книжной палаты на 1 января 1957 года произведения А. П. Чехова изданы в СССР за 1917–1956 годы в количестве 1125 книг общим

тиражом 49 130 тысяч экземпляров на 71 языке народов СССР и зарубежных стран!

Ольга. В связи с исполняющимся 15 июля 1954 года 50-летием со дня смерти великого русского писателя А.П. Чехова Лопасненский район Московской области, где жил и работал А.П. Чехов, переименовывается в Чеховский, и рабочий поселок Лопасня преобразуется в город Чехов» — рапортует газета «Красное знамя»!

Мария. Стоит отметить особую заинтересованность Владимира Ильича Ленина произведениями А. П. Чехова!

Ольга. И Иосифа Виссарионовича Сталина!

Лидия. Но, главное, я малодушна. Чего же я боюсь? Я открою глаза в действительности, и только оборву нить моего воображения, которую называла жизнью.

Лидия хватает капельницу и бьет ее железной ногой в окно. Радио захлебывается и смолкает. Звон стекла, Маша охает. Лидия хватает осколок стекла и вскрывает себе руку, кровь. Ольга кидается к двери, стучит, дергает: заперто. Маша подхватывает Лидию.

Ольга. Доктор! Доктор!! Нам нужен доктор!

Звучит зуммер, как при побеге в тюремной камере. Свет гаснет.

2

Окно заклеено накрест. Помещение то же, с едва уловимыми изменениями. Появились новые предметы, кресло-каталка, женщины по очереди порой передвигаются на нем. Руки у Лидии замотаны до локтей бинтом.

Мария — в хозяйственных хлопотах, складывает белье, протирает тряпкой пыль, замывает пол, перекладывает вещи и т.п.

Ольга рассматривает себя в зеркало.

Ольга. Я стала похожа на седовласую «сильфиду».

Мария. Волосы у меня изредка, где с проседью, изредка... Оля уже седая, а ведь она моложе меня.

Ольга протягивает руку и указывает Марии.

Ольга. Вот, вот седина и вот, и тут.

Мария. Нет, это нет, не то: голова моя полна строительным мусором, волосы засыпаны известкой — некогда вымыть... Прислуги в доме нет, ничего не устроено, грязно, есть нечего, я совершенно больная... Ходят плотники, каменщики, бетонщики, слесари, штукатуры, маляры...

Лидия. Ни один мужчина не переживает двух совершенно разных жизней, как женщина. Он и понятия не имеет. Одна жизнь — это когда женщина молода, красива и может нравиться. А другая — когда она состарится, подурнеет и живет себе не привлекая внимания, не пользуясь никакими привилегиями.

Ольга. Я поддерживаю, насколько возможно, английской водицей.

Лидия. А борьба бесполезна, и все средства бессильны. На улице никто не оборачивается. Вдруг все стали нелюбезны. Где интерес к вашим словам? Где ласковый блеск в глазах? Ни места не уступят, ни оброненного не поднимут. Живи себе как знаешь и поднимай сама оброненные платки! Упадешь, поскользнувшись, вставай без помощи. Не рассчитывай ни на что.

Мария. Да, какие уж тут романы, это только Оле можно. А я так устала, что кажется, никогда не буду жить по человечески. Тяну свою лямку, как собачонка битая, встряхнусь и опять пошла!

Лидия. Я уже не живу. Я существую. Все больше люблю одиночество, тишину, спокойствие. И мечту. А мечта — это А.Пэ. И в ней мы оба молоды и мы вместе...

Ольга. Русская интеллигентная женщина ничем в мужчине не могла увлечься так беззаветно, как талантом.

Мария. С Лидией Авилловой у Антона Павловича никакого романа не было. Мы знаем об этом якобы романе только с ее слов...

Лидия. Любовь. О любви. И в семьдесят четыре года я думаю о любви.

Подходит к портрету.

Как трудно иногда объяснить и даже уловить случившееся. Да, в сущности, ничего и не случилось. Мы просто взглянули близко в глаза друг другу. Но как это было много! У меня в душе точно взорвалась и ярко, радостно, с ликованием, с восторгом взвилась ракета. Я ничуть не сомневалась, что с Антоном Павловичем случилось то же, и мы глядели друг на друга удивленные и обрадованные.

Ольга (Марии). Я знала ее в ранней молодости и терпеть не могла, по-моему, кривляка.

Мария. Неинтересная женщина с толстыми ногами и тремя детьми.

Мария снимает портрет, отбирая у Лидии, и протирает.

Лидия. Пусть это мучительно, но то, что я имела от него, было счастьем! Его письма, его внимание, его голос, его глаза, устремленные на меня, о, какое это было счастье! Да, все прошло... Но какое счастье! Какое счастье! Видишь, я все говорю: счастье!

Ольга. Мы с Антоном как-то поздним вечером ехали из Гурзуфа в Ялту. Стояла чудная ночь. Глубоко внизу под ногами лежало сонное море, точно горсть брильянтов — горели огоньки. Антон мой сидел грустный и строгий, в глубокой задумчивости. «Что есть любовь?» — спросил наш спутник. А Антон и говорит: «Любовь — это когда кажется то, чего нет».

Мария. Антон обладал вкусом и не мог бы увлечься такой женщиной. Он называл ее “старая матушка” и говорил, что она на попадью похожа.

Ольга. Он был, кажется, влюблен в Мизинову?

Мария. Лика была хорошая, добрая девушка.

Ольга. В ужасном платье с розовыми лентами.

Лидия. Лика напоминала внешне меня. Те же русые пышные косы, тот же профиль...

Ольга. Мне было жаль ее, откровенно говоря. Лика бездарная, она пьяница, неопрятная и со всеми пила брудершафт.

Мария. Антоша считал ее девушкой честной, хорошей.

Ольга. А я ее не люблю, то есть равнодушна.

Лидия. Голова у меня слегка кружилась, нервы были напряжены, сердце то замирало, то билось. Я прислонилась плечом к плечу Антона Павловича и близко глядела ему в лицо. Я не могла наглядеться. Это было такое счастье, что его трудно было выносить.

«Вы сегодня не такая, как раньше, — сказал Чехов.
— Знаете ли вы?... Я был серьезно увлечен вами. Я любил вас. Мне казалось, что нет другой женщины на свете, которую я мог бы так любить».

Ольга. Мой Антон. Сказал вам это.

Маша хозяйственно начинает сваливать на стул вещи, и постепенно на нем возникает как бы мужской силуэт призрака под простыней.

Лидия. Он сказал: “Вы так красивы и трогательны, и в вас столько свежести и яркой прелести. Я вас любил и думал только о вас. И когда я увидел вас после долгой разлуки, мне казалось, что вы еще похорошели и что вы другая, новая, что опять вас надо узнавать и любить еще больше, по-новому”. Наши колени соприкасались...

Ольга. И это был именно мой муж Антон Павлович?

Лидия. Говорил он тихо, а лицо у него было строгое. “Кошмар!” — подумала я. Чехов наклонился ко мне, глядя мне в лицо: “Но вы не такая, как многие женщины, которых я бросал и которые меня бросали; вас любить можно только чисто и свято на всю жизнь! И вы были для меня святыней. Я боялся коснуться вас, чтобы не оскорбить, — он взял мою руку. — О, какая холодная рука!”

Ольга. Чехов, который “Женщины употребляются, или, выражаясь по-московски, тараканятся на каждом диване, это дохлые кошки, страдающие нимфоманией”?

Лидия нацепляет пенсне, говорит за Чехова.

Лидия (в пенсне). “Оттого, что я женюсь, писать я не стану лучше”.

Ольга. Чехов, который “Половой инстинкт мешает работать больше, чем водка...”?

Лидия (в пенсне). “Я еще не женат, но пьесы пишу исключительно для вдовы, так как рано или поздно не минуя общей участи и женюсь”.

Ольга. Чехов — “Все время был так пьян, что бутылки принимал за девиц, а девиц за бутылки. Девицы здесь — сплошная овца: если одна поднимется и выйдет из залы, то за ней потянутся и другие. Одна из них, самая смелая и вумная, желая показать, что и она не чужда тонкого обращения и политики, то и дело била меня веером по руке и говорила: «У, негодный!»”

Лидия. “Впрочем, я женился. Но в мои годы это как-то даже незаметно, точно лысинка на голове”.

Ольга. “Когда эти бабы отстанут, черт их знает!” — этот Чехов?

Лидия. Да, да! Этот — Чехов!

С грохотом ставит между собой и Ольгой стул, жестом фокусника сдергивая с него простынь, под простыней стул пуст, но Лидия указывает на него торжествующе, словно на стуле сидит невидимый Чехов.

Какое-то время женщины обращаются с пустым стулом, как в психодраме, разговаривая с ним или присаживаясь на стул и отвечая за Чехова.

Была ли тому причиной болезнь или неудовлетворенность в личной жизни, но радости в Антоне не было. Как-то он показал мне брелок, который всегда носил, с надписью: «Одинокому весь мир — пустыня».

Ольга. Когда женился на мне, был счастлив.

Лидия. Мне все равно. Не все ли мне равно?

Мария (*Лидии*). Да ведь она насильно женила его на себе. Уж как крепился, не поддавался человек, но судьба пришла, и кончено! (*Ольге*) Тебя, Оля, и конем трудно было объехать!

Лидия. Ведь мне, правда, все равно.

Ольга. “Ты у меня необыкновенная, славная, порядочная, умная, редкая жена, у тебя нет ни одного недостатка, с моей точки зрения по крайней мере”.

Лидия (*Марии*). Когда стало известно, что Чехов решил жениться на Книппер, все очень удивились.

Ольга. “Я люблю тебя сильнее, чем прежде. Без тебя и ложиться, и вставать очень скучно. Нежность, которая сидит во мне, я выпускаю из себя всю целиком, чтобы приласкать тебя и приголубить за то, что ты моя жена. Есть у нас один общий с тобой недостаток — это то, что мы с тобой поздно женились”.

Лидия. Хотя чему удивляться? Разве не естественно, что писатель-драматург влюбился в артистку, для которой он писал роли? Она была талантлива, приятной наружности. И расчеты часто бывают удачные. И хорошо, что он женился. Жалко, что поздно.

Мария (*Лидии*). У Немировича-Данченко была на тот момент молодая любовница, и в труппу набирали новых актрис, Книппер боялась, что ее спишут в тираж. Они с Антоном тогда уже жили друг с другом как муж и жена. Однако, не имея надежных заверений, она продолжала настаивать.

Ольга (*стулу*). Опять скрываться, прятки, мне это, право, тяжело. Ты как-то не понимаешь этого или не хочешь понять. До каких пор мы будем скрываться? Люди скорее замолчат и оставят нас в покое, раз увидят, что это совершившийся факт. Когда ты будешь совсем мой?! Где мы с тобой будем любить друг друга, чтобы люди не мешали? Я хочу, чтоб ты был счастлив со мной, хочу, чтоб у нас была своя жизнь, чтоб никто не влезал в эту жизнь!

Мария (*Лидии*). Она понимала, что упустить Антона нельзя. Что эту потерю в ее возрасте, статусе ей не простят в театре. Через неделю объявила: «Я решила соединить мою жизнь с жизнью Антона Павловича». Всем растрезвонила. Я все спрашивала себя: к чему Олечке понадобилась эта трепка для больного человека?

Ольга. “Лошадка, собачка, милая бабуся моя, мордуся, каракуля, балбесик, карапузик, воробьиша моя, немчушка, замухрыша, крокодил души моей, бабочка моя, человечек ты мой хороший, моя цапля”.

Мария (*стулу*). Позволь мне высказать свое мнение насчет твоей женитьбы. Для меня лично свадебная процедура ужасна! Да и для тебя это лишние волнения. Окрутиться всегда успеешь. Если тебя любят, то тебя не бросят, и жертвы тут никакой нет, эгоизма с твоей стороны тоже нет ни малейшего. Так и передай своей... Книппиц.

Ольга (*перекрикивая*). “Дусик мой, кринолинчик мой, венгерец, милый мой зяблик, собака моя бесхвостая, цуцык, женуля великолепная, половинка моя, жена моя, лошадиная моя собака!!!”

Мария (*стулу*). Так мне жутко, что ты вдруг женат! Тот факт, что ты повенчан, как-то сразу взбудоражил все мое существо, заставил думать и о тебе, и о себе, и о наших будущих отношениях. Я чувствую себя одинокой более чем когда либо. Знаешь, Антоша, я очень грущу, и настроение плохое, есть ничего не могу, тошнит...

Ольга (*Лидии*). Одинокая, бездетная. Ухаживала за братом, а он не оценил этой жертвы, предал их союз.

Мария. Захоти, я три раза могла выйти замуж. Или четыре. Мне предлагали.

Ольга (*Лидии*). Художника Левитана каждую весну одолевали приступы любви к Марии Павловне. Однажды он стал объясняться, когда Мария Павловна укладывала вещи. Она рассердилась, в руках у нее была пара туфель. Этими туфлями она больно ударила Левитана. Он закрыл лицо руками, сел и заплакал.

Мария. Ложь! Это ложь!

Ольга (*Лидии*). Помещик Александр Иванович Смагин был очень влюблен в Марию Павловну. Однажды в Мелихове она за обедом дала всем гостям суп, а ему забыла. Он сделался весь красный, спрятал свое лицо за спиной соседа, а потом плакал настоящими слезами.

Лидия. Боли и печали так много, зачем беречь их и разжигать! Надо быть спокойными, надо запретить им брать верх, надо думать, надо понимать...

Ольга. Я не зверь, а Маша далеко не такой человек, который даст себя в обиду. Она сильнее меня.

Мария. Антон не хотел, чтобы я выходила замуж. Как-то я решилась поговорить. Пришла к нему в кабинет и говорю: знаешь, Антоша, я решила выйти замуж... Брат, конечно, ничего мне не ответил. Но я почувствовала, что брату эта новость неприятна. Я понимала, что он не сможет сознаться, что ему будет тяжело, если я уйду в другой дом, в новую семью... Любовь к брату, моя привязанность к нему решили все. Я не смогла пойти на то, чтобы причинить брату неприятность, расстроить привычный образ его жизни, лишиться его той творческой обстановки, которую я всегда, в отличие от тебя, старалась создавать ему.

Ольга. Господи, Маша, да Антону было все равно! Это ты хотела владеть Антоном полностью, быть ему самым близким человеком... Антон говорил: “Сестра замуж опять не вышла, ничего не понимаю. Это единственная девица, которой искренно не хочется замуж”. Я всегда буду стоять между тобой и им.

Лидия *(со стула)*. “Милая Маша, женился я, главным образом, из того соображения, что, во-первых, мне теперь более сорока лет, во-вторых, если понадобится разойтись с ней, то я разойдусь ничтоже сумняся; ведь она самостоятельный человек и живет на свои средства. Затем, эта женитьба нисколько не изменила образа жизни ни моего, ни тех, кто жил и живет около меня. Все останется так, как было, и я в Ялте по-прежнему буду проживать один”.

(От себя.) Он скучал без нее в Ялте, чувствовал себя одиноким — особенно в темные осенние вечера, когда на море бушевал шторм, ураган ломал в саду магнолии, и кипарисы гнулись и скрипели, когда кашель мешал ему выходить, а он читал письма из Москвы, с описаниями веселой и полной жизни, которой она жила там, описанием театра, дышавшего его духом, его пьесами, в то время когда он был отрезан и от жены, и от театра, и от друзей.

Понятно, что он все время рвался в Москву, ездил туда вопреки благоразумию, задерживался там — и эти перерывы фатально влияли на его здоровье...

Мария. Если бы я вышла замуж, я бы любила мужа.

Ольга *(Марии)*. Зачем Антона впутывать в наши отношения? Ведь все это была ревность, и больше ничего. *(Лидии.)* Ей все казалось, что я отняла у нее все, и дом, и Антона, и держала какой-то жертвой.

Мария. И это все за то, что я так нежно и с любовью относилась к тебе! Что делать — не сотрешь же себя с лица земли! Я тебе скажу откровенно, если вдруг ты будешь Наташей из «Трех сестер», я тебя тогда задушу собственноручно. Прокусывать горло я тебе не стану, а прямо задушу.

Ольга. Боже мой! И все эти осложнения из-за обряда в церкви!..

Женщины в сердцах расходятся. Мария теперь ближе с Лидией, против Ольги, так что она сажает Лидию помогать мотать пряжу, но в результате их хаотичных передвижений и усилий комната начинает заплетаться этой красной шерстяной ниткой.

Лидия. Первый год моего замужества остался у меня в памяти как кошмар. В те случайные промежутки, когда у нас в доме было вполне благополучно: дети здоровы, муж мой Миша спокоен и в духе, я думала, что пользуюсь самым большим счастьем, которое суждено мне судьбою. Большого и иного не должно быть никогда.

Ольга *(Марии)*. Муж изменял ей. Он жил с другой женщиной перед своею смертью.

Лидия. Быть легка и прекрасна? Кто это обещал?..
Но у меня был сын. Да, сын! И дочь.

Ольга *(Марии)*. Дочь потом умерла от энцефалита, сын был арестован.

Лидия. Я была страстная мать, любила своих детей тревожно, болезненно. Дети радовали, огорчали, часто болели, отнимали много времени и заботы... Вы обе просто не знаете, что это такое!

Ольга (*Марии*). Мы пытались.

Лидия. В этом желании ребенка у Антона было, наверное, и его желание жить. В Ялте у него на столе лежала книга — “Беременность и туберкулез”. Ведь это безумие — вряд ли ребенок был бы здоров, если бы даже был зачат...

Ольга. Все время мне было нехорошо, но я все думала, что это кишки, и хотя хотела, но не сознавала, что я беременна... Увезли меня в Клинический повивальный институт, захлороформировали и вычистили. Доктор говорит, что ни один мужчина не имеет понятия о таких болях.

Мария (*Лидии*). А беременность у нее была от Вишневого, все говорили, да Бог ей судья.

Ольга. Заткнись! Старая дева!

Мария. Шлюха. Антон, сам неплохой акушер и гинеколог, недоумевал: откуда взяться шестинедельной беременности, если Ольга провела с ним семь ночей лишь пять недель назад и это был конец ее цикла? С какой стати два самых уважаемых питерских хирурга взялись среди ночи делать ей операцию по поводу выкидыша?

Лидия. Мне приснился странный и страшный сон. Мы идем с Антоном по берегу моря, и вдруг откуда ни возьмись — ребенок! Антон испугался и закричал — нет, это не ребенок! Он притворяется! У него рот в крови... рот в крови. От ужаса я проснулась...

Ольга отвечает Лидии затрепину, Лидия падает, споткнувшись о красные нитки и обрушив пару стульев. Хнычет на полу, пытаясь встать.

Не сердитесь на меня! Я старая, больная, слабая! Надеюсь, что скоро умру...

Ольга. Значит, я плохо ухаживала за мужем, оставляла его одного, больного? (*Марии*) Вот как Лидия Алексеевна овдовела: Авилов поехал лечиться на Кавказ и скончался. После его смерти пришла телеграмма: «Всегда один, ухода нет...»

Лидия. Одно из моих самых ужасных воспоминаний, я играла в карты в ту ночь, когда Миша умер. Я его смерти не почувствовала. Я могла бы почувствовать Мишину смерть, и он почувствовал бы, что я с ним. В минуту смерти Миша ушел с презрением ко мне, потому что знал, как я далека... А смерть Л. Н. Толстого я почувствовала. Никто этому не поверит, и мне это все равно. Я-то знаю. Я знаю. Я зажгла электричество, посмотрела, который час. Это были, как потом оказалось, час и минута его смерти. Было это наверное.

Мария. Я себя плохо чувствовала, сердце колотилось жестоко, ночь спала плохо, я вскочила, точно меня кто толкнул. Было страшно. Я ясно услышала «голос»: «Вставайте, Антон Павлович зовет», — и настолько было правдоподобно, и так я в эту минуту поверила этому, что даже не испугалась...

Лидия. Поздно вечером, когда я легла в постель и потушила электричество, я вообразила себе, что Антон сел ко мне на кровать. Так ярко вообразила, что даже ноги отодвинула, чтобы дать ему место. Мне было хорошо, покойно, и я не искала, что сказать ему. Что же? Вся я тут. Но Антон закашлялся. Потом стал ходить по комнате и все кашлял. И как мне больно было, что он все кашлял!

*Лидия чиркает спичкой, закуривая, но затем с испугом смотрит на Марию.
Мария машет рукой.*

Мария. Да курите, курите!

Ольга. Пожалуй. Жить мне осталось немного, уже не буду противиться этой привычке.

Ольга угощается у Лидии папиросой, обе вместе сосредоточенно дымят.

Ольга. Ночью Антон Павлович умолял открыть дверь на балкон и окно, а открыть было жутко, так как густой, молочный туман поднимался до нашего этажа и, как тягучие привидения самых фантастических очертаний, вползал и разливался по комнате...

Мария дергает окно, но окно по-прежнему глухо заперто. Дым от сигарет Ольги и Лидии постепенно наполняет комнату туманом. Гаснет общий свет, и вдруг включается свет красный, темный, точно в комнате фотографа.

Электричество потушили, оно мучило зрение Антону Павловичу, горел остаток свечи, и было страшно, что свечи не хватит до рассвета, а клубы тумана все ползли, и особенно было жутко, когда свеча то замирала, то вспыхивала... Антон Павлович, приходя в сознание, когда я ему клала лед на сердце, слабо отстранялся и бормотал: «Пустому сердцу не надо...»

В красной мгле женщины совершают какой-то диковатый, ведьминский танец-пантомиму.

В начале ночи он проснулся и первый раз в жизни сам попросил послать за доктором. Пришел доктор, велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки (он очень мало знал по-немецки): «Ich sterbe...»

Потом взял бокал, выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда... И страшную тишину ночи нарушала только как вихрь ворвавшаяся огромных размеров черная ночная бабочка, которая мучительно билась о горящие электрические лампочки и металась по комнате...

Женщины молчат, переживая тень смерти.

Лидия. Очень любили Чехова и замучили.

Радио (*треск помех*).

3

Помещение выглядит мрачнее. Кровати составлены, так что их решетки кажутся кладбищенской оградкой, а под портретом Чехова горит красная лампадка.

Ольга надевает на себя тряпки, помогающие ей изображать траурный наряд, шляпу, вуаль.

Лидия. Газета «Русские ведомости» писала: «В ночь на 2-е июля, в 3 часа, скончался от паралича сердца на руках у жены известный писатель Антон Чехов, в Германии, в Баденвейлере».

Мария. Инфаркт, насколько я знаю, это моментальная смерть. Как же он оказался тогда «на руках своей жены»? А может, это была счастливая смерть... Правда, у него было мало шансов умереть такой смертью, ибо его жена жила большей частью в Москве, а он — в Крыму...

Ольга. На Ольгу Леонардовну невозможно было смотреть без слез. Вся ее фигура в большой черной креповой шляпе с длинной вуалью, с скорбным исхудалым лицом, залитым слезами, выражала такую глубоко раздирающую печаль, что становилось страшно за нее, и собственное горе бледнело перед этой скорбью. Она шла, опираясь на Владимира Ивановича Немировича, сзади ее поддерживала Элла Ивановна...

Ольга щелкает пальцами, и Мария с Лидией подбегают поддерживать ее, как сказано. Они изображают и публику.

Ольга. Несчастливая не могла стоять на ногах во время литии, опустилась на колени. Когда лития кончилась, воздух дрогнул от тысячи голосов, поющих «вечную память», — было жутко и торжественно!

Мария. Влезали на деревья, ломали кресты и ругались из-за мест, громко спрашивали: «Которая жена? А сестра?»

Лидия. «Посмотрите — плачут!»

Мария. «А вы знаете — ведь после него ни гроша не осталось, все идет Марксу. Бедная Книппер!»

Лидия. «Ну, что же ее жалеть, ведь она получает в театре десять тысяч. Да еще получила дачу в Гурзуфе и пять тысяч рублей».

Мария бросается поддерживать Ольгу и обращается к Лидии уже от себя.

Мария. Когда после смерти Антона Павловича все собрались в Ялте и было прочтено завещательное письмо, Ольга Леонардовна выбежала на террасу, упала в кресло и, рыдая, говорила: “Я надеялась, что Антон обеспечит мою старость, а оказалось, что мне придется работать всю жизнь!”

Ольга. Сестра тоже не осталась внакладе, дом в Ялте и доход от драматических произведений...

Лидия (*Марии*). Простите меня, пожалуйста, если я тревожу ваше горе. Если бы я сама не чувствовала этого горя, если бы я не тосковала, если бы я могла совладать с собой — я бы не считала себя вправе обращаться к вам. И мне некому, кроме вас, сказать, как это все ужасно, как это все трудно понять, как безотрадно, как трудно жить. Я вовсе не хочу инсинуировать, что я Антона хорошо знала, что и я была для него хоть чем-нибудь. Я не знаю, как он относился ко мне. Мне это тяжело...

Мария. Да, Антон так быстро умер... Дай Бог ему хотя бы отцовские дни на земле, он увидел бы все революции, индустриализацию, коллективизацию, и мог бы вместе с Горьким посидеть в президиуме первого съезда советских писателей...

Ольга и Лидия смотрят на нее странно.

Милая, дорогая, родная моя Олечка, как-то на днях мой сотрудник Н. проговорился, что ты, прочитав книжку «Дом-музей А.П.Ч.» с моими воспоминаниями, сказала, что я в ней говорю только про себя — “я, я”?

Ольга. Машенька, дорогая. Дом-музей А.П. Чехова — это твоя сущность, созданием этого дома ты показала и все свое отношение к пониманию Антона, к его памяти. Тут вся твоя жизнь. Ведь книжка не носит название «Биография М.П. Чеховой», тогда и начинай со дня рождения... Ведь не твоя это заслуга, что ты родилась сестрой Чехова.

Мария. Думается мне, я недаром прожила свою жизнь, хотя отчасти посвятив ее любимому брату... Всю свою сознательную жизнь я посвятила брату, стараясь во всем ему помогать. И остальную часть своей жизни решила посвятить делу сохранения для народа памяти о писателе! Это уж общественное теперь достояние.

Лидия. Ольга Леонардовна от Чехова взяла все самое легкое: любовь, славу, роли. А Мария Павловна — самое тяжелое: постоянный труд, «на своих двоих».

Ольга. Самое легкое!! Мой муж покинул меня в самый расцвет моей карьеры и женской силы.

Лидия. У Ольги — Кремлевская больница, наряды от Ламановой, трубочки с кремом. У Марии один флакон духов...

Ольга. Ведь я же не выказывала никаких хозяйских прав или наклонностей, всегда считала Ялту ее домом, и мне так больно было слышать, когда она говорила, что у нее теперь нет ни дома, ни угла, ни сада...

Мария (*Ольге*). Тебе бы пора начать приглашать меня в Москву. Хотя бы ты пригласила, я все равно бы не приехала, но испытала бы некоторую приятность. Я совсем обносилась — нет у меня даже порядочного костюма! В чем я буду ходить в Москве — позвольте мне вас спросить?

Лидия. А потом землетрясение в Ялте, после которого дом погибал, отчаянный поиск денег на ремонт, на хозяйство.

Мария (*Ольге*). Ты пишешь, что кушала трубочки со взбитыми сливками, а у нас вчера было такое меню: 1. Суп из столярного клея, засыпанный горохом, 2. Каша манная с тыквой на мышинной моче, и на третье чай, заваренный три дня назад. Еще и сегодня чувствую отвращение от вчерашнего обеда. При этом сахару нет ни кусочка...

Лидия. Ольга путешествовала за границей, и пешком по Норвегии, любовалась северным сиянием, посещала музеи — Мария работала в саду...

Мария. Оля уезжает морем в Штеттин, затем Париж, Лондон, Америка... А сама не хочет заехать в Ялту, может быть, и дома нашего, где жил Антоша, уже не будет, ни меня.

Лидия. Ольга пыталась еще окучивать Леонида Андреева, он как раз был вдовец, и его пьесу ставили во МХАТе, он писал ей ласковые письма... Как вдруг неожиданно влюбился и женился. Время Книппер прошло.

Ольга. У меня больше не было главных ролей. Сплошной "Вишневый сад". Земную жизнь, пройдя до половины, — я заблудилась в сумрачном саду.

Мария. Холодно у нас.

Женщины заматываются в кофты, одеяла, тряпье, утеплены: в палате становится холодно, в окно течет стужа, даже нарастает на предметах иней.

Ольга. Холодно, представь, и в комнатах холодно — отопления на нас не хватает. Лежу в двух фуфайках и голову обмотала косынкой.

Мария. Все жмусь и никак не могу согреть себя, хотя на мне сто одежд! Особенно замерзаю во время работы, сижу у окна и дую на пальцы. Занимаюсь сортировкой писем — у меня их целый сундук...

Лидия. Так холодно, что я сижу в двух халатах, сверх двух вязаных фуфак, в теплых туфлях на две пары чулок, в длинных гетрах и митенках, но согреться не могу. Если бы Антон Павлович знал, как я живу!

Мария. Я с 41-го года не выходила на улицу ни разу. Мучительные три зимы — холод, голод и страх. Продавала вещи, платье, белье и покупала дрова мешками.

Лидия. Голодали сильно. Я стала выходить на рынок продавать свои старые вещи. Ходко шли тряпки, я обвешивалась своими юбками, блузками и становилась в ряд торгующих. Наш ряд так и назывался буржуйным или дворянским. И таким образом зарабатывала себе и сыновьям на хлеб. Какая это была мечта — черный хлеб!

Ольга. Всюду нескончаемые разговоры о муке, масле, хлебе. Хлеб ужасный.

Лидия. Хлеба давали по 1/4 фунта в день на карточку. Сейчас хоть картофель есть.

Ольга. Круп нигде. Мне принесли по 2 фунта гречневой и пшенной по 10 рублей фунт. Хлеб черный — 10 рублей фунт. Керосина нет.

Лидия. Конины 15 рублей фунт. Пшено 27. Мука ржаная — 1000 рублей. И представьте себе всякие периодические развлечения: обыски, аресты, уплотнения. У меня нет права иметь даже маленький собственный уголок. Ох, как я боюсь этого выселения! Как мне жалко, жалко лишаться своего угла! Как хочется устроить хоть как-нибудь, чтобы остаться!

Мария. Перенесла брюшной тиф, едва не попала в заразную больницу. Я ночью одна во всем доме, бывшую покойную мамашину комнату обстреляли, пули застряли в стенах. Через нашу дачу пролетали пули и снаряды, сотрясались стены, дребезжали стекла. Я почти не сплю, боюсь и не знаю, как буду жить дальше. Пожалуйста, не забывайте обо мне и знайте, что я очень боюсь. Или бы уж смерть скорее, чтобы мне не видеть разрухи моего создания и моих трудов...

Лидия. Не веря — я верю... не умея молиться, молюсь. Но и в мире и в душе все пусто, тихо, темно. О, как холодно, темно и одиноко! Господи! Спаси нас и помилуй!

Ольга (*со стула*). Кто тебя слышит, глупая? ведь никто!

4

В палате тепло. Женщины по очереди поливают фикус.

Ольга. Как стало неинтересно играть на сцене. Иногда хочется среди спектакля поклониться публике: простите — но играть, право, больше не могу! И уйти.

Мария. Из меня ровно ничего не вышло. Ни я художница, ни я учительница, а работаю, кажется, много — все устраиваю чужое гнездо. Я должна была начать самостоятельную жизнь... а все устраивала чужое гнездо... Если этот дом разрушится, то я не переживу...

Как глупо вышло! Брат, дом, сад... разве все это принадлежит мне по-настоящему, разве когда-нибудь принадлежало?

Лидия. Я когда-то написала книгу. У меня был талант... Теперь я уже не могла бы написать и самого маленького рассказа. Что-то и я все собиралась сделать, на что-то решалась, против чего-то протестовала, но ничего из этого не вышло. Нет, ничего не вышло!

Ольга. Ужасная вещь — иметь дело с литераторшей, не правда ли?

Мария. Вскоре после смерти Антона пришла ко мне Авилова и со скандалом потребовала отдать ей ее письма к Чехову, и сестра-дура отдала! Теперь никто не узнает, до какой степени она терзала Чехова.

Лидия. Мои письма были очень аккуратно перевязаны ленточкой. Если я никто. Зачем же он их собирал и берег?

Мария. В таких же точно перевязанных лентами подборках в том же столе хранилась вся его корреспонденция; в конце года он перебирал все полученное и раскладывал по алфавиту — в этом смысле ваши письма не составляют никакого исключения.

Лидия. Не перечитывая, я бросила письма в печку, и теперь очень жалею, но я не хотела перечитывать их, потому что мне было больно...

Мария. Так что о вашем «романе» с Антоном мы знаем только с ваших слов. Брат избегал связей с обремененными семьей дамами. Вообще было много дам, считавших, что Чехов к ним неравнодушен, или даже «влюблен», смотря по темпераменту.

Лидия. У меня есть свидетельства, доказательства. Бунин мне верил.

Мария (*мечтательно*). Бунин когда-то был в меня влюблен... Хотел сделать мне предложение.

Ольга. Маша, ты же была его на семь лет старше и не дворянских кровей, он совершенно не собирался делать тебе предложения.

Лидия. У меня сохранилось письмо Антона Павловича. Ко мне. Любовное. Я его никому никогда не показывала. Это личное. Но я зачту несколько строк: "Я любил нежно, страстно"... Или вот: "Может быть, мы слишком много рассуждали, слишком сдерживались... О, милая, я не владею собой, как нам не везет, о, как нам не везет".

Ольга (*Марии*). Тяжело смотреть на то, что было прежде милой женщиной, такой очаровательной старушкой! Лучше конец, чем такое жалкое существование в бессознательном состоянии...

Лидия. Да вот, читайте! Читайте сами! Читайте все!

Мария берет письмо, она и Ольга читают. Ольга — с большой лупой.

*Затем женщины мрачно смотрят на Лидию. Они потрясены.
Лидия смотрит на них торжествуя. Маша, поджав губы, аккуратно складывает письмо. Женщины тяжело молчат.*

Мария. Как Антон мог такое написать!

Ольга. О, он прекрасно мог! И написал! Нет, ты поняла, что она сделала? Она надергала фразы из его рассказов и составила из них текст, чтобы было похоже на стиль Чехова. А остальное сама дописала. Писательница.

Переглянувшись, Ольга и Мария начинают хохотать.

Ольга. “Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь!”

Мария. “Приди и возьми ее!”

Лидия. Отдайте!

Лидия вырывает письмо из рук Марии.

Ольга. “О, какая холодная рука!”

Лидия. Как жизнь скверно кончается.

Ольга. Никогда он не любил вас. Увы!

Лидия. Его письма, его внимание, его голос, его глаза, устремленные на меня. Иногда мне кажется, что он любил меня.

Ольга. Что это за кокетство перед смертью? Идиотская выдумка! На что вы рассчитывали? Кто бы вам поверил?

Лидия. Если это и ложь, то она живая и вернее мертвой правды.

Разворачивает письмо, пробегает его глазами.

Слова — пустой звук. Словами самое чистое, святое, дорогое чувство облекается в какую-то пошлую, захватанную форму и передается людям.

Вдруг рвет на клочки.

Лидия. Конечно, узнали, что это фальшивка, подделка. Кто смог бы понять, зачем она была сделана? Одна ложь все портит. Если письмо явный наивный обман, как верить словам? Один обман — все обман, все ложь, все подделка, как письмо. Ну, делать нечего: мечтам конец!

Лидия подходит посмотреть на портрет.

Я глядела на вас, слушала вас, и мне хотелось смеяться от счастья, что такие люди живут на свете. В каждом вашем слове было столько ума, сердечности, отзывчивости и понимания людей. Я знала и слышала от других, что вы талантливы, благородны... И я думала, что быть любимой таким человеком — это узнать рай на земле. Себя я считала такою маленькою, ничтожною, недостойною... И в мои годы, когда жизнь прошла — сознавать себя все еще смешной и жалкой так тяжело! Точно позор. А я, по совести, не чувствую, что заслужила его. Стоило ли искать любви, мечтать о ней, если не разделенная, мучительная, она вызывает не сострадание, а насмешку и презрение? Роман скучный, а конец печальный, Антон.

(Марии.) Я не знаю, почему он звал меня «матушка».

Ольга. Вы только в старости придумали себе эту любовь. После смерти дочери. Я понимаю, это было такое долгое страдание. Вот и придумали себе вечную любовь, чтобы как-то оправдать свою жизнь, скрасить страдания. Неплохая идея.

Лидия. Считаете, если меня отвергли, то и жизнь моя была несчастливой? Нет. У меня был муж, у меня были мои дети — мои три. Все счастье, которое они трое могли мне дать, они мне дали. Не только счастье, но и гордость. И счастье, и гордость — как ужасно много!

Лидия плачет, сидя на полу. Марии и Ольге неудобно, даже стыдно.

Завершился и сомкнулся мой круг жизни, и я могу отдохнуть. Я словно опять вижу себя девушкой, а эта девушка видит старуху, и мы протянули друг другу руки, удивленные и радостные, что мы так понимаем друг друга, что мы — одно...

Хотя нет. Подождите... Я поняла, вернее, вспомнила. Когда умрешь, то не будешь чувствовать покоя. Просто меня не будет. Трудно вдуматься в это «не будет». Никакого удовлетворения. Ничего. Мне — ничего.

Мария не выдерживает, обнимает Лидию.

Мария. Милая и дорогая Лидия Алексеевна! Не умирайте, пожалуйста, я хочу вас видеть и говорить с вами, милая Лидия Алексеевна... Вы дороги мне уже тем, что любили моего брата. Что касается наших прежних недоразумений, то я о них совершенно забыла. Нам с вами есть о чем поговорить и что вспомнить!

Ольга, подумав, подходит и обнимает обеих.

Ольга. Репетировали сцену примирения, и так было волнующе, трепетно слышать звуки наших собственных голосов в этом темном, сыром, холодном пространстве, где не видно было ни потолка, ни стен, с какими-то грустными громадными ползающими тенями, и радостно было чувствовать, что где-то там, может быть, в пустом темном партере, сидит любимая нами всеми “душа” и слушает нас.

Лидия (*Марии*). А знаете что мне хотелось сообщить вам? Несколько лет тому назад я познакомилась с Александром Ивановичем Смагиным. И вот он признался, что любил вас всю жизнь. Любил только вас. Он сказал: “Не только любил, а люблю. И теперь люблю”. Если бы вы видели его лицо при этом признании!

Теперь он умер. Пусть вы вспомните лишний раз о его большой любви и преданности. А на меня вы не рассердитесь за то, что я напоминаю вам о нем? Пожалуйста, не сердитесь на меня! Ведь и у меня тоже, как у Смагина, всю жизнь была одна любовь.

Мария. Без позволения позвольте мне обнять вас и поцеловать. И вот, держите. А то у вас ведь ничего не осталось на память. Этот конверт я взяла из стола Антона Павловича.

Они помогают ей встать, и Лидия отходит от женщин и выходит вперед, словно видит что-то перед собой.

Лидия. Но ведь это кто пришел ко мне? Он назвал мое имя? Это призрак пришел к призраку... И не умерли они никто, нет! Как-то, я не знаю как, но они в природе, они все трепещут от счастья новой жизни. Они никто не умерли, мои любимые! Не надо больше разлуки! Я люблю тебя! Ты слышишь мой голос? Точно я распространяюсь, растворяюсь. Что я? Я уже ничто...

Лидия ложится на кровать, разросшийся фикус скрывает ее, оплетая, и ее угол становится темным.

Мария. При очередной моей поездке из Ялты в Москву летом 1939 года я зашла сама к Авиловой на квартиру. Она жила тогда на улице Воровского, в доме № 10. Я увидела старую, больную, опустившуюся женщину. На столе лежала груда окурков от папирос. В это время Лидия Алексеевна — тяжело больной человек, страдающий деформирующим спондилезом, почти лишенный способности двигаться. Свидание наше было грустным и — последним. В 1943 году Лидия Алексеевна умерла.

5

В палате светло, помещение выглядит уютнее, чем раньше, прибавилось несколько горшков с цветами. Фикус разросся и заполнил пространство зеленью.

Мария. Дорогая моя, родная моя Олечка, я безумно по тебе соскучилась. Хочу тебя видеть, говорить, говорить без конца, жаловаться на судьбу и т. д. и тому подобное. Я как-то сказала, что я тебя люблю больше, чем ты этого стоишь... Извини, пожалуйста. Если бы ты знала — как мне хочется повидаться с тобой, прижать тебя к моему старому сердцу и тихонечко поговорить.

Ольга. Машенька, дорогая, нежно тебя обнимаю. Недавно мне очень хотелось хоть услышать твой голос, и я его услышала благодаря телефонной связи, соединившей Москву с Ялтой. Ты сказала: «Я очень больна, Оличка». Но все-таки я слышала очень хорошо твой голос, и мне было приятно.

Мария. Олечка, ты мне самая родная, близкая — ближе никого нет... Теперь, к концу жизни, хочется тебе сказать так много нежного и что я глубоко предана тебе. Как бы я хотела послать тебе цветов из нашего сада! Сад у нас, как никогда, великолепен! Масса хризантем, снова цветет белая сирень, теплынь невиданная! Как бы мне хотелось, чтобы ты прошла по нашему садику и увидела бы все это и почувствовала бы аромат его.

Ольга. Воображение часто ведет меня по ялтинскому дому и по саду, где вспоминаю каждое дерево, каждый куст, и золотого Рыжика, и чудесного Каштана, и их возню по фиалковой грядке... На днях во сне я видела Каштанку, бежавшую по дорожке ко мне навстречу, и мне приятно, я помню этот сон.

Мария. Цветущая глициния заглядывает в окно твоей комнаты, распространяя напрасно свой аромат. В природе чудесно, прозрачно, горы позеленели. У нас в саду много цветов, желтые ромашки, лиловые петунии... Эдем, как говорит наш садовник.

Ольга. Вчера ездила в Новодевичий, смотреть, как убрали могилу Антона, там теперь очень хорошо — бегонии и кругом светло-зеленый пиретрум. Около памятника кусты чудесных гортензий в полном цвету, небанальной расцветки, и кругом тоже гортензии.

Мария. Пожалуйста, не умирай раньше меня — я не могу, чтобы вместо тебя было пустое место.

Ольга. Маша, почему мы с тобой так мало говорили по-настоящему!

Мария. Как на этом свете все грустно кончается. Пожалуйста, весной приезжай обязательно.

Ольга. Мария Павловна скончалась 15 января 1957 года в 21 ч. 30 м. Весь вечер она была спокойна и весела. Поужинала и захотела приподняться на постели. Вдруг опрокинулась на подушки и мгновенно перешла в другой мир. Доктор поставил диагноз: общий атеросклероз с поражением коронарных и мозговых сосудов, осложненный инфарктом миокарда.

Радио. Общественность, жители города Ялты, отдыхающие в санаториях и домах отдыха, колхозники и рабочие, учащиеся, пионеры с чувством глубокой скорби проводили Марию Павловну в ее последний путь. Возложено было более 60 венков на ее могилу. Получено свыше 50 телеграмм с соболезнованием из многих уголков Советского Союза. В день похорон и накануне трудящиеся непрерывным потоком шли проститься с уважаемой Марией Павловной. С теплым приветом провожают тебя и природа, и жители города Ялты, достойная сестра великого брата.

Ольга опрыскивает фикус и протирает ему листья.

Ольга. Хорошо бы на могилу Марии Павловны цветы поставить в горшках...

С трудом перемещает тяжелый горшок к портрету Чехова. Разговаривает с портретом.

Ольга. Наконец-то я могу поговорить с тобой, дорогой мой, милый, Антон мой! Где ты теперь — я не знаю. В Ялте первое время я тебя чувствовала всюду — в воздухе, в зелени, в шелесте ветра. Во время прогулок мне казалось, что твоя прозрачная фигура с палочкой идет то близко, то далеко от меня, идет, не трогая земли. Мне кажется, что ты жив и где-то ждешь моего письма. Дусик мой, милый мой, нежный мой, дай мне сказать тебе ласковые слова, дай мне погладить твои мягкие шелковистые волосы, дай взглянуть в твои добрые, лучистые, ласковые глаза. Как я ясно видела тебя во сне сегодня! Ты сидел такой покойный, такой мудрый, с тихой улыбкой и глядел на всех такими глазами, будто все знаешь, и я все прощалась, поцелую, обниму, отойду и опять возвращаюсь, и опять прощаюсь, и так много раз... Родной мой, где ты?

Ольга встает и всматривается в окно. В помещении начинается новый свет: окно теперь оказывается витражным окном Мелихово, через разноцветные стекла которого в комнату льется свет цветной.

А все-таки смерти нет... Об этом после.

Лидия. Последнее время Ольга Леонардовна чувствовала себя хорошо, могла выезжать на прогулки, принимать у себя людей, и, несмотря на то, что после Нового года перенесла тяжелый грипп, все шло вполне благополучно. 13 марта в 1 ч. дня у нее случился инсульт. Парализовалась правая сторона и речь, но сознание оставалось ясным.

Мария. Она узнавала, реагировала, с безмерной кротостью переносила все мучения. 20 марта наступил неизбежный отек легких. Последние сутки были особенно мучительны, но мне хочется думать, что сознания уже не было. 22 марта в 2 ч. дня настал конец. При ее кончине муки были страшные, а лицо стало спокойным и прекрасным с первых мгновений после смерти.

Ольга, Мария, Лидия стоят втроем, держась за руки, и видно, что это не старухи, а молодые женщины.

Из радио доносится музыка.

Радио (мужским голосом). Все это, в сущности, грубо и бестолково, и поэтическая любовь представляется такою же бессмысленной, как снеговая глыба, которая бессознательно валится с горы и давит людей. Но когда слушаешь музыку, все это, то есть что одни лежат где-то в могилах и спят, а другая уцелела и сидит теперь седая в ложе, кажется спокойным, величественным, и уж снеговая глыба не кажется бессмысленной, потому что в природе все имеет смысл. И все прощается, и странно было бы не прощать.

Всегда запертая дверь сама собой открывается, и женщины выходят в сад.

ЕВГЕНИЙ ИОНОВ

ЧАЙНАЯ ПТИЦА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Антоша.

Папаша.

Маменька.

Андрюшка.

Гаврюшка.

Мальчик.

Завсегдатай 1.

Завсегдатай 2.

Мужичок.

Покупательница.

Покупатель.

1

Это Антоша. Он только что вернулся с учебы, делает домашнее задание.

Папаша. Я сейчас уйду по делу, а ты, Антоша, ступай в лавку и смотри там хорошенько.

Лавкой, если что, раньше называли магазины. Хотя было бы, конечно, забавно просить ребенка стеречь лавку на улице. Ну, мало ли, сядет кто на нее без спросу...

Антоша. В лавке холодно, а я и так озяб, пока шел из гимназии.

Папаша. Ничего... Оденься хорошенько — и не будет холодно.

Антоша. На завтра уроков много...

Папаша. Уроки выучишь в лавке... Ступай, да смотри там хорошенько... Скорее!.. Не копайся!..

Это папаша Антоши. Он хочет, чтобы Антоша занимался их семейным бизнесом – управлением магазином. Ну, то есть лавкой.

Маменька. Павел Егорович, пожалей ты ребенка!

Это маменька Антоши. Она хочет, чтобы папаша Антоши не мучил их сынишку.

Папаша. Пускай приучается. Я тружусь, пускай и он трудится... Дети должны помогать отцу.

Маменька. Он и так всю неделю в лавке сидит. Дай ему отдохнуть.

Папаша. Вместо отдыха он баловаться с уличными мальчишками начнет... А если в лавке никого из детей не будет, так Андрюшка с Гаврюшкой начнут пряники и конфеты лопать, а то и деньги воровать станут... Сама знаешь, без хозяина товар плачет...

Тут уж хочешь не хочешь, а согласишься. За Андрюшкой и Гаврюшкой нужен глаз да глаз. Вы еще узнаете почему.

А пока Антоша напяливает на себя с горькими слезами ватное гимназическое пальто и кожаные рваные калоши и идет вслед за отцом в лавку. В ней невесело, а главное – ужасно холодно.

2

В лавке всюду трудятся Андрюшка и Гаврюшка – два брата, взятые папой Антоши на работу. У них синие руки и красные носы. Они постукивают ногою об ногу и ежатся от мороза.

В лавке так же холодно, как и на улице, и на этом холоде Антоше придется просидеть по крайней мере часа три! Антоша заходит за прилавок, взбирается с ногами на ящик из-под мыла и с досадою тычет пером в чернильницу. Что это? Кончик пера натыкается на лед: чернила замерзли! Все, об уроках нечего и думать. Значит, завтра – «двойка», а потом – строгий нагоняй от папы за дурную отметку...

Честно ли это?

3

В лавке бывало не просто невесело. А запредельно скучно! Особенно летом, пока все дети наслаждаются каникулами, Антоша сидит в лавке. А все почему?

Папаша. Нечего баклуши бить на дворе. Ступай лучше в лавку да смотри там хорошенько, приучайся к торговле! В лавке, по крайней мере, отцу помогаешь...

Кроме того, на всем, что касается веселья, лежал отцовский запрет. Бегать нельзя было, потому что...

Папаша. Сапоги побьешь!

Шалить запрещалось, оттого что...

Папаша. Балуются только уличные мальчишки!

Даже играть с товарищами запрещалось.

Папаша. Товарищи бог знает чему научат!

И Антоше приходилось с грустью и со слезами отказываться от всего того, что свойственно и даже настоятельно необходимо детскому возрасту. Он проводил время в лавке, которая была ему ненавистна.

4

Пока Андрюшка и Гаврюшка дрыхнут, где придется, Антоша от нечего делать наблюдает за мухоловкой и следит, как гибнут в ней мухи.

В летнее время в лавке мух – миллиарды. И чтобы хоть немного избавиться от них, папаша Антоши придумал нехитрый, но, по правде сказать, отвратительный способ их ловли.

Значит, берется большая стеклянная банка из-под варенья. В нее наливается до половины подслащенная вода, и плотно закрывается сверху коркою черного хлеба, в центре которой просверлена небольшая дырочка. Мухи пролезают в эту дырочку в банку и уже назад не возвращаются. Часа через три воды уже нет: вместо нее – каша из мух... Пробовали кашу из мух?

Гадость.

Антоша смотрит, как мухи вползают в дырочку. Смотрит долго-долго...

И вдруг, он замечает муху с лицом своего папаши. Она прилетает на банку, пролезает в дырку и плюхается в кашу. А за ней следом еще две мухи. А у них лица Андрюшки и Гаврюшки. Они тоже следом за папашей-мухой лезут в дырку и плюхаются.

Ж-ж-ж-ж-ж!

О! Над банкой кружит еще одна муха. С лицом Антоши.

Ж-ж-ж!

Папаша-муха зовет муху-Антошу в банку. Нечего летать без дела! Все приличные мухи давно сидят в банке! Муха-Антоша нехотя приземляется на край банки.

Кажется, она плачет, ведь она не хочет в банку.

Ж-ж! Буль-буль-буль...

Папаша-муха неумолим! И муха-Антоша заползает в дырку...

5

Тут Антоша просыпается, ведь в лавку приходит покупатель!
Мальчик лет шести.

Мальчик. Дайте на две копейки чаю и на три копейки сахару.

Антоша достает из ящика уже развешенный в маленькие пакетики товар и подает. Но Гаврюшка не прочь позабавиться над маленьким покупателем и загораживает дорогу к дверям.

Гаврюшка. Тебя часто секут дома?

Мальчик. Меня никогда не секут.

Гаврюшка. А хочешь, я тебя кашей из мух накормлю?

Мальчик. Мамочка!

Андрюшка. Лучше отрежем ему ухо и пришьем ему на лоб.

Испуганный мальчик убегает, забыв покупки. Андрюшка и Гаврюшка покатываются со смеху.

Антоша. Хорошо же вы без хозяина торгуете! Этак вы покупателей только отбиваете. Если папаша узнает, он вас сам этой кашей накормит. Еще и пороть будет.

Андрюшка. А ты, Антоша, не слушай... Вот и все. Делов-то.

Антоша. А вы не говорите того, чего мне слушать не стоит. Ушей не оторвешь...

Гаврюшка. А знаешь, Антоша, я воробьиное гнездо нашел.

Антоша. Где?

Гаврюшка. В сарайчике. Пошел туда за углем и слышу под крышей: цвиринь-цвиринь... Полез туда, а там – гнездо и пять маленьких-маленьких яичек...

Антоша. Покажи мне!

Гаврюшка. После когда-нибудь покажу... Если папаше не расскажешь, что мы балуем тут без него.

Антоша чувствовал к ним симпатию, потому что их на его глазах били. Он с самых ранних лет не мог видеть жестокого обращения с животными и почти плакал, если видел, что ломовой извозчик бьет лошадь. А когда били людей, то с ним делалась нервная дрожь. В обиходе же его папы были оплеухи, подзатыльники и порка. Он широко применял эти исправительные меры. Мама Антоши постоянно восставала против этого, но получала всегда один и тот же ответ:

Папаша. И меня так же учили, а я, как видишь, вышел в люди. За битого двух небитых дают. Оттого, что дурака поучишь, ничего худого, кроме пользы, не сделается. Сам же потом благодарить будет...

Папаша Антоши говорил это искренне и верил в то, что говорил. По природе он был вовсе не злым и даже скорее добрым человеком, но его жизнь сложилась так, что его с самых пеленок драли и в конце концов заставили уверовать в то, что без порки воспитать человека невозможно.

Правда, иногда даже страх порки не останавливал Гаврюшку и Андрюшку от шалостей.

6

Иногда в лавке собирались завсегдатаи и садились за столом. Они говорили о всяких глупостях и отвлекали от работы. Но Гаврюшка и Андрюшка нашли на них управу.

Сидят, значит, завсегдатаи... и вдруг один из них вскрикивает и вскакивает.

Завсегдатай 1. Что такое?

Завсегдатай 2. А цорт ево знать, сто такое... Кололо мне, как с иголкой. Крепко кололо...

Завсегдатай 1. Может, тебе детишки дома булавку в сюртук воткнули... Или сам как-нибудь на булавку сел...

Завсегдатай 2. Нет, булафка ни так колица...

Завсегдатай 1. Может, блоха укусила?

Завсегдатай 2. А мозеть бить, мозеть бить! Безим отсюда, пока блохи не загрызли нас!

И завсегдатаи убегают. У Андрюшки во все это время самая невинная и самая невозмутимая и серьезная физиономия. Его серьезность смешит Антошу, и он никак не может успокоиться. Он знает, что Андрюшка приладил внутри стула иголку, что стоит только издали потянуть за незаметную ниточку, как она вопьется в тело сидящего и затем моментально исчезнет... Ох, узнай об этой штуке папаша Антоши – ох-ох-ох, что было бы!..

7

Иногда все же и в лавке случался своего рода праздник, оживлявший однообразную и скучную лавочную жизнь. Это был любопытный праздник самых неожиданных находок... Тогда на пороге лавки показывался длинный, сухой и весь покрытый потом мужичок. На плече у него полный мешок. Кто это, дети? Нет, не сушеный Дед Мороз. А так, торгаш.

Мужичок. Уф! Ужарился... Только ради вас и нес эту тяжесть...

Папаша Антоши вступает в торг.

Папаша. Сколько?

Мужичок. Двадцать хвунтов... хоть свешайте!

Папаша. Не надо. Еще старый не продан.

Мужичок. Возьмите, пожалуйста! Теперичкэ я дешевле отдам, чем тот раз...

Папаша. Нет, не надо. Неси назад...

Мужичок. Накажи мне бог, задешево отдам!.. Куда я тяжесть эту понесу? Спина сломается.

Папаша. Сколько хочешь?

Мужичок. Два рубля!

Папаша. Рубль!

Мужичок. Да вы чего ж?! Человек или изверг?

Папаша. Я – торговец!

Мужичок. Черт с вами! За пустым мешком завтра приду.

Мужичок только за порог, и на всю лавку раздается клич:

Папаша. Дети! Идите чай выбирать!

Папаша Антоши высыпает чай на стол, вокруг которого садятся дети.

Папаша. Выбирайте хорошенько, почище!

Начинается веселая и шумная работа. Дети свертывают из бумаги тоненькие палочки, слюнявят кончики их и, отсыпав по небольшой щепотке чая, начинают выбирать из него сор. Каждому любопытно, что именно судьба пошлет ему на долю.

Гаврюшка. Я нашел кусок когтя!

Андрюшка. У меня две сухие веточки и гвоздик!

Антоша. А я нашел камень и куриное перо! А у вас что попало?

Все эти любопытные находки каждый откладывает в сторону, и скоро этих находок набирается довольно богатая коллекция: здесь и камешки, и перья, и щепочки, и мелкие гвозди, и ногти, и обгорелые спички, и волосы, и всякая дрянь. Но для детей это очень любопытно. Для них это – праздник. Они не понимают, почему это мама Антоши брезгливо отворачивается и с упреком говорит:

Маменька. И как не грешно тебе, Павел Егорович, торговать такой дрянью?!

Папаша. А я его с хорошим перемешиваю. Очень хороший и недорогой чай получается...

Антоша. Так что ж, мама, можно ли продавать такой чай?

Маменька. Должно быть, деточка, можно... папаша не стал бы продавать скверного чая...

Антоша и верил, и не верил, и в душе у него один за другим начинали зарождаться назойливые вопросы, от которых лавка делалась ему все противнее и противнее...

8

Однажды пришла в лавку возмущенная покупательница... Точнее, не пришла, а вернулась! Она была тут пять минут назад, купила... что?

Покупательница. Я только что купила полфунта колбасы и, придя домой, взвесила покупку, и что? Полного веса в ней нет! Дурите покупателей!

Покупательница была права. Антоша сам видел, как Андрюшка, отрезав колбасу и положив на весы, подтолкнул незаметно пальцем чашку с гирями.

Антоша. Ты зачем обманываешь покупателей, обмериваешь и обвешиваешь их?

Андрюшка. А как же иначе? Если не обвешивать, так папаше никакой пользы от лавки не будет...

Антоша. Надо папе рассказать.

Андрюша. Тогда воробьиное гнездо не покажем!

Антоша. Эх, ну, может, обойдется. Папаша извинится и...

Папаша. У нас, сударыня, товар вешается верно. Это у вас, а не у нас ошибка вышла. Это у вас весы неверны. А может, вы дома отрезали кусочек и скушали?

Покупательница. Чаво?! Да разве ж это честно?

Папаша. Вы нас, сударыня, упрекать не смейте! Подите прочь.

Покупательница. Караул! Жулики!

Папаша. Ну ка цыц!

Возражения принимают острый характер и переходят в крупный разговор, который я не стану вам пересказывать. И все это из-за такого ничтожного ломтика, который не стоит и четвертой доли копейки. Но в этом случае папаша Антоши твердо отстаивает свой принцип.

Папаша. Тут грошик убытка да там полушка – смотришь, и набежит целый гривенничек убытка. А гривенники на улице не валяются... Копеечка рубль бережет... Уж и так едва концы с концами сводим. Случись один пустяк какой, и все – плакала лавочка.

Сам по себе папаша Антоши был, безусловно, честен и всю жизнь свою был уверен, что торговал честно. И делал все, чтобы торговля шла гладко. Только порой честность и жадность могут сыграть злую шутку.

9

Так уж вышло, что недовольная покупательница испортила продажи, которые и без того были не ахти. А тут еще... такое приключилось! В общем, верно говорят: беда одна не приходит...

Папаша. Этакая, подумаешь, беда: в нашем баке с маслом ночью крыса утонула.

ТЬфу, гадость какая!

Папаша. А в баке масла более двадцати пудов. Забыли на ночь закрыть крышку, она, подлая, и попала... Пришли сегодня в лавку, а она и плавает сверху...

Потерять двадцать пудов прекрасного галипольского масла было бы чересчур убыточно. Масло было превосходное и шло одинаково и в пищу, и в лампы. Оно приносило основной доход! Как же быть со злополучным маслом, в котором утонула крыса? Не пропадать же ему? Не терпеть же из-за какой-то глупой крысы крупного убытка!..

Как бы в наше время торговец решил эту задачу? Он вытащил бы крысу за хвост, забросил бы ее куда-нибудь подальше и промолчал бы.

Но папаша Антоши поступил иначе. После очень короткого раздумья он решил...

Папаша. Крыса – животное нечистое! А значит, масло вовсе не испорчено, а только осквернено! Как в молитве говорится: «И избавимся от всякия скверны».

Папаша Антоши был большим знатоком священного писания и знал, что существуют «очистительные» молитвы. Этого было совершенно достаточно для восстановления доброй репутации масла.

10

В тот же самый день Антоша обошел всех известных покупателей.

Антоша. Кланылись вам папенька и просили пожаловать в воскресенье в лавку. Будет освящение масла...

Покупатель. Какое такое освящение? Что за освящение?

Антоша. В масло дохлая крыса попала.

Покупатель. И вы это масло продавать будете? Скажи своему папеньке, что после этого я у него ничего покупать не стану.

Папаша Антоши был поражен такими неожиданными ответами. Тем не менее «очищение» состоялось.

11

Торжество было устроено великое! На прилавке, на постланной белоснежной скатерти, были установлены две иконы. Перед иконами поставлена на самом видном месте суповая миска, наполненная «оскверненным» маслом. По сторонам миски – горкою уложен хлеб. Между мискою и иконою – большая восковая свеча в маленьком медном подсвечнике. Лавка убрана, выметена и вычищена на славу. Спасибо Андрюшке и Гаврюшке.

Итак, почти все в сборе!

Тут появляется батюшка. Он покосился на всех и в особенности на миску с маслом, вздохнул и начал молиться.

Папаша Антоши взял свою скрипку и стал играть церковную музыку. Дети ему подпевали.

Закончив очистительную молитву, батюшка отломил кусочек хлеба, обмакнул в миску и... фу, гадость какая... съел с видимым отвращением.

Папаша Антоши сделал то же самое и детей заставил.

Папаша. Пожалуйте, господа: масло теперь чистое...

Но из публики никто не шевельнулся.

Папаша. Что же вы, господа, не кушаете? Ведь теперь все освящено и очищено...

12

С этого момента, к величайшему удивлению и недоумению папаша Антоши, торговля сразу упала, а на масло спрос прекратился совсем.

Покупатель. Дайте бутылочку вина. А в этом вине никакой посторонней твари нет? Впрочем, извините, забыл: у вас только в масле крысы плавают...

Покупательница. Вас за ваше масло надо под суд отдать, чтобы не смели народ гадостью травить...

Папаша. Помилуйте, масло освящал сам батюшка!

Покупательница. И его под суд!

Антоша. Папаша, мне теперь можно идти? Мне надо уроки учить...

Папаша. Иди. Только смотри уроки учи, а не балуйся, не то и тебя под суд!

Антоша степенно и благонаравно выходит из лавки. Но лишь только за ним скрипя захлопнулась дверь, он тут же помчался на простор, как птичка, долго томившаяся в клетке...

13

Антоша бежал посмотреть на воробьиное гнездо. Вы видели когда-нибудь гнезда?

Антоша, ты почему остановился?

Антоша. А вдруг Андрюша и Гаврюша обманули и никакого гнезда нет!

Почему ты решил, что они тебя обманули?

Антоша. Как это почему? Они в лавке всех всегда обманывают! Как было бы хорошо, если бы торговля у папаша была поставлена на честных началах! Все бы тогда было у него хорошо!

Но ведь и ты не пошел сейчас уроки делать...

Антоша. Да ведь я одним глазком! Я же давно хотел посмотреть на гнездо! Я взгляну – и сразу за уроки.

Честно?

Антоша. Честно-честно!

Ну что... Позволить ему посмотреть на воробьиное гнездо?

14

Антоша добегает до сарая, о котором говорили Андрюшка с Гаврюшкой. Обходит его и... ура! Находит гнездо! Антоша, а чего ж не весел?

Антоша. Воробьи уже вылупились и улетели! Я не успел... Вон только скорлупа от яиц валяется.

Как же быть... Придумал!

Вдруг, откуда ни возьмись...

Ж-ж-ж-ж!

Папаша-муха!

Папаша-муха. Антошка, не печалься! Включи лучжже воображжение!

Папаша-муха выкладывает перед Антошей все чайные находки. А из них... все вместе... складывается...

Антоша. Ого! Это же птица! Чайная птица!

Папаша-муха. Ах как кружжжит! Антошка! Я горжжжусь тобой! Продолжжай воображжать!

И папаша-муха улетает, оставив Антошу одного с его чайной птицей. Антоша до того заигрывается с ней, что не замечает, как эта чайная птица влетает в лавку папы Антоши и разносит ее в пух и прах!

15

Вскоре папаша Антоши разорился и уехал жить в другой город, вместе с мамой, братьями и сестрой Антоши.

Сам Антоша остался доучиваться. Он все делал честно и продолжал воображать. И спустя много лет Антоша вырос и стал взрослым Антоном Павловичем.

Как-то они сидели тут в Мелихове возле пруда, воображали, будто рыбачат.

Антон. А помнишь, папаша, как ты нас поркой воспитывал в лавке?

Папаша. Пора бы уж об этом и позабыть! Мало ли что было в прежнее время?! Прежде думали иначе... А все ж прости и зла на меня не держи.

Папаша Антоши брался за скрипку и наигрывал заученную музыку. А чайная птица все кружила и кружила!

ВАЛЕРИЯ ТЕМКИНА

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ДОЖДЬ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Павел Егорович — отец.

Антон Павлович — сын.

Работники без реплик.

На сцене пустая скамейка. Недалеко разбит огород. В начале спектакля он хаотично заполнен условными растениями, деревьями, вещами. Вокруг огорода всегда есть актеры.

Голос за сценой:

Из Википедии: «Павел Егорович Чехов с 1892 года жил в мелиховском имении Антона Чехова. Там он надзирал за хозяйством, ухаживал за садом, читал газеты и вел дневник».

Павел Егорович выходит на сцену, садится с одного края скамейки.

Голос за сценой: Весна.

Павел Егорович. 1-го марта 1892 года переехали из Москвы со всем имуществом Павел Чехов, Маша и горничная Пелагея к обеду.

4-го марта Антоша совсем переехал в свое имение.

Входит Антон Павлович, садится с другого края скамейки. В руках у него семнадцатый том собрания сочинений.

За весь спектакль Павел Егорович и Антон Павлович никак не взаимодействуют. И ведут себя так, как будто не видят друг друга.

Антон Павлович (Читает из книги со всеми знаками препинания). Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 17. Записные книжки. Записи на отдельных листах. Дневники. М.: Наука, 1980. С. 7–105. (Откладывает книгу).

Павел Егорович. Дневник Павла Егоровича Чехова.

Подвигаются немного ближе друг к другу.

Антон Павлович. Хлеб твой черный, дни твои черные.

Павел Егорович. Священник был, окропил комнаты святой водой.

Один из работников окропляет из чашки водой скамейку, и огород, и актеров.

Лед растаял в пруду. Сад расчистили.

Антон Павлович. Девочка моет в пруду отцовские сапоги.

Одна из девушек протирает сапог Павлу Егоровичу.

Убирают из огорода вещи, оставляя его пустым. Все складывают в аккуратную кучу в одном углу, так чтобы из нее можно было доставать предметы.

Павел Егорович. Сегодня 16 лет, как я приехал в Москву жить.

Антон Павлович. Там хорошо, где нас нет: в прошлом нас уже нет, и оно кажется прекрасным.

Павел Егорович. Помолившись Богу, овес посеяли.

Работники втыкают в огород условные саженцы.

Антон Павлович. «Мама, Петя богу не молился!» Петю будят, он молится и плачет, потом ложится и грозит кулаком тому, кто пожаловался.

Один из работников у огорода грозит кулаком в потолок.

Павел Егорович. Вишни, груши и сливы цветут.

Работники приносят несколько условных деревьев, на них накалывают цветы. Один из цветков накалывают на Антона Павловича.

Антон Павлович. Зачем деревья растут, и так пышно, если хозяева умерли?

Павел Егорович: Сделана большая дорожка, от дома до забора.

Раскатывают дорожку мимо скамейки. Слишком близко к Антону Павловичу.

Антон Павлович. Жизнь кажется великой, громадной, а сидишь на пяточке.

Сдвигается немного к самому краю скамейки, подтягивает ноги.

Павел Егорович. Духов день. Крестный ход. В саду чай пили.

Подносят чашки Антону Павловичу и Павлу Егоровичу.

Антон Павлович. Герой целый день пьет чай.

Чашки забирают, ставят рядом со скамейкой. Постепенно пространство вокруг них тоже заполняется предметами.

Павел Егорович. Маша купила мне портфель.

Приносят из кучи вещей Павлу Егоровичу портфель, до конца спектакля он остается на сцене.

Весь месяц не было хороших дождей.

Молеbstво о бездождии.

Антон Павлович *(с чувством)*. Костя предпочитает плохую, серенькую погоду. Когда стучит дождь и рано наступают сумерки, ему приятно. Ярцев и Костя без памяти любят Россию.

Павел Егорович. Сеяли гречу. Дорожки почистили. Мизинова приехала.

Подметают пространство сцены, так что Антону Павловичу и Павлу Егоровичу приходится поднимать ноги. В огород хаотично втыкают еще саженцев.

Антон Павлович. И от радости, что гости наконец уходят, хозяйка сказала: «Вы бы еще посидели».

Павел Егорович. Тихо и пасмурно. Учитель и его жена у нас обедали и чай пили.

Антон Павлович. Учитель: из чего сделано сердце? Девица <подумав>: из хряща. (Пытается нащупать у себя сердце, но кладет руку не туда.)

Павел Егорович. Ветер восточный. Гряды копают в саду. Березы распускаются. Из почек смородины и берез пили водку.

Работники приносят рюмки. Павел Егорович и Антон Павлович выпивают, рюмки ставят рядом.

Антон Павлович. Разговор на другой планете о земле через 1000 лет: помнишь ли ты то белое дерево... <березу>.

Ставят в огород березу.

Павел Егорович. За обедом Иваненко был в восхищении. Ему нравится мадемуазель Дроздова.

Антон Павлович. Девочка с восхищением про свою тетю: она очень красива, красива, как наша собака! (Шепотом.) Хочется думать <судя по лицу>, что под корсажем у нее жабры (Берется за шею руками).

Павел Егорович. Рожь сеют. Утром мороз. День ясный. Земля влажная. Жена работника Романа родила сына.

Работники сажают в огород еще саженцев.

Антон Павлович. Я терпеть не могу, когда кричат дети. Но когда плачет мой ребенок, я не слышу.

Голос за сценой. Запись, сделанная весной рукой Александра Чехова в дневнике Павла Егоровича:

«По этому дневнику Саша справлялся для Антоши и Маши, скоро ли будет дождь. Облака есть, дождем пахнет, а Саша, хоть и умный, а все-таки — дурак».

Павел Егорович. Ночью Карноушка отелилась «уродом». Издох.

Антон Павлович. Выкидыш оттого, что волна ударила во время купанья, океанская волна; оттого, что происходило извержение Везувия.

Павел Егорович. Антоша болен.

Антон Павлович. Антоша, мы вас обожаем. *(Шепотом.)* Если хочешь, чтобы тебя любили, будь оригинален; я знаю человека, который ходил в валенках зиму и лето, и в него влюблялись

*На Антона Павловича надевают валенки.
Павел Егорович отодвигается подальше.*

Голос за сценой. Запись, сделанная весной рукой Антона Павловича в дневнике Павла Егоровича:

«Баран прыгает. Марьюшка радуется. Парники готовы. Мамаше снилась коза на горшке. Ели жареное вымя. Слыхали жаворонка. Вечером пролетел журавль. Мамаше снился гусь в камилавке. Это к добру. Зарезали свинью. Делали колбасы».

Лето.

*Антон Павлович и Павел Егорович снимают некоторые элементы одежды.
Антон Павлович откалывает цветок и снимает валенки.*

Павел Егорович. Саша снял фотографические виды с нас.

*Фотографируют полароидом, снимки отдают Павлу Егоровичу
и Антону Павловичу, те прячут их за пазуху.*

После дождя растение поправляется.

Антон Павлович. Садовник изменник, когда он продает настурции.

*Выносят букет, какое-то время Антон Павлович с ним сидит.
Потом кладет рядом с собой.*

Павел Егорович. Вишни и крыжовник спели.

Антон Павлович. Крыжовник был кисел: «Как глупо», — сказал чиновник и умер.

Павел Егорович. Варенье сварил я.

*Приносят Павлу Егоровичу банку. Какое-то время он сидит с ней.
Ставит рядом с собой.*

Антон Павлович. Варенье. Молодая, недавно вышедшая дама варит варенье. Возле сидит тамап. У дочери деспотические руки, короткие рукава. Мать обожает дочь. Священнодействуют. Чувствуется мучительство.

Девушки у огорода разыгрывают сцену.

Павел Егорович. Буря сломала березу, яблоки стрясла.

Березу ломают.

Антон Павлович. Дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. *(Качается.)*

Павел Егорович. Кухарку Дарью рассчитали за грубость.

Антон Павлович. Это не женщина, а петарда.

Павел Егорович. Антоша приехал. Луна родилась в 8 часов утра.

Антон Павлович. Спальня. Лунный свет бьет в окно, так что видны даже пуговицы на сорочке.

Павел Егорович. Дождь и гром.

Начинает греметь гром, Павел Егорович и Антон Павлович сдвигаются чуть ближе.

Антон Павлович. Мама, из чего сделана молния?

Павел Егорович. Густой туман. Пионы, все 13 бутонов, расцвели. Жасмин начинает цвести. Среди дня пасмурно, +10°. Грачи кричат. Осенние облака ходят.

Из кучи вещей работники достают цветы и втыкают в огород. Раздается птичий крик, на него оборачиваются Павел Егорович и Антон Павлович.

Антон Павлович. Девочка, никогда не бывавшая в деревне, чувствует ее и бредит о ней, говорит о галках, воронах, жеребятках, представляя себе бульвары и на деревьях птиц.

Павел Егорович. Великолепный дождь.

Антон Павлович. Был счастлив только раз в жизни — под зонтиком.

Из кучи вещей работники вытаскивают зонтик, раскрывают над Антоном Павловичем. Потом зонтик относят в огород.

Павел Егорович. В саду клубника поспела. Книжка послана о земледелии. Клевер убирают в каретник. Сапожник башмаки сшил мне.

(Павлу Егоровичу передевают обувь.)

Антоша и Иваненко рыбы наловили в большом пруду. Антоша ел суп из карасей.

Антон Павлович. Дедушке дают покушать рыбы, и если он не отравляется и остается жив, то ее ест вся семья. *(Из-за пазухи достает сушеную рыбу, думает, откусить или нет, откладывает.)*

Павел Егорович. Праздник. Сятили яблоки и раздавали.

Антон Павлович. Ивану не нравится Софья, потому что от нее пахнет яблоками.

Молодой работник у огорода принохивается к девушке и отодвигается подальше.

Павел Егорович. Яблоки осыпаются. К вечеру Коновицеры приехали. Ужинали в саду, Коновицеры утят и цыпленков не ели.

Антон Павлович *(с нажимом)*. Боже, не позволяй мне осуждать или говорить о том, чего я не знаю и не понимаю.

Павел Егорович. На горке пили вино и ели конфеты. Шарик, собака, купался в Большом пруде.

Работники приносят им вино и конфеты. Посуду забирают и уносят в огород.

Антон Павлович. Черная собака — похоже, как будто она в калошах.

Павел Егорович. Дождь. Чечевика в поле лежит мокрая.

Дождь. Гречиха мокрая, возить нельзя.

Дождь. Кислая погода, работать нельзя.

Антон Павлович. Дождь. Попробовать грузди со сметаной. *(Довольно улыбается.)*

Павел Егорович. День Свадьбы Ивана с Софьей Андреевой. Венчали в Мелихове.

Антон Павлович. Ваша невеста хорошенькая? Да они все одинаковые.

Павел Егорович. Антоша перебрался в скит. Подвизаться в посте и трудах, отшельником, удаляясь от мирской суеты.

Антон Павлович. Ку-ку-ку-ха-ха-ха!

Павел Егорович и Антон Павлович немного отодвигаются друг от друга.

Павел Егорович. Чужая корова ночью гуляла в саду по дорожкам и съела капусту.

Антон Павлович. Не я сделал зло этой силе, а она мне.

Павел Егорович. Козочка случена.

Антон Павлович. Если боитесь одиночества, то не женитесь. *(Мотает головой.)*

Павел Егорович. Возят и молотят. Мизинова приехала.

Антон Павлович. А это, рекомендую, мать моих сукиных сынов.

(Шепотом.) Она кормила свою собаку зернистой икрой.

Голос за сценой. Запись, сделанная летом рукой Татьяны Щепкиной-Куперник в дневнике Павла Егоровича:

«Таня не была в Мелихове 4 года и с искренним счастьем увидела и Мелихово, и его обитателей. Здесь все нашла по-старому, и людей, и цветы, и животных. Дай Бог и дальше так. День ясный и благорастворение воздуха. Таня уехала в Москву. Вернется скоро. Писательница Щепкина поднимала Марии Чеховой ножик, из-под кровати».

Голос за сценой. Осень

Павлу Егоровичу и Антону Павловичу приносят несколько теплых вещей, надевают их.

Павел Егорович. Работа в доме окончена. Мастера ушли. Дай Бог пожить мирно.

Антон Павлович. В усадьбе везде надписи: «Посторонним вход запрещается», «Цветов не топтать» и прочее.

Из кучи предметов выносят таблички и ставят в огород.

Павел Егорович. Снег и дождь. Капусту рубят 3-й день.

Антон Павлович. Человек, который, судя по наружности, ничего не любит, кроме сосисек с капустой. *(Гримасничает.)*

Павел Егорович. Свиныю зарезали весом 5 пудов по 4 рубля 50 копеек, 22 рубля 50 копеек. Полнолуние. Дождь идет. Снег обратился в тесто.

Антон Павлович. Снег падал и не ложился на землю, обгавленную кровью.

Павел Егорович. День нашего Бракосочетания. 43 года прожили в мире и согласии.

Антон Павлович. Зачем Гамлету было хлопотать о видениях после смерти, когда самая жизнь посещают видения пострашнее?

Павел Егорович. Чай пили. За воротами на пруде был пущен фейерверк с бенгальским огнем. Семь душ, ночевали посторонних.

Антон Павлович. Про чай — согревающий напиток.

*Работники опять достают чашки из огорода, подносят.
Антон Павлович не берет.*

Антон Павлович. Игра в радушие и в хлебосольство.

Павел Егорович. Солнце. Днем тепло. Блины ели хорошие.

Антон Павлович. Старики прожорливы.

Голос за сценой. Запись, сделанная рукой Антона Павловича в дневнике Павла Егоровича:

«Ходили с таксами на охоту, но барсука в норе не нашли. Покрыли навозом спаржу. Приехал Левитан. Сад и поле белы от изморози. Цветы померзли. Сажали тюльпаны. На огороде пахали. Левитан уехал. Возят из леса дрова. Тепло и ясно весь день. Покрыли соломой розы».

Голос за сценой. Зима.

Антон Павловича и Павла Егоровича укутывают сильнее.

Павел Егорович. Рождение луны. Снег идет при 2 градусах тепла. Безделье и лень царствуют.

Антон Павлович. Постилают вместо простынь грязные скатерти (*хмурится*).

Павел Егорович. У Миши и Лели родилась дочка Евгения.

Антон Павлович. Беременная дама с короткими руками и с длинной шеей, похожая на кенгуру.

Одна из девушек вытягивает шею и делает руки как у динозавра.

Павел Егорович. Цыплаков не захотел снимать кожи с кобылы. Маленькую кобылку поют молоком.

Антон Павлович. Мороженое из молока, в котором будто бы купали больных.

Павел Егорович. Снег идет. Психиатр уехал.

Антон Павлович. Тирли-тирли-солдатирли.

Павел Егорович. Собака съела голубка желтого.

Антон Павлович. Дела определяются их целями; то дело называется великим, у которого велика цель.

Павел Егорович. Антоша — именинник.

Вместо шапки работник надевает на Антона Павловича праздничный колпак из бумаги.

Антон Павлович. Голова ты моя удалая, долго ль буду тебя я носить.
(Снимает колпак.)

Павел Егорович. Хинка оценилась 5-ю. Мороз 12 градусов.

Гости уехали на 2 санях. Увезли щенят в Москву.

Игрушечных собак достают и кладут в огород.

Антон Павлович. Софи боялась, чтобы собака ее не простудилась от сквозного ветра.

Одну собаку девушка укутывает и гладит на коленях.

Павел Егорович. Дроздова съела 10 блинов, Коля — 6, Маша — 4 блина.

Антон Павлович. Полная девочка, похожая на булку.
(Достает булочку из кармана и ест.)

Голос за сценой. Запись, сделанная зимой рукой Татьяны Щепкиной-Куперник в дневнике Павла Егоровича:

«Погода ясная. Маринад превосходно удался. Были гости. Приезжал мужик жаловаться на Зязина. Ели прекрасные творожники. У обедни никто не был. Смеются все с утра до вечера».

Павел Егорович. Работник Роман с женой поссорился, Олимпиада коров не стала доить и кур не кормила.

Антон Павлович. Я твой законнорожденный муж!

Павел Егорович. Восход солнца ясный. Некролог. После многолетних трудов и усердной службы старушка Петровна отказалась от мира сего, околела, оставила после себя в залог кобылку 2,5 месяцев «Звездочку».

Антон Павлович (Глядя в окно на покойника, которого несут). Ты умер, тебя на кладбище несут, а я завтракать пойду.

Павел Егорович. Роман уехал хоронить свою жену Олимпиаду.

Антон Павлович. Смерть страшна, но еще страшнее было бы сознание, что будешь жить вечно и никогда не умрешь.

Павел Егорович. Год кончается суровый, холодный и многоснежный. За ужином был пирог, кому достался гривенник, не было записано.

Антон Павлович. Наша вселенная, быть может, находится в зубе какого-нибудь чудовища.

*Ему выносят кусок пирога, он откусывает и достает гривенник.
Убирает в карман. У него забирают тарелку, относят в огород.*

Павел Егорович. Роман ездил на станцию, никого не привез.

Антон Павлович молчит.

Работник Иван уехал домой, по случаю смерти отца.

Антон Павлович молчит. А потом начинает говорить.

Антон Павлович. Если бы я мог вырвать из груди сердце, которое стало у меня таким тяжелым.

Голос за сценой. 1898 год. Сего месяца Павел Егорович Чехов скончался в Москве в пять часов пополудни. Запись от 12 октября сделана Марией Павловной Чеховой.

Павел Егорович уходит со сцены.

Антон Павлович. Грустная новость, совершенно неожиданная, опечалила и потрясла меня глубоко. Жаль отца, жаль всех вас <...> Мне кажется, что после смерти отца в Мелихове будет уже не то житье, точно с дневником его прекратилось и течение мелиховской жизни.

Антон Павлович уходит со сцены.

Огород опустошают, уносят все. На сцене остаются: букет, праздничный колпак, банка варенья, сушеная рыба и портфель Павла Егоровича.

АРТЕМ КАЗЮХАНОВ

СОБАКИ ЧЕХОВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Хина — рыженькая такса-девочка; неуклюжа и толста, ленива и лукава, «рыжая корова».

Бром — черненькая такса-мальчик с глазами Исаака Левитана; ловок и гибок, «царский вагон».

Дарья — молодая кухарка в имении; деловита, нагла и хитровата; упитанная, но шустрая дамочка.

Пастух — простоват и труслив, прежде приходил лечить дочку от дифтерита, да так и повадился.

Чехов — хозяин такс, врач, писатель; смертельно болен; владелец, вынужденно продающий имение.

Коншин — новый владелец имения; прижимист, обходителен, немного лицемерен, «инвестор».

Харитон — могучий, богобоязненный дворник; любит людей и собак; всегда выполняет приказы.

Пациенты:

Девушка — городская, недалеко, пуглива, но ласкова; больше всего на свете боится гнева отца.

Отец — бедный крестьянин, выращивает лен; мечтает, чтобы сын когда-то основал фабрику.

Его сын — любопытный мальчик лет пяти-шести, очарованный сложными механизмами.

Приказчик — манерный симулянт из Серпухова, тяготящийся своей работой; но другой у него нет.

О покойной Каштанке, о мелиховских таксах Броне и Хине он вспоминал так тепло и в таких выражениях, как вспоминают об умерших друзьях. «Славный народ — собаки!» — говорил он иногда с добродушной улыбкой.

А.И. Куприн «Памяти Чехова»

УТРО

Мелихово. Усадьба Чехова. Кабинет писателя. В окна сочится прохладный свет. У стены стоит добротный диван, на который собакам воспрещено забираться без разрешения. Однако на нем, не испытывая мук совести, возлежит Хина. Она лежит уже довольно долго. Людей в комнате нет — еще рано. Входит Бром.

Бром. Ц-ц-ц-ц-ц-ц*. А вообще, на полу гораздо лучше.

Хина. Мне и здесь неплохо.

Бром. Знаешь, говорят, прогулки полезны. Давай побегаем?

Хина. Пошел отсюда.

Бром. А не очень-то и хотелось. И вообще — это не диван, а сплошная безвкусица. Ты с ним сливаешься.

Хина. Я не слезу.

Бром. И кто вообще эту мебель придумал... Как-то же ведь раньше жили без нее...

Хина молчит.

Бром. Ладно, скажу впрямую: ты лежишь на запретном диване. Слазь! Сюда нельзя!

Хина молчит.

Ну не надо! Послушай! Пошли лучше снаружи поваляемся. А то ведь увидят — и тебе достанется, и мне, за компанию. Они же не любят, когда кто-то вот так, в нахалку, игнорирует их. Хотя бы для виду притворись, что слушаешься.

Хина молчит.

Драть ведь будут.

---

* Периодически встречающиеся в тексте вставки из букв Ц («ц-ц-ц-ц-ц») — не простая прихоть. Это — главная моя ассоциация с таксами. Без этого звука я не представляю себе данную породу собак и пьесу с ними. Этими буквами я имитирую лапки такс, бьющие по полу, где нет ковра, травы или земли. На мой взгляд, этот звук очень важен для атмосферы пьесы. Более всего он похож на укоряющее цоканье языком. Ц-ц-ц-ц-ц.

Хина. Не за это драться будут — так за то. Сейчас Дашка придет, увидит, нажалуется. Или за штаны. Или Харитон напьется — под горячую руку попадем. Так оно все и выходит. Как ни повернись — а получаешь по заднице. Жизнь такая...

Бром. Ругаться же будут... Нельзя.

Хина. Присоединишься?

Бром. Конечно.

Лежат. Входит кухарка Дарья. Бром и Хина молчат.

(Суетливо.) Ой, надо бы слезть.

Хина. Лежи. Перебьется.

Дарья. Вот ведь сучьи дети. Растележились... Черепахи!

Бром. А что такое «черепахи»?

Хина. Отстань. Черепах никогда не видел?

Дарья. И пошто вас кормят только. Ни на службу вас, ни на мясо...
А ну пшли отсюда!

Бром и Хина на это не реагируют.

Бром. Я бы ее укусил, но я лежу в другую сторону.

Хина. Чести больно много.

Дарья. Ну ведь никакого уважения. У, хвосты-то какие. А тушки! А уши! Огромные. А морды... Ну крысы — одно слово!

Хина *(негромко рычит)*. На себя бы посмотрела, жаба. Сама, что ли, красивая?

Дарья. Огрызаец-ца еще! Я т-те дам! *(грозит кулаком, уходит)*.

Пауза.

Хина. Чего грустишь?

Бром. Не знаю. Осень...

Хина. А я знаю. По дворняге своей?

Бром. Не трогай мою Жюли!

Хина. У этой сучки даже клички нет. То Картошкой ее кличут, то Сметанкой, то Сволочью, то Сгиньярвой. Какая ж она, к бесу, Жюли?

Бром. Хамка ты.

Хина. А ты мямля.

Бром. А ты жирная.

Хина. А ты дурак! Ну поди, да объяснись! Футурист. Лежит он тут, страдает.

Бром. Объяснишься с ней, как же. Там Шарик. Хоть и на привязи, а все равно не пускает, сукин сын.

Хина хохочет.

Хина. А помнишь, как он тебя на прошлой неделе шуганул? Никогда прежде не видела, чтобы кобель бежал со скоростью света и при этом справлял нужду... прямо на бегу. *(Заливается хохотом.)*

Бром. Да ну тебя... Я с ним еще рассчитаюсь. Ох-х-х-х... Я словно птица без крыльев.

Хина. О, нет. Вот у нас за флигелем журавль подстреленный завелся. Вот у него действительно проблемы. С его-то возможностями... А ты — лось безвольный. В дворнягу он влюбился, тьфу. Вот бы Хозяин его подлечил. А то все: люди да люди... добро б хорошие были. А то придут прохвосты какие-нибудь, их утопить мало. А он возится, примочки, микстуры, лекарства...

Бром рычит.

Бром. Бездушная ты.

Хина. Ц-ц-ц-ц-ц-ц. Эх, сейчас бы в коляску, да махнуть куда-нибудь. В поле, чтобы свобода. Чтобы посмотреть на что было. Смотри, как красиво. Яблони. Хлев. Пруд. Столько всего на свете есть — а я тут с тобой лежу.

Приподнимается, тянет мордочку в сторону окна.

Бром. Вот поэтому тебя никуда и не выпускают. Боятся, что сбежишь.

Хина. Да не сбегу я никуда. Я мир посмотреть хочу, понимаешь? Да ничего ты не понимаешь. Собака рождена на свет, чтоб изучать, узнавать! Чтоб дичь ловить, в конце концов! Мы же охотники! А нас тут держат, как пуделей каких-то. Для красоты. Тебя вот почему выпускают?

Бром. Я не убегу потому что. Я умный.

Хина. Ленивый ты, а не умный. Дальше калитки сунуться боишься. Съедят.

Бром. А тебя не съедят?

Хина замолкает.

Хина. А, может, и сбегу. Может...

Бром. Да куда ты убежишь с такими лапами...

Хина. Не пыхти. *(О чем-то думает.)* Хочешь, я с твоей Сволочью поговорю?

Бром. Что?

Хина. Ну с Жюли твоей...

Бром. Сам. Это — мужское дело.

Хина *(хохотнув)*. Хоть дворняг побольше произведешь на свет. А то опять запрут меня с тобой в бане — и не отвертишься. Ну что за люди — нет, чтобы позволить собакам самим делать выбор! Ну своих же жен они в каморку не запирают, чтобы детей на свет произвести? А мы чем хуже? Нет, все у нас не по любви, а по инстинкту. Все как-то... механически.

Бром. Меха... что?

Хина. Да успокойся.

В комнату вваливаются Дарья и Пастух. Начинают крайне неприлично обжиматься.

Ц-ц-ц-ц-ц-ц. Вот кого бы точно в баню запереть.

Пастух лезет Дарье под юбку.

Бром *(лает)*. Ну вы приличия-то хоть какие-то соблюдайте, люди! Ни стыда, ни совести.

Дарья *(не отрываясь от дела)*. А ну не брехайте мне тут, блохастые!

Бром. У кого еще блох побольше.

Хина. Из ведра бы вас облить. А на людях-то — сплошное целомудрие. Дашка! Отлипни от него! Хозяин идет!

Дарья и пастух продолжают обжиматься.

Бром. Это возмутительно!

На пороге слышны шаги и басовитый голос Хозяина. Дарья отлипает от пастуха, Бром и Хина спрыгивают с дивана. Входит Чехов и Коншин с ружьем.

У Чехова в руках картуз с яблоком.

Дарья и Пастух (*хором*). Доброго здоровьица, барин!

Бром и Хина (*хором*). Привет, Хозяин!

Чехов. Кх-х-х-х-ху. Кх, кх, кх.

Чехов громко кашляет, прижимая ко рту платок.

Коншин. Ялта вам сейчас как нельзя кстати будет, Антон Павлович.

Чехов. Знаю, Михаил Николаевич. Так как насчет оплаты?

Коншин. Изыскиваю средства всеми силами. Уверю, задержек не будет. Но вы уж по частям позвольте, не губите... А это (*он протягивает ружье*) вам, так сказать, в качестве задатка. Зауэр. Вы, говорят, по вальдшнепам большой мастак...

Чехов (*откладывает картуз на диван, принимает ружье*). Однако. У меня доктор знакомый в Серпухове, охотник страстный. Обзавидуется.

*Он осматривается. Смотрит на стену, на собак, на Дарью и пастуха.
Снова на стену.*

Тут и повешу. На стене.

Ставит ружье в угол.

Даша, а вы что тут...

Пастух с поклонами пятится назад и убегает.

Дарья (*начинает голосить*). Да житья нет с этими собаками, барин! Ну сказано ж им было — не лезть на диван! А все одно — чуть кто из дому, лезут. Разлягутся! Тюлени!

Собаки обескуражены.

Бром. Ц-ц-ц-ц-ц-ц. Эй! Это... это... непорядочно!

Хина. Ц-ц-ц-ц-ц-ц. Ах ты... ах ты... (*начинает рычать*). Предательница!

Дарья (*отмахивается*). Неча, неча мне тут! Грозные какие. Ну что мне с ними делать, миленькой вы мой? Барин, я ж за господский дом радею! А они тут гадят.

Бром. Хозяин, она все врет! А она тут с мужиком этим непотребствами занимается!

Хина. Я не знаю, как это на вашем языке сказать прилично, а собака бы сказала, что они тут в твое отсутствие *(смачно, трехсложно выругивается по-собачьи)*.

Чехов. Ну что ж делать? Наказать.

Хина. Хозяин, ты меня не слышишь, что ли? *(Кидается к Чехову.)* Они тут. *(Снова смачно и трехсложно выругивается по-собачьи.)* Я ж тебе русским языком говорю!

Чехов. Хина Марковна, коровушка вы моя рыжая, ну что ж вы лаете?

Хина. Опять все без толку. Как в стену! Ну как можно быть таким глухим? Почему ты меня не понимаешь?

Бром. Потому что ты — собака.

Хина. Помолчи! Эта-то жаба все понимает! *(Рычит на Дарью.)*

Бром *(скулит)*. Это бесчеловечно. И бессобачно, в конце концов. *(Бросается к Дарье.)* Кухарка, вы — подлец!

Дарья *(замахивается кулаком)*. Но, но, но!

Бром *(отступая)*. Каналья.

Чехов. Страдальцы вы мои. Вы скажите Харитону. Пусть подерет их, немного. Ступайте, Михаил Николаевич. За подарок благодарю вас сердечно. А мне работать пора. Хоть и в высшей степени не хочется... И все-таки с оплатой не задерживайте. Даша, и пациентам скажите, чтобы проходили. Начнем, пожалуй...

Чехов и Коншин расходятся в разные стороны. Дарья, озираясь на собак, выходит.

Бром. Произвол! *(Обиженно пыхтит.)* Ц-ц-ц-ц. О, яблочко. *(Облизывается; снова пытается забраться на диван, но осекается и пробует носом столкнуть картуз на пол.)*

Хина. Начнется теперь... Опять сумасшедший дом.

Входит Девушка простоватого вида. Одежда городская. Немного пугается.

Девушка. Ой, собачки...

Бром. Здравствуйте. Не бойтесь.

Девушка. А где тут смотровая?

Бром. О, гляди-ка, а эта нас понимает.

Хина. Да не понимает она ничего. Боится просто. Чего надо?

Бром (*поведа носом*). А то сама не чуешь? Запах-то!

Хина. Чего?

Бром. Стыдилась бы. А еще собака. Все глазами смотришь, а нет, чтобы носом немного поработать. Эта же оценишься готовится. Да не скоро только...

Хина (*тоже принюхивается*). И то правда. Ц-ц-ц. Что им, повитух в деревне мало?

Бром. Да сейчас-то им чего... Краски не пришли, вот и перепугалась. Не деревенская, видишь же.

Девушка. Что, нету доктора, да? Куда ж мне... папа же... ох, что же делать.

Бром. Барышня, постойте!

Девушка (*в страхе отступает*). Ой, собачка, не подходи. Боюсь я вас...

Бром (*виляя хвостом*). Да чего меня бояться? Я — очень умная и обходительная собака.

Девушка с причитаниями пятится.

Хина. Ни с дворянами, ни с человечихами тебе не везет...

Бром. Мадемуазель, не бойтесь меня. Вам — туда. (*Показывает носом, тявкает.*) Туда, понимаете?

Девушка. Оспаде Иисусе...

Хина обходит ее сзади, отрезая путь к отступлению и недобро рычит, подгоняя девушку вперед.

Хина. Туда тебе, бестолочь! Поспешай давай! Вас таких еще полдеревни!

Девушка в страхе забегает в смотровую.

Вот все у них как не у людей. У нас вот гораздо проще.

Бром. Ты Селитру когда последний раз проведывала, мамаша?

Хина. Я дочку каждый день вижу, между прочим.

Бром. Ага, на фотографии с Хозяином. А остальные где, справлялась?

Хина осекается. Отворачивается.

У нас проще. Они-то о своих детях заботятся. Хина, пожалуйста...

Хина. Отстань! Ц-ц-ц.

Бром молчит.

Ц-ц-ц. Заботливее видали. *(Плачет.)* Хозяин их дарит.

Бром *(мрачно)*. Не всех.

Хина. Им там хорошо! Они людей радуют!

Бром. Не все. Нам поучиться бы у них, как за потомством следить... Черт возьми.

Вбегают Отец с Сыном. Сын бледен. Рука у него замотана полотенцем.

Ц-ц-ц-ц. Привет.

Отец. Не брехай.

Сын. Пап, а собачек бьют?

Хина *(лукаво)*. Какой милый мальчик.

Отец. Бьют, сына.

Сын. А чем, пап?

Пауза.

Отец. А зачем тебе?

Бром. И правда: зачем?

Хина *(обнюхивает мальчика)*. Ц-ц-ц-ц-ц. Кровью пахнет.

Сын. А им так же больно, как нам?

Отец. Так же, сына, так же... Сейчас, потерпи чуток. Сейчас тебя доктор посмотрит.

Хина. Слышь, мямля, у него кровь.

Бром *(жалостливо)*. Кровь? Ой, не люблю, не люблю... *(Скулит.)*

Хина *(начинает громко лаять)*. Да у него руки нет! В мясо разодрана! Хозяин!
Хозяин! Ц-ц-ц-ц-ц-ц-ц-ц-ц.

Бром. Что?!

Хина хватается отца зубами за штанину, тащит.

Хина (*сквозь зубы*). Да чего встал, дурачина, неси к доктору, околеет же! Быстрее, быстрее, быстрее, быстрее! Ц-ц-ц-ц-ц-ц-ц.

Обе собаки начинают громко лаять. На шум выходит Чехов.

Чехов. В чем дело?

Отец. Господин доктор! Господин доктор! У нас вот... (*Робея, снимает с руки сына полотенце, под ним большая рваная рана.*)

Чехов на миг столбенеет, после быстро бежит к себе. Кричит.

Чехов. Быстро опий и зажимы! Немедленно! Как умудрились?

Отец (*крестится, потом плачет*). Да в мялку полез... не углядел... доктор... Христа ради! Христом богом, всю жизнь по гроб... Помоги. Помоги! Все отдам, что есть! Помоги! Господи ты боже мой, помоги!

Мальчик с трудом передвигает ноги. Отец подхватывает его на руки и быстро идет за Чеховым.

Хина (*лает на Брома*). За потомством, говоришь, следят? Заботятся?!

Бром скулит.

Пауза.

Ц-ц-ц.

Бром и Хина молчат.

Пауза.

Они ведь и твои дети тоже...

Бром. Знаю. Прости (*тычется носом в Хину*).

Хина рычит.

Хина. Уйди отсюда.

Бром. Куда?

Хина. Да хоть куда. К Жюле своей.

Бром. Не могу. Там Шарик. Он меня сожрет. Ц-ц-ц. (*Вспоминает про картуз на диване.*) О, яблочко! (*Снова пытается достать его с дивана.*)

Хина. Душно мне. Помнишь, как сюда ехали? Когда сестра привезла нас?

Бром (*не отрываясь от своего занятия*). Еще как помню. А до этого вообще ой — в нужнике жили. Не приведи снова так...

Хина. Вот и я больше не хочу в нужнике. Я на волю хочу. Я на мир посмотреть хочу. На людей, на зверей, на вещи. Видишь ружье? Ц-ц-ц.

Бром. Ну.

Хина. И это красиво. И цветы во дворе — красиво. И свиньи. И улитки. И орлы. И поле. И олени рогатые. И долгоносики. И куропатки. А представляешь, сколько этого всего еще на свете есть?

Бром. Разные мы с тобой. Не пойму я тебя. Мне и тут хорошо. Галоши — хорошо. Жюли моя — хорошо. В лото когда играют — хорошо. На гусей прикрикнуть — хорошо. Мне другого не надо. Яблочко — хорошо. И пахнет интересно.

Хина. А люди — это некрасиво. И мальчик с оторванной лапой — некрасиво.

Бром. Не любишь ты их.

Хина. Люблю. Просто по-своему. Ты не поймешь. Эх, сколько же всего еще на этом свете можно увидеть. Ты вот все носом пытаешься прочувствовать. А я — глазами. Гляжу и насмотреться не могу. Мало мне. Мало.

Бром. Хочешь, я принесу что-нибудь? Ц-ц-ц-ц. Чтобы ты посмотрела?

Хина. Я все тут уже видела.

Бром. Я найду...

Хина (*невесело усмехается*). Найди.

Входит Приказчик.

Явился.

Приказчик. Салют, шавочки. А где тут у вас доктор?

Хина. И сразу водкой запахло.

Бром. Ц-ц-ц-ц-ц. Опять он? Он же уже был тут на прошлой неделе? Он что, так часто болеет?

Хина. Ага. Отсутствием рвения.

Бром. Ц-ц-ц. Чего?

Хина. Бездельник, говорю. Здоровый он. На нем пахать можно.

Приказчик, действительно выглядящий здорово, видимо, и сам спохватывается, и пытается немного приуменьшиться в размерах. Прикладывает руку ко лбу, делано кашляет и пытается найти у себя одышку.

Артист. Ну, артист.

Бром. Послушай... А чего он тогда сюда ходит-то?

Хина. Известно зачем: за отгулом. Из лавки он, из Серпухова. Поди, работать не хочет, вот больным и притворяется. Ц-ц-ц. Чего надо? *(Тявкает на Приказчика.)*

Приказчик. Вот, сразу видно, докторские собаки. Ученые. Больного за версту чуют. Не это самое... не приближайтесь... заразный я. Заражу.

Бром *(нюхает)*. И правда, пахнет — айда ушел! Как здоровый. Эй, любезный! Ц-ц-ц-ц-ц. Уходите отсюда, доктор занят, нет у него времени на вас.

Хина рычит. Бром пытается ухватить приказчика за штанину. Удачно.

Приказчик *(отбиваясь)*. Ух, проклятые! Фу! Фу! Щас как дам! *(Замахивается.)*

Входит Дарья. Приказчик тут же меняет тон.

(Смеется.) Какие шалуны. Умные не по годам, ничего не скажешь.
(Дарье.) Люблю собак.

Дарья. Вам чего? Вы к доктору?

Приказчик. Да. Мне бы срочно его увидеть. Сдается мне, что я обнаружил у себя симптомы одной очень страшной и заразной болезни.

Дарья. Свят-свят! Чем же вы болеете?

Приказчик. Люэс. Бледная трепонема.

Дарья. Страшно как...

Хина. Ц-ц-ц. Сифилисом, что ли? Вот ведь: врет и не краснеет!

Приказчик. Что ж они у вас так разлаялись-то?

Бром. Оставь его в покое, не поможет...

Дарья. Да они всегда лают, на всех. Дурные!

Пытается отогнать собак от Приказчика.

Хина. Ц-ц-ц-ц. Там мальчишка умирает, а этот работать не хочет! Умных слов нахватался, пугает всех, ходит! Клизму бы ему скипидарную на полведра! Мигом бы желание отпало у честных людей время отнимать! Ц-ц-ц-ц-ц-ц-ц-ц.

Дарья. А ну-ка фу! Фу!

Дарья пинает Хину в сторону.

Хина (в бессилии). Ну погоди у меня... Ц-ц-ц.

Дарья. Пройдемте пока на воздух, коли заразные. Здесь покои барские, здесь нельзя. У доктора операция сейчас срочная. Он занят.

Приказчик. У меня дело тоже сверхважное, уверяю!

Дарья и Приказчик уходят.

Хина. В следующий раз я ему ногу отгрызу, если явится.

Почти сразу заходит дворник Харитон. Руки держит за спиной, начинает медленно надвигаться на Брома и Хину. Говорит спокойно и даже ласково.

Харитон. Ну што, схинксы? Где тут мои каторжные? Здра-а-авствуйте.

Хина. Привет, ворюга.

Бром. Да ладно тебе...

Хина. Куда фунт окорока дел, ворюга?

Бром. Хина, у него же дети. Для них же нес. Наверное...

Хина угрожающе рокочет.

Харитон. А што у меня за спиной, кто догадается? А вот костей мешок несу для любимцев своих!

Бром. У них, у людей, видимо принято дуричь друг друга. Но мы-то тут при чем? Нас-то он почему за дураков держит. Зачем идиотов делать? Он что, думает, мы не видим, что у него за спиной розги?

Харитон достает из-за спины розги. Ласково гладит, водит по ним пальцем.

Харитон. Мне ж приказали, голубы вы мои хорошие. Я ж несильно буду.

Бром. Ой, а меня здесь нет. (Трясаясь всем телом, пытается слиться с обстановкой.)

Харитон присаживается рядом с собаками.

Харитон. Да чего-о-о ты дрожишь-то? Куды ж деваться.

Бром. Ц-ц. Са-сам же не х-хочешь, Харитон.

Харитон. Ну што, на троицу будем или на недельку? По три, стало быть, на нос или по семь?

Бром (*скулит*). Харитон, дружище. Ты же хороший, в сущности, человек.

Харитон. Ну што ты разлаялси-то, милой?

Бром. Мне вот вообще все равно, что ты иногда подворовываешь. Это все иногда себе позволяют. Может, разойдемся полюбовно?

Харитон. Эх...животина несообразительная. Не хочу, а надо. Ну пошто ж вы хулиганите? Ну дерут же вас и дерут. А вы — все одно. Ну зачем?

Бром. Тебе ж недосуг живых созданий мучать. Давай ты посчитаешь вслух — мы повоем для виду. И все довольны?

Харитон. Ну, ничаво, ничаво. Это уж как водится. Не взыщи.

Первые розги достаются Брому. За время всей экзекуции он пронзительно пищит и пытается увернуться. Процесс идет небыстро.

Хина (*с плохо скрываемым страхом*). Ц-ц-ц. Больно было?

Бром (*плача*). Не. Нет. Так, совсем немного. Ц-ц.

Харитон. Ну а теперь, Хина Марковна, ваша очередь.

Хина (*покорно склонив голову перед Харитоном*). Ц.Ц.Ц. Давай уже.

Харитон. Да не рычи ты, мамзеля. Быстрее начнем — быстрее кончим.

Хина сносит удары молча и смиренно. Только иногда подскуливает, сама того не желая. Бром смотрит на это, бегая вокруг и голося. Харитон, закончив работу, откладывает розгу. Крестится.

Харитон. Господи, Сыне Божий. Помилуй меня, грешного и прости. Взял грех на душу.

Пытается погладить собак. Собаки рычат, под руки не даются. Харитон хочет взять из картуза яблоко, Бром рычит.

Бром. Ц-ц-ц. Не трогай! Мое!

Харитона это веселит. Каждый раз, когда он тянется к картузу, собака рычит, когда отступает — успокаивается. Он проделывает это еще несколько раз, потом усмехается.

Харитон. Вот ведь, а... Звери, а все ж умные!

Потом все-таки хватает яблоко и тут же бросает его Бром. Уходит. Хлопает дверь. Хина бессильно ложится на пол, плачет. Бром подкатывает ей носом яблоко.

Бром. Гляди, какое. Зеленое. Блестящее. Душистое. Ты такого еще никогда не видела. Я его специально нашел, в большом поле. В Венеции. Нет, в Ницце.

Хина *(сквозь слезы)*. Мы никогда там не были.

Бром подходит к ней, кладет на нее голову. Успокаивает.

Бром. Все хорошо, все хорошо, не плачь... Мне вот всегда интересно. Почему Хозяин дал нам отчества? Я же не сын Исы. И ты — не дочь Марка.

Хина. От уважения. От уважения. От уважения.

ДЕНЬ

Бром — черненькая такса-мальчик с глазами Исаака Левитана; ловок и гибок, «царский вагон».

Хина — рыженькая такса-девочка; неуклюжа и толста, ленива и лукава, «рыжая корова».

Журавль — новый постоялец в имении, грустен и ироничен, летать из-за крыла больше не сможет.

Шарик — сторожевой пес, мужиковатого вида дворняга с рваным ухом и дурным характером.

Заливай — гончий пес; очень холоден, строг и важен; гроза всего двора; агрессивен, но расчетлив.

Чехов — хозяин такс, врач, писатель; смертельно болен; владелец, вынужденно продающий имение.

Гуси, свиньи, лошади — обитатели двора.

Усадьба. Двор. Где-то вдалеке царит нездоровое оживление. Животные не могут этого не чувствовать. У калитки стоит большая телега, набитая тюками и всяким скарбом. Люди вокруг нее суетятся, до животных им нет никакого дела. Животные же наблюдают за этим заворуженно. Переговариваются. За всем

этим с крыльца наблюдает побитый, но довольный Бром. Он сильно потрепан, под глазом виден большой синяк. На порог выходит Хина.

Хина. Ц-ц-ц. Что, так это правда?

Бром. Коляска, коляска, коляска....

Хина. Что происходит?

Бром (*пританцовывая*). Коляска, коляска...едем, едем, едем.

Хина. А как же мы?

Бром. Да не до нас им сейчас. Но ничего, и о нас вспомнят, вот увидишь!

Хина. Ты в порядке? Кто это тебя так?

Бром. Шарик, кто ж еще. Но это все не важно. Едем, едем, едем!

Бром бросается в дом, вытаскивает наружу всякую несущественную мелочь: мячик, жестянку, тряпочку. Он пытается собрать свое имущество. Но имущества у него немного. Поэтому он перетаскивает имущество с места на место — это важное занятие доставляет ему заметное удовольствие.

Они же галоши забыли! Ц-ц-ц-ц-ц-ц-ц-ц-ц. (*Убегает в дом.*)

Хина спускается с крыльца. Подходит Журавль.

Журавль. Господа в путь собираются?

Хина. А я не верила. В Ялту, говорят... Ты был там?

Журавль. Бывало, бывало.

Хина (*мечтательно*). Там красиво?

Журавль. Тепло. Это в Крыму.

Хина. Крым — это хорошо?

Журавль. Вы с ними поедете?

Хина. Да, наверное... А Расскажи, как там, в Ялте?

Хина растеряна, но очень счастлива.

Журавль. Да зачем тебе. Сама увидишь скоро.

Хина. Может, с нами? Мы поедем, а ты полетишь?

Журавль. Не, я уже отлетался. Только танцевать осталось, разве что.

Неловко выделяет лапами какое-то подобие battements tendus. Из дверного проема вылетает одна галоша. Потом снова выбегает Бром, со второй галошей в зубах.

Хина. Грязные-то какие! Где ты их только нашел?

Бром (*сквозь зубы*). Ц-ц-ц-ц-ц-ц. А я говорил, а я говорил! Уехать, убежать! И тебе на что посмотреть будет. Заживем, Хина, заживем! В Ялту, в Ялту, в Ялту! Интересно, где это и что это... Там холодно, тепло?

Журавль. Тепло.

Бром. А хорошенькие собачки там водятся?

Журавль (*иронично*). Не. Там тигры и львы. А собачек там кушают.

Бром (*замирает, но ненадолго*). О-о-ой. Ц-ц-ц. Ну да все равно, ну да ладно. Главное — отсюда, куда-нибудь, хоть куда-то. Свежий ветер перемен, пусть сильнее грянет буря.

Хина. Ты чего, какая буря? А как же Жюли?

Бром (*продолжая суетиться*). Это все в прошлом. Ц-ц-ц-ц-ц. Меня отвергли. Она теперь с Шариком. Хотя... она всегда с ним была.

Хина. А синяки откуда?

Бром. Я попытался объяснить с ней. Ц-ц-ц. Не получилось. Тогда я попытался объяснить с ним... Ц-ц-ц.

Хина. И как?

Журавль. Влепили ему хорошенько, конечно.

Бром. А, ничего. Жить буду. Дворняга есть дворняга. Я теперь новый смысл жизни нашел.

Хина. Какой же?

Бром. Быть с Хозяином. Знаешь, я тут много думал, Хина. Мы с тобой страдаем от безделья, от бессмыслицы. Это для людей нормально, а не для собак. Вот ты постоянно страдаешь, что нового не видишь. Я страдаю по дворняге... страдал. А надо найти какой-то смысл, чтобы один и на всю жизнь. И чего его искать-то? Вон он, рядом совсем. Мы же собаки! А долг собаки — быть с Хозяином. Будем везде при нем неотступно. Будем верными оруженосцами, за ним — в огонь и в воду... А ты чего не собираешься?

Хина. Да как-то странно это... А мы в чем поедем? Ц-ц-ц. Я что-то ни корзины не вижу, ни...

Бром. Да зачем это все? Прямо так, на коленях! С ветерком!

Хина. Может, Хозяин с нами тут останется? Я что-то его не вижу...

Бром. Он тоже собирается! Ц-ц-ц. И ты поспеши!

К крыльцу подходит довольный Шарик. Бром хмурится и дрожит, но пытается не показывать свой страх.

Шарик. Ты... эта... зла на меня не держи. Я ж сторожевой. Работа у меня такая. Мне как-то сподручнее было подраться, чем с тобой разговоры разговаривать.

Бром молчит.

Да ладно, чего ты.

Хина. А тебя что, отвязали в кои-то веки?

Шарик. Ну. Свобода наступает, братцы.

Хина. Какая тебе свобода? Ц-ц-ц. Прогуляться ему позволили, свободу уже почуял.

Шарик. А чего бы и не свобода. Вон, оно ж видно. Господа по телегам садятся. Вещи вывозят. Стало быть, скоро наше времечко настанет. Теперь не зевай.

Хина. Все равно имение без хозяина не останется. Новый приедет.

Шарик. Видал я этого нового. Не будет он тут жить. Сразу видно — мужик хитрый. Жадный. Такие в имениях не живут. На нас все будет. Вон, Дашку да Харитона оставят. И баста. А у меня с ними мир. Они привязывать не станут. И мы с вами жить тут будем. Говорю ж, скоро собачье царство настанет! Заживем.

Бром. Как хорошо, что мы этого всего не застанем. В Ялте собачьего царства не будет никогда.

Шарик. Это ж что за Ялта такая?

Бром. Я не знаю. Но звучит здорово. И мы туда уедем. С Хозяином!

Шарик недобро усмехается.

Шарик. Да кому ты нужен...

Бром рычит.

Ты, такса переметная, не злись! Не рычи, говорю! Где это видано, чтобы сторожевой с благородной таксой из-за сучки какой-то воевали? Простим друг другу старые обиды, а? Ну не пара она тебе. Не положено у вас так. Тебе — с твоей надобно. *(кивает на Хину.)* Мне — с моей.

Бром. Свои предрассудки оставь при себе. Мне с тобой делить больше нечего.

Шарик пытается по-доброму укунить Брома, но тот не дается. Подходит Заливай. Солидный, статный и холодный. Улыбается. При его появлении все становятся смирными. Его тут боятся все.

Заливай. Что, Шарик, все шутики шутишь?

Шарик *(шерсть дыбом).* Не твое дело.

Заливай. Тут теперь все — мое дело. Ну что, товарищи собаки? Коллеги! Э-ге-гей! Поздравляю вас!

Хина. Какие мы тебе коллеги?

Заливай. А вот это вы, товарищ Хина, зря. Вы — охотничьи и я — охотничий. Стало бы, коллеги! Все теперь будем трудиться на одно дело. Новый барин, говорят, охотник страстный. Может, хоть теперь имение в порядок приведет. Устроим тут питомник, гончих разведем свору да не одну, округу в порядок приведем.

Со стороны хлева подтягиваются свиньи, гуси и лошади.

Прежний хозяин, хотя и светлого ума человек, а несознательный. Больше любованием занимался. Людей лечил и всякое такое. А не понимал, что главное занятие всякого живого существа — охота. Развел тут черт-те что. Такая территория, и без толку. Но мы это бы-ыстренько исправим. Построим дом охотничий, ружья закупим, выводок борзых завезем. Побольше. И будет порядок.

Хина. Ц-ц-ц. Сейчас как придет Харитон — точно будет тебе порядок.

Заливай. А в случае чего — и его, и всех прочих несознательных — к ногтю прижмем. Товарищи животные! Отныне никто не будет тревожить ваш покой! Никакая кухарка больше яйца из-под гусынь выбрасывать не будет.

Гуси *(хором).* Вот так-то! Неча ей потомство наше портить!

Заливай. ...кукурузу никто красть и на свиней сваливать все не будет!

Свиньи *(хором).* Давно пора!

Заливай. Лошадям цветная капуста будет выдаваться регулярно. Ничего тайком больше подъедать не придется.

Лошади. А мы и не подъедали, не брехай.

Заливай. Тем более. Все собаки женского пола отныне будут считаться общественной собственностью. Так сказать, для поддержания популяции. Никаких исключений. Кому с кем любо — тот с тем и... ну, сами понимаете.

Свинья (*довольно улыбается*). ...о-от заливает Заливай!

Лошадь (*фыркнув*). А если мне какая собака полюбилась?

Заливай. А этот вопрос мы рассмотрим позднее. Не все сразу. Но среди собак никакого больше индивидуализма не будет.

Бром. Инди... что?

Шарик (*рокочет*). А вот это я чего-то не понял. Это что ж, с моей дворнягой всяк кто хошь будет?

Хина. С ней и так полдеревни уже зналось.

Шарик. А ты замолкни, колбаса! Твоего мнения не спрашивал. Ты что ж, гончий, головой ударился?

Шарик рычит на Заливая. Но Заливай явно больше и сильнее него. Силы неравны. Шарик отступает.

Заливай (*недобро*). А всяческих несознательных мы будем перевоспитывать. Живите спокойно! Без хозяина не останетесь — вот мое последнее слово! Э-ге-гей!

Хина (*Журавлю*). А, может, все-таки улетим отсюда? Возьмешь меня с собой?

Журавль. Не. Не выйдет. Да и не подниму я тебя, голуба.

Бром (*радостно*). Хозяин, хозяин идет! Ц-ц-ц.

Все животные бросаются рассыпную. Остаются только Бром и Хина.

Хина. Ну, тогда и я пойду вещи собирать. (Уходит.) Ц-ц-ц-ц-ц-ц-ц.

К крыльцу подходит Чехов со шляпной коробкой в руках. Бром бросается к нему. Ласкается.

Чехов. Ну что ж вы, Бром Исаевич, под ногами путаетесь? Соболька почуяли?

Бром. А то!

Чехов. Охотник — есть охотник.

Бром (*быстро-быстро*). Мы будем при тебе всегда, а ты будешь при нас всегда, да? Я тут раньше всякое делал. За горшки с семенами — это я извиняюсь. А прислуга у тебя и правда дрянь. Один только Харитон хороший, но не всегда. Я галоши больше есть не буду, обещаю! Никогда! Я их за тобой носить буду! Я буду послушная собака, верная! Все, что здесь было, — это так, мелочь, начало только! В Ялте неотступно мы будем при тебе — и никого чужого не пустим. И щенков тебе еще сделаем, всех одаришь. Ты же их не топишь, ты же хороший, добрый человек. Я точно знаю. Будешь в лото играть? Будешь?

Чехов. На вот, так и быть.

Достает из коробки старую драную горжетку, кидает Бром.

Бром. Хозяйский подарок! (*Всем вокруг, хотя никого и нет.*) Видели, видели?!

Чехов. А супружница ваша где, Бром Исаевич?

Бром. Она вещи собирать пошла. Она просто чахнет тут да жиреет, в неволе. Она не совсем такса — она немножко лиса. Но мы как уедем, ей там красиво будет! Подобрет. Ей понравится. Простор, поля, там же есть поля?

Чехов. Кланяйтесь ей.

Бром. Еще как поклоняюсь! Для тебя — что угодно!

Чехов (*в сторону дома*). Покормите собак, что ли. Все не умолкнет никак.

Чехов гладит Брома. Бром млеет.

Бром. Хозяин, Хозяин, Хозяин. Ц-ц-ц-ц. Люблю тебя, хороший ты мужик!

Чехов. Кх-х-х-х-ху, кху, кху, к-ху.

Чехов надрывно кашляет и поспешно достает из кармана платок.

Бром (*на секунду шарахается*). Ой, как ты кашляешь нехорошо. А мы тебя вылечим! А ты нам Париж покажешь? А Ниццу? А Венецию? Не знаю, правда, где это, но звучит хорошо! А на карточку, как Селитру, нас сфотографируешь?

Чехов берет морду Брома в руки и разговаривает с ним.

Чехов. Все равно после лета должна быть зима, после молодости старость, за счастьем несчастье, и наоборот.

Бром (*жамкая сжатыми Чеховым щеками*). Да ты щево, хщяин?

Чехов. Человек не может быть всю жизнь здоров и весел, его всегда ожидают потери, он не может уберечься от смерти, хотя бы был Александром Македонским.

Бром. А это хто шакой?

Чехов. И надо быть ко всему готовым и ко всему относиться как к неизбежно необходимому, как это ни грустно, Бром Исаевич.

Бром. Та брошь ты! Фсе харащо буит.

Чехов. Надо только, по мере сил, исполнять свой долг — и больше ничего.

Отпускает его.

Бром. Конечно! Без проблем! Будет сделано! А ты мне яблочко дашь?

Впервые Чехов будто бы действительно слышит его. Он снимает с головы картуз, отрывает с ближайшего дерева яблоко и кладет вместе с картузом на дорожку.

Ну вот, а мне никто не верил! Я знал, что ты нас понимаешь! Ты делаешь успехи, Хозяин! Ц-ц-ц-ц. Укусить или не укусить? Ладно. Не буду.

Чехов (*уходя в сторону ворот*). Накормите их, прошу!

Бром. Ура, еда, еда, еда! Ц-ц-ц-ц-ц.

Обалдев от свалившегося счастья, Бром мечется между яблоком и собольком. Из дома выходит Дарья ставит на крыльцо миску Брома и миску Хины с вкусностями. Счастливый Бром бежит к крыльцу.

Мы, это... сейчас будем, Хозяин! Хина чего-то задерживается! Но мы — мигом! Будь спокоен!

Бром налетает на еду. Увлеченно ест. В это время к миске Хины воровато подходит Шарик. Бром рычит.

Даже не думай!

Шарик. Сами свои харчи лопайте, больно надо. Ты слышал, че гончий затеял? А ну как и твою рыжуху в оборот пустит, не боишься?

Бром. Нам это не страшно, мы уезжаем.

Шарик. Дурачье, я серьезно. Кончать надо Заливая, слышь? Куда ты денешься. Пока добром прошу — айда заодно дело делать. Иначе сожрет он: и тебя, и рульку твою криволапую.

Бром. Я попросил бы! Мы — породистые собаки. И мы уезжаем в Ялту. А вы сами тут разбирайтесь с вашим собачьим царством, счастливого пути.

Шарик. Куда ты уезжаешь, баран? Глаз вообще нет, чтоль? Вон она, твоя Ялта, ручкой сделала!

Бром на миг отрывается от еды и столбенеет. Слышен грохот отправляющегося экипажа.

Бром. Хозя-я-я-яин! Ты куда?! Стой! Стой! Стой!

Стремглав бежит вслед за коляской. Исчезает из виду. Из дома выходит Хина.

Хина. Ц-ц-ц-ц-ц. А где Бром?

Шарик. Убег.

Хина. Куда?

Шарик. За Хозяином вашим.

Хина (растерянно). А... А. А?

Пауза. Спустя несколько минут возвращается запыхавшийся Бром. Он долго пытается перевести дыхание. Подавленно молчит. В глазах его стоят слезы.

Шарик. Ну что? Догнал?

Пауза.

Хина. Бром, что случилось?

Пауза.

Бром. А... а как же мы? Хозяин уехал. А мы? А мы как же? Хозяин...

Пауза.

Хина. Он нас забыл?

Бром. Забыл?

Шарик. Он вас не забыл, придурки. Он вас оставил.

ВЕЧЕР

Хина — рыженькая такса-девочка; неуклюжа и толста, ленива и лукава, «рыжая корова».

Бром — черненькая такса-мальчик с глазами Исаака Левитана; ловок и гибок, «царский вагон».

Заливай — гончий пес; очень холоден, строг и важен; гроза всего двора; агрессивен, но расчетлив.

Дарья — молодая кухарка в имении; деловита, нагла и хитровата; упитанная, но шустрая дамочка.

Харитон — могучий, богобоязненный дворник; любит людей и собак; всегда выполняет приказы.

Чехов — хозяин такс, врач, писатель; смертельно болен; владелец, вынужденно продающий имение.

Вечереет. Дом покинут. Собаки воют без умолку, воют громко. Кабинет Чехова. На диване, тревожно прислушиваясь, лежит Хина. Дергается от каждого шороха. Наконец входит сильно израненный Бром. Он немного не в себе, заговаривается. Во рту его иногда белеют клочья пены. Хина бежит ему навстречу.

Бром. Ц. Ц.Ц. Ц.Ц. Ц. Вороне как-то бог... послал кусочек сыра... читатель скажет: бога нет. Но нет и сыра...

Хина. Ц-ц-ц-ц. Бромушка, что с тобой?

Бром. Я все-таки должен был с ней объясниться...

Хина. Жюля твоя? Сволочь! Ну, я сейчас ей глаза выгрызу! Ц-ц.

Бром. Не трожь ее. У нее теперь немножко сложная жизнь будет.

Хина. Падлюка! Гадина! Шавка безмозглая! Ух, стерва, как ее только земля носи...

Бром. Заливай Шарика убил. Загрыз.

Хина в шоке отступает назад.

Я к Жюли подошел. Говорю: коли теперь все дамы — имущество общее, так не можете же вы меня теперь отвергнуть... Тут Шарик подскочил. И в драку. А я больше этого терпеть не мог. Сцепились. Бешеный он, что ли. Подрал... чуток. *(Пытается лизать свою рану.)* Больно. Капельку самую.

Хина плачет.

(Рассказывает, преодолевая боль.) Это все ничего. Это затянется. Живем... Будем жить, работать, охранять, драться... Ну а тут Заливай пришел. Не дело это, говорит, чтобы собака собаку жизни лишать собиралась. И загрыз. «Несознательным собакам — бой». Шарик свое отдавать не хотел. Моя, мол, говорит. Свою дворнягу — никому не позволю... Ну Заливай церемониться не стал. Во имя светлого охотничьего будущего. Горло ему зубами зажал. В общем, теперь сторожить будем мы.

Хина. Что же будет?

Бром. Неизвестность. Нет на свете справедливости. Заливай же тоже не за счастье собачье... Он сам на эту дворнягу глаз положил. Но второй драки я уже не переживу...

В комнату заглядывает Заливай.

Заливай. Вы тут как, порядков не нарушаете? То-то же... Это правильно.

Хина. Зачем ты его убил?

Заливай. Работа у меня такая.

Хина. Мне кажется, сейчас у дома крыша обвалится...

Заливай. Тебя что-то не устраивает?

Хина *(растерянно и беспомощно)*. Нет.

Гончий смотрит на Брома.

Заливай. Зализывайся. Пока. *(Уходит.)*

Бром. Прощай, хозяин!

Хина. Когда хозяин вернется, он их всех...

Бром. Он не вернется.

Долгая пауза.

Бром. Он не вернется, Хина. Кончилась жизнь.

Хина. Давай-ка сюда, наверх, на диванчике теперь можно...

Бром. Нет.

Хина. Это ничего, что подрали. Тебе ж и раньше доставалось — ты крепкий, хоть и дурачок. Давай помогу?

Бром *(понемногу начинает заговариваться)*. Нет. Я просто не хочу. Какая, право, неудача. Ну да ничего, ничего, мы еще поиграемся...

Хина. Я не знаю. Все же будет хорошо?

Бром. Конечно. Вот-вот уже. Совсем скоро.

Хина. Можно, я повоюю?

Бром. Не люблю в нас это. Плакать хочется. Маленькие мы. Беспомощные. Жалкие. Мы даже не крысы, в нору не забьемся. Мы слишком верные и благородные. Не хочу быть жалким. Как же я это в нас не люблю.

Хина. Бедный...

Бром. Не на-а-адо. Не желей. Не надо. Не надо.

Хина. Давай убежим?

Бром. Куда?

Хина. ...в Москву!!!

Бром усмехается, но тут же морщится от боли.

Бром. Поздно уже. Собираться надо.

Хина. Давай!

Бром. Сами в Ялту поедем. Будем жить. А потом, когда станем совсем старенькие, найдем хозяина и заглянем его в глаза... Не знаешь, никто тут на станцию не собирается?

Хина. Нет.

Бром. В Ялту поехать — нас не взяли. Собачье царство строить — тоже как-то без нас. Никто нас в попутчики не хочет. Неважные мы какие-то друзья...

Хина. Бром, что ты говоришь такое?

Бром. Так мне не хотелось всего этого «э-ге-гея». Не нужно мне было, чтобы сложно все. Мне хотелось чего-то простого, легкого и дурацкого. Как я сам.

Хина. Миленький. Ты не дурацкий. Ты не простой. Как же он тебя...

Бром (*постепенно уходя в забытье*). Странно как-то, что меня бромом назвали, а тебя хиной. Никогда не задумывалась? Бром же для успокоения выписывают. А я и так спокоен всегда был. А хину — от головы вроде... У тебя голова когда-нибудь болела?

Хина. Нет.

Бром. Вот и я удивляюсь. Чего он так нас назвал?

Входит Дарья. Грозит кулаком.

Дарья. А ну цыц, собаки. Разговорились они тут. Ни днем, ни ночью от вас покоя нет. Вот барин приедет — тогда набрехаетесь, оне это любят. Вон уж, со станции встречать поехали...

Хина (*ластиться к ногам Дарьи*). Даша, ты правду говоришь? Гадина ты моя ненаглядная, ты правду говоришь? Хозяин? Хозяин приедет?

Дарья (*усмехаясь*). О, почуяли сразу. Ты давай мне не это. Не заискивай, не надо... Приедет ваш хозяин, приедет...

Бром. Они это каждый день говорят. «Приедет, приедет, приедет...» А он не приезжает. Его нет! Нету его! Не совестно вам издеваться?

Дарья (*отмахиваясь*). Вот заладил, кобелина. Хуже дворняги. А ну замолкни, аль дрыном тебя?

Бром замолкает. Дарья присматривается к морде Брома.

Ах... че ж во рту-то у тебя за творожница? Никак бешеный? Аль нет? Вроде смирно сел... Помыть бы вас обоих! (*Уходит.*)

Хина. Бромушка, ты слышал? Хозяин приедет!

Бром. Он не приедет.

Хина. Дашка же сама сказала...

Бром. Они постоянно так говорят. Душу травят. Чтоб побольнее было. Не приедет он. Мы, как дураки, ждать будем, а они посмеются...

Хина. А я чувствую, что она правду сказала...

Бром. Не приедет он.

Пауза.

Хина. Он нас любит.

Бром. Он нас оставил.

Пауза. Бром поднимает глаза на стену. Там висит ружье.

Был бы человеком — застрелился бы...

Хина. Ц-ц-ц. А, может, все-таки убежим?

Бром. Да, сейчас. Только встану. И побежим.

Хина. Ц-ц. Хочешь, пойдем, Жюли загрызем?

Бром. Не хочу.

Хина. Ц-ц-ц-ц-ц. А соболька хочешь принесу?

Бром. Нет.

Хина. Ц-ц-ц. А яблочко? Которое ты мне нашел? Самое необычное, которого я никогда не видала?

Бром. Я ничего больше не хочу, Хина Марковна.

Хина. Отдохни, отдохни... Знаешь, а я все равно буду его ждать.

Бром. Жди. Мы здесь, видимо, навсегда. Вот так вот... Уехал человек, и все пропало. А что осталось? Сад, да рояль, да паршивая речка.

Хина. И все очень красивое, Бром. Тут очень хорошо.

Бром. Ага. Вместо Шарика... Запоминай все очень хорошо, Хина. Чую я, развалится тут все скоро, без Хозяина. Он же не просто нас оставил. Он все тут забросил.

Хина. Он приедет, приедет... Ты не знаешь. Ты не знаешь, что у него было. Он кашляет. Может, он умирать ушел? Как всякая порядочная собака...

Бром (*передразнивая бас Чехова*). «Надо быть ко всему готовым... относиться к неизбежно необходимому, как это ни грустно, Бром Исаевич».

Хина. Что?

Бром. Это он мне сказал, перед тем как уехать. Исполнять свой долг и больше ничего. Ничего...

Пауза.

(Постепенно исходя белой пеной.) Все это должно было быть красивой, милой сказочкой... Жили-были у дяди две собачки, рыженькая и черненькая. И было им страшненько в одном месте, потом весело в другом, а потом совсем хорошо в третьем. И увез этот дяденька собачек с собой, в теплые края. И жили они долго и счастливо. И умерли в один день. Так это все должно было быть.

Он снова косится на ружье. Из его рта уже почти непрерывно капает пена.

Собака не должна жить в нужнике. Надо будет передать брату Хозяина. Ну это же произвол какой-то.

Хина. Передадим.

Бром. Что есть я? Много произнесенных слов и мало услышанных, смеюсь над всеобщим непониманием... Две собаки со странными кличками. Ва-а-ам бы в баа-льницу ба-б...

Хина. Он — врач. Он по-другому не может.

Бром. Почему все так хорошо начинается и всегда так странно заканчивается?

Хина. Ты о чем?

Бром. Да...Все... истории... надо рассказывать... до конца. Подлецы. Подлецы. Все подлецы! Да что мы вам дурного сделали, люди? За что вы с нами так?!

Он вдруг вскакивает и начинает оглушительно лаять.

Хина. Бром, успокойся! Не лай так, прошу тебя!

Бром (*орет безумно*). Ав-ав-ав! Ав! Ав! Ав! Гав-гав! Гав!

Хина. Не говори так, он не виноват, он не подумал!

Бром (*кивая в сторону выхода*). Ав! Гав-гав-гав! У-у-у-у-у-у! Ав-ав! Ав!

Хина. Да побойся бога, ты себя слышишь? Ты обезумел, остановись, умоляю!

Бром. Гр-р-р-р-р-р. Гав! Гав! Гав!

Хина. Бромушка, не надо!

Входит Дарья с причитаниями.

Дарья. Совсем с ума сошли, кабыздохи! Чего творите? Дом весь спит! А ну цыц!

Бром хищно скалится и бежит за Дарьей.

Да он взбесился! (*Вопит.*) Харитон! Харитон, он бешеный, говорила же! Харитон!

Вбегают заспанный Харитон, на ходу бормоча молитву.

Ты посмотри на него! Он бешеный, бешеный! Сейчас барин приедет! А ну как его куснет? Что делать-то будем?

Бром. Р-р-р-р-рав! Ав! Ав!

Хина. Не надо, Бром! Пожалуйста, остановись! Стой! Стой! Ты слышишь, он едет! Остановись, мы спасены! Он вернулся! Он вернулся!

Дарья. Что делать?

Харитон. Ох, беда, беда... Несчастье-то какое. Мамзелька ты моя. Как же тебя угораздило...

Дворник аккуратно кладет Хину у двери на ковер. Тихо отступает. Пауза. Стучит в дверь кабинета. Двери открываются, выходит заспанный Чехов.

Чехов. Что случилось?

Харитон (*кивает на Хину*). Да вот... собачка. Страдалица. Бедная. Я даже не знаю. К людскому врачу ее вроде как...

Чехов. Хина... Что с ней?!

Чехов забегают в кабинет, возвращается со шприцом и мотком бинтов. Харитон суетится.

Не трогай ее. Лучше лампу зажги. Кто ее так?

Харитон. Да вот... с дворнягой закусалась. С нашей. Насилу растащили.

Чехов (*перевязывая голову Хине*). Проклятье... Харитон, свет!

Харитон кивает. На несколько секунд зажигается свет.

Чехов (*смотрит Хине в лицо*). Хина Марковна! Хина Марковна!

Хина молчит.

Харитон. Как она?

Чехов. Нет больше глаз у девочки.

Харитон крестится. Чехов гладит Хину. Та на секунду вздрагивает, чувствует хозяйскую руку, но ложится обратно.

Хина. Бронушка.

Харитон. Ох, несчастье-то какое... Чего ж она... не отвечает-то... мож, не узнала?

Чехов. Узнала.

Хина. Бронушка.

Чехов (*делая собаке укол*). Черт возьми... Как же вы так попались, Хина Марковна... Сейчас я вам... морфию...

Харитон. Живое ж создание. С пониманием... Ох, беда, беда...

ЕЛЕНА ЩЕТИНИНА

О ЧЕМ ПИЩАТ УСТРИЦЫ

(Лекция о Чехове и устрицах для первичноротых
целомических животных со спиральным
дроблением, которая, возможно,
привиделась голодному мальчику)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:**Лектор.****Актеры (подсадные зрители).****Рыбак 1.****Рыбак 2.****ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:****Голос.****Мишка.****Владимир Христофорович.****Иван Викентьевич.****Половой.****Вустричный бог.**

Сцена для лекции. За кафедрой лектор, закутанный в толстый плед или во что-то подобное, дабы максимально походить на устрицу.

Демонстрируется на экране от первого лица, иногда обрывочно и рвано, словно герой поворачивает голову и моргает.

Себя Мишка может видеть только в отражении — в зеркалах в трактире или в витринах, или еще где-то.

Две линии можно поменять местами и историю про вустричного бога вывести на сцену, а лекцию наоборот превратить в зум-версию (в этом случае она начинается с того, как Мишка ударяется головой).

ФОН: Появляется Лектор. Он собирает бумаги, пересматривает их, о чем-то разговаривает с помощником, пытается устроиться поудобнее Лектор озирается в сторону Мишки. Он что-то подозревает — но не видит «мир Мишки»

Мишка на заснеженной улице кутается в лохмотья, прыгает, чтобы не замерзнуть и задирает голову, рассматривая звезды.

Голос (медленно и вкрадчиво, немного напевно). **Был святочный вечер, и шел снег, и сверкали звезды на ясном, чистом небе.**

Мишке казалось, что там, в вышине, прошлись небесные дворники — и расчистили даже самые махонькие клочки туч. Он закидывал голову, чтобы пересчитать звезды и, как обычно, сбиться на третьем десятке — и мелкие, как мука, снежинки падали ему в раскрытый рот. Мишка глотал их, представляя, что это и есть мука и что она наполняет его живот, смешивается с выпитой водой — и превращается в тесто, сытное, плотное тесто, которое набьет ему желудок и утолит голод. Но голова его кружилась, а ноги подгибались — и кишки сворачивались в тугий болезненный комок. Не было даже сил попрошайничать — кидаться в ноги важным господам в богатых шубах и тянуть жалостливое «Подаааайте». Мишка кутался в лохмотья, оборачивая дважды вокруг худого тельца пальто Грихи Рябого, умершего третьего дня от чахотки, ноги зябли в калошах на босу ногу — и тоже слишком больших, чужих, Марка-скрипача, помершего от пьянства в прошлом месяце.

Лектор.

Уважаемые гости!
Наша лекция вот-вот начнется!
Но есть общие предупреждения и рекомендации, которые нам бы хотелось, чтобы вы выполнили.

На афише-объявлении они присутствовали, но мы понимаем, что виргинские, сиднейские скальные, калифорнийские гигантские, тонгянг и дальневосточные, марен олерон из французской провинции, белон, бузиг, граветт и фин де клер белый жемчуг и крез, и некоторые голубые ракушки, и прочие, и прочие, и прочие могут быть не в состоянии прочесть непривычный им текст.

ФОН: Мишка пляшет на снегу, просит копеечку, его гонят, он пинает какую-то собаку, жует снег, чтобы попить, дышит на руки — смена ракурсов, повторение событий и так далее.

Поэтому мы считаем своим долгом
озвучить их
еще раз.
Пожалуйста, если вам еще не
исполнилось шесть месяцев —
покиньте зал.
Здесь будут упоминаться в высшей
степени жестокие события.
В высшей.

(Подсадной актер встает и уходит.)

Лектор.

Спасибо!

Пожалуйста, если вы страдаете
повышенной чувствительностью
к воздуху —
покиньте зал.
В критическом случае наш врач может
не успеть доползти до вас.
Может не успеть.

(Пара актеров встают и уходят.)

Спасибо за понимание.
Итак, наша лекция сегодня посвящена
Чехову.
Кто знает о Чехове?

*(Актеры поднимают руки, оглядываются
на зрителей — могут мотивировать их
на то, чтобы те тоже подняли руку.)*

Просто чудесно!
Я никогда не встречал столь
образованную,
столь чуткую и интеллигентную
аудиторию.
Надеюсь, мы прекрасно проведем
время.

Я расскажу вам об одном рассказе
Чехова.

Который, как замечательный Голос,
рассказывал великолепные
рассказни...
Хотя, я кажется, только что подобрал
Совершенное неверное слово...

*(Откашливается, машет рукой
Появляется помощник с
пульверизатором, опрыскивает
лектора.)*

Уважаемые гости!
Если вы ощущаете недомогание —
не стесняйтесь.
Сейчас наш помощник —
Замечательная
флексбургская
устрица —
предложит вас
обрызгать,
окропить,
оросить,
наплескать
морской водой.

*(Помощник проходит мимо зрителей,
опрыскивает желающих.)*

---

*ФОН: Помощник проходит мимо
зрителей, опрыскивает желающих.
Лектор возится с бумагами.*

Мишка. Подааайте...

Голос (все еще вкрадчиво, но уже не так по-доброму, как раньше): Он хрипел в небо, словно его кто-то мог там услышать. Звезды, конечно же, молчали. И кто-то, кто мог услышать, наверное, молчал тоже. Наверное.

Владимир Христофорович. Что тебе подать?

*(Мишка вздрагивает и отшатывается.
Перед ним — двое господ, словно одного лица: молодые, с щегольскими бородками клинышком и в золоченых пенсне. Они улыбаются.)*

Мишка (*осторожно пятясь*).
Копеечку...

Голос. Рассказывал, рассказывал
старый Марк-скрипач о таких молодых
господах, что уводили с улиц нищих
детей и творили с ними непотребное!
И ведь не разбирали, кто перед ними:
девчонки — али мальчишки, тьфу!

Мишка. Копеечку на хлебушек. Ради
праздника. Подайте...

Владимир Христофорович. Ты
голодный, что ли?

Иван Викентьевич. Ха-ха.

Мишка. Голодный, барин...

Голос (*искушаяще*). Разговаривать ли
с этими странными господами или
бежать прочь, пока есть силы?

Мишка. Со вчерашнего дня крошки во
рту не было!

Владимир Христофорович. Ну
что же, Иван Викентьевич. Голодный
мальчик. Все, как вы заказывали!

Иван Викентьевич. Однако, однако,
Владимир Христофорович. Истинно,
в праздник все наши желания
исполняются.

Владимир Христофорович. Ну
так что, Иван Викентьевич, готовы
исполнить сказанное?

Иван Викентьевич. Я от своих
слов, Владимир Христофорович, не
отказываюсь!

(Мишка делает шаг назад.)

Голос. Да, там, за спиной, есть арка, в которую он может нырнуть — и потом бежать, бежать, бежать не оглядываясь, от этих странных и жутких господ с бородками клинышком и в золоченых пенсне. Но стоптанная, не по размеру калоша скользит, выворачивается... И...

(Мишка падает навзничь, глухо ударяясь затылком.)

Лектор.

Итак, рассказ!

Что такое рассказ — для тех, кто не знает.

Это история.

Смешная, серьезная, грустная, сложная, простая, любая.

Короткая.

Рассказ — как дыхание меж раскрытых створок.

Створка открылась — вдох.

Долгий. Глубокий.

Вдумчивый-вкрадчивый-чтобы-захватить-все-разом-все-до-последнего-глотка.

Вот это и есть рассказ.

Выдох. Разный.

Может быть резким, отрывистым — вытолкнуть, выбросить, выхаркнуть все, что узнал.

Может быть тихим и нежным.

Медленным, осторожным.

Обдумать, обмыслить, распробовать и раскусить.

Вот это рассказ.

Итак, рассказ «Устрицы».

Для человека он короткий.

Для привыкшего читать повести, романы, дилогии, трилогии, квадралогии, пенталогии, вызнать всю жизнь персонажей и их детей.

ФОН: Темнота, в которой проскакивают какие-то всполохи (подобные тем, что бывают, когда закрыты глаза). Чуть позже герой открывает глаза и мы видим небо.

И детей их детей.
Для такого человека — рассказ, это
пфффф!
Совсем чуть.
Стоит ли вообще тратить силы на то,
чтобы открыть книгу?
Как створки раковины распахнуть
обложку.
Чтобы увидеть там нежное, мягкое
Или твердое, резкое,
или шершавое, колючее.
Сладкое или горькое,
кислое или терпкое —
любое.
Какое сокрыл там автор.
С той лишь разницей — что книги хотят,
чтобы их створки открывали.
И только лишь пока книжные створки
открываются — повести, романы,
дилогии, трилогии, квадрологии,
пенталогии
и тем более рассказы —
живут.

Однако — странное дело...
Одна тихоокеанская устрица,
которая прибыла к нам по обмену —
обмен одной устрицы на дюжину
беззубок —
устрица, которая изучает романы,
сообщила, что рассказы Чехова
почти что целые романы.
«Как же так?» — спросил я ее.
Хотя, разумеется, речь моя звучала не
так.
Больше похоже на лягушачье
кваканье...

*(Подсадной актер издает недовольное
бормотание.)*

О, простите, простите!
Дюжину дюжин раз простите!
Я не имел в виду ничего
оскорбительного,
предосудительного, издевательского.

Я обожаю лягушачье кваканье.
 Поутру оно похоже, как будто
 мир просыпается.
 Потягивается.
 И на нем, выросшем за ночь —
 так быстро, как растет устричный
 ребенок —
 лопается старая ветхая раковина.
 Квааааа. Квааааа. Квааааааааааа...

Кстати, любопытное дело!
 «Мир был моей устрицей, а я взял не ту
 вилку».
 Так сказал Оскар Уайльд.
 А еще когда-то, много-много-много
 дюжин миллионов приливов назад,
 Уильям Шекспир написал:
 «Пусть устрицей мне будет этот мир.
 Его мечом я вскрою!»

Как удивительно!
 Какая-то подсознательная тяга,
 желание,
 решение,
 предположение,
 что когда-то, много-много-много-
 много-много-много-много приливов
 назад...

Однако, не буду забегать вперед!
 Всеу свое время!

Итак, рассказ «Устрицы».

Актер (*недовольно бормотавший*).
 Так что вам тихоокенский устриц
 сказать есть?

Лектор.
 Ах, да!
 «Как же так?» — спросил я ее.
 «Вы ошибаетесь», — упрекнул я ее.
 «Вы несколько неправы», — намекнул я.
 Как могут быть рассказы —
 словно целые романы?
 Это все равно что сказать, что в
 маленькой беззубке скрывается целый
 кальмар!

(Подсадные актеры тихо смеются.)

Да-да, именно!
Именно так смеялся я!
Пуская пузырьки воздуха
и чуть содрогаясь краями раковины!
Смеялся тихонько и по-доброму,
дабы не обидеть нашу гостью со дна
Тихого Океана, прибывшую к нам по
обмену —
одна устрица на дюжину беззубок.

А она помолчала.
А потом сказала:
«Но разве вы не встречали беззубок,
которые по благородству души
и по глубине знаний,
тонкости чувств
и чистоте мыслей
равны не только кальмару —
но и киту?»
А потом захлопнула створки и больше
со мной в разговор не вступала.

ФОН: Лектор молчит, потом делает знак помощнику, чтобы тот его опрыскал. Помощник выполняет — видно, что лектору немного неудобно, поэтому он тянет время. Затем помощник снова идет вдоль зрителей и предлагает им. Подсадные актеры могут мотивировать.

(В поле зрения Мишки появляются лица молодых господ.)

Голос. Как две тусклые луны...

Владимир Христофорович. Очень голодный мальчик.

Иван Викентьевич. Великолепно голодный мальчик.

(Мишка молча смотрит в небо.)

Голос. Какое ясное, заботливо вычищенное небесными дворниками небо, какие невероятно белые звезды, которые, наверное, эти же дворники начистили мелом — чтобы ярче сверкали...

Владимир Христофорович.
Мальчик, ты хочешь вкусно поесть?

Голос. «Господи Иисусе Христе, — думает Мишка. — Пусть они ничего дурного со мной не сотворят».

Иван Викентьевич. Бесплатно. И еще полтинник получишь.

Голос. «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного, в такой-то святой праздник — такое искушение».

Владимир Христофорович. Да ладно полтинник. Рубль. Рубль хочешь сверху?

Голос. «В руки твои препоручаю себя, Господи...». Он хочет!

Мишка (*резко садится*). Хочу!

Голос. От боли в затылке начинает мутить, перед глазами пляшут разноцветные мушки — но он хочет этот рубль, хочет есть, хочет!

Мишка. Хочу!

Владимир Христофорович и Иван Викентьевич. Вот и прекрасно!

(Молодые господа хором смеются и поднимают Мишку под мышки.)

Лектор.

Итак, возвращаемся к рассказу!

«Так вот что значит устрицы!
Я воображаю себе животное,
похожее на лягушку. Лягушка сидит
в раковине, глядит оттуда большими
блестящими глазами и играет своими
отвратительными челюстями.
Я представляю себе, как приносят с
рынка это животное в раковине,
с клешнями, блестящими глазами и со

*ФОН: Мишка идет с господами по улице.
Огни, фонари, снег, на него оглядывается
девочка-нищенка, господа заводят его
в трактир — швейцар недовольно
морщится у дверей, так же недовольно
морщится и мальчишка-половой, Мишка
оглядывает трактир, рассматривает
его обстановку — но иногда его взгляд
мутнеет, словно было сотрясение мозга,
и картинка рассыпается, и скользит.*

склизкой кожей... Дети все прячутся, а кухарка, брезгливо морщась, берет животное за клешню, кладет его на тарелку и несет в столовую. Взрослые берут его и едят... едят живьем, с глазами, с зубами, с лапками! А оно пищит и старается укусить за губу...»

(Подсадной актер вскрикивает.)

Ужасное описание — не так ли?
Жуткая картина — согласны?
Отвратительные вещи — не спорите?

Однако я напоминаю — это другая культура.
Увы, но где-то мы — лишь пища.
Увы, но это так.
Это замечательный пример, чтобы не слишком возвышаться над остальными.
Актиниями, живыми огурцами, планктоном и кораллами.
Какими бы мы умными, интеллектуально развитыми, социально адаптированными и политически подкованными ни были, для кого-то мы можем быть лишь пищей.
Но что радует — он тоже есть пища для кого-то другого.

Итак, голодный ребенок становится жертвой жестокого — и с нашей, и с человеческой — удивительно, как мы совпали в этом — точки зрения розыгрыша.

«Перед нами стоят два господина в цилиндрах и со смехом глядят мне в лицо.
— Ты, мальчуган, ешь устриц?
В самом деле? Это интересно! Как же ты их ешь?»

Помню, чья-то сильная рука тащит меня к освещенному трактиру. Через минуту собирается вокруг толпа и глядит на меня с любопытством и смехом. Я сижу за столом и ем что-то склизкое, соленое, отдающее сыростью и плесенью».

(Актриса падает в обморок.)

ФОН: Хлопочут над упавшей в обморок, Лектор недоволен тем, что лекция прервалась, снова перебирает бумаги — все здесь и далее может происходить в замедленной съемке/замедленной игре, чтобы не делать слишком много движений или мизансцен.

Голос. В трактире тепло, и Мишка тотчас же соловееет.

(Взгляд Мишки медленно скользит по обстановке трактира — словно Мишка повинуется тому, что говорит Голос.)

Голос. Висячие лампы... деревянные столики... картинки на стене — как они называются, оле... оли... олигра...?

(Мишка медленно моргает.)

Голос. Его веки наливаются свинцовой тяжестью. Он пытается не клевать носом — и вслушивается в то, что ему объясняют молодые господа.

Владимир Христофорович. Мы, брат, поспорили. Ты ничего такого не подумай, спор серьезный и даже я бы сказал, научный.

Иван Викентьевич *(изучая меню):*
Естественно-научный!

Голос. Снег в галошах растаял и Мишке кажется, что его ноги опущены в холодные лужи.

(Мишка ежится.)

Владимир Христофорович. Так вот... *(тыкает Ивану Викентьевичу в меню какую-то строчку).* Остендские, думаю. Ты, как мы понимаем, человек в разносолах не искушенный, корку хлеба за деликатес считаешь, так?

*(Мишка кивает, облизывая
пересохшие губы.)*

Голос. Он не сильно заботится, о чем идет речь, верно? Его обещали покормить и за это дать рубль — больше его ничего не интересует. Верно?

(Мишка кивает, словно слышит то, что ему говорит Голос и словно соглашается с ним.)

Владимир Христофорович. Вот мы и поспорили, сможет ли человек неопытный оценить незнакомое лакомство — и съесть его тем же с удовольствием и столько же, сколько человек знающий.

(Мишка кивает.)

Голос. Еда и рубль, рубль и еда — вот и все, что ему надо. Верно?

(Мишка кивает.)

Владимир Христофорович. И ежели такое произойдет, то будет означать, что человек благородный и человек самого низкого происхождения в кулинарных науках суть одно и то же.

Голос. Верно?

(Мишка кивает, кивает, кивает.)

Владимир Христофорович. Но рубль — только в том случае, если съешь все. Так как это исключительно моей волей тебе вознаграждение. А полтинник — от Ивана Викентьевича, если сдашься. Усвоил?

Голос. Кивок, кивок, кивок. Рубль, конечно же, лучше полтинника. Мишка сделает все, чтобы получить рубль.

*(Мишка, кажется, на мгновение
пытается бороться с тем, что ему
говорит голос — но в конце концов
кивает, кивает, кивает.)*

Иван Викентьевич. Чудесно. *(Машет
рукой, подзывая полового.)* Тогда
и начнем, пожалуй.

Лектор.

Прошу прощения,
дюжина извинений.
Но я же предупреждал.
Кстати, немного обидно такое наше
описание.
Напоминаю, если кто не знает —
в человеческой культуре сырость и
плесень
есть что-то отвратное, противное,
неестественное.
Странно, правда?
Благословенная сырость,
без которой невозможно жить,
без которой нельзя плодиться
и без которой нельзя
представить мир —
только если в самых ужасных,
жутких, кошмарных,
истинных-предштормовых снах,
эта сырость, которая есть жизнь —
для них отвратительна!

Плесень для них — знак разложения.
Смерти.
Конца всего.
Что еще более странно —
ведь именно из плесени их ученые
получили лекарство пенициллин,
которое спасает от разложения.
Смерти.
Конца всего.

А склизкость!
О, эта чудесная склизкость!
Эта склизкость, которую воспевали
наши поэты!

*ФОН: Мишка снова оглядывается по
сторонам, наблюдает, как господа
похихикивают подмигивают. Вот
ему приносят блюдо и медленно
показывают: Мишка рассматривает
устрицы, господа настаивают, чтобы
он начал есть, показывают ему рубль,
он сомневается, но рубль все-таки
пересиливает.*

Восхитительная.
Нежная.
Липкая.
Сочная
склизкость.
Песни о которой бурлят воду
Вот уже тысячи тысяч приливов!
Эта невероятная склизкость,
которой гордится каждая устрица
и которой хвастается
даже самая унылая и уродливая
беззубка.
Эта склизкость — ну вы только
подумайте! —
вызывает у людей омерзение!

(Подсадные актеры недоуменно гудят.)

Истинно так!
Мертвое будет для них склизким.
А склизкое мертвым.
Они содрогнутся,
передернутся,
отвернутся,
брезгливо отдернут руку,
сплюнут — такой же склизкой,
сырой
и, возможно, даже немного
плесневелой,
слюной.
Даже не подумав, что внутри они сами
склизки,
сыры
и, возможно, даже немного
плесневелы.
Что это?
Почему это так?
Что за двойные стандарты?

Актер.

Но мы ведь тоже беззубок не любим.
Хотя они тоже двусворчатые.
Тоже мягки и упруги.
Тоже молочно-белы.
Так почему же мы не любим беззубок?

*(Повисает тишина. Лектор смотрит
на задавшего вопрос с глубоким
презрением.)*

Лектор.

Потому что!
Они!
Питаются!
Путем!
Фильтрации!
Потому что!
Они!
Накапливают!
В себе!
Всю!
Грязь!
Из!
Водоемов!

Актер.

Ну кто-то же должен это делать!
Почему бы это не делать беззубкам?
Они совершают благородный
поступок.
Без них бы все водоемы покрылись бы
тиной,
подернулись ряской.
Рыба бы всплыла вверх брюхом
И...

Лектор *(с подозрением).*

Откуда у вас такие познания?

(Актер молчит, растерянно и пристыженно смотря в сторону. Лектор подзывает помощника, что-то шепчет ему, пока тот делает вид, что опрыскивает лектора. Потом помощник кивает и куда-то убегает.)

Они пресноводные!
Они чужаки!
Все. Возвращаемся к рассказу.

«Я ем с жадностью, не жуя, не глядя
и не осведомляясь, что я ем. Мне
кажется, что если я открою глаза, то
непременно увижу блестящие глаза,
клешни и острые зубы... Я вдруг
начинаю жевать что-то твердое.
Слышится хрустенье.

— Ха-ха! Он раковины ест! — смеется толпа. — Дурачок, разве это можно есть?»

Не уверен, что история с раковинами правдива.
Предполагаю, что это художественное преувеличение.
Человеческие зубы не приспособлены разгрызть раковины.
Но давайте снова вспомним Оскара Уайльда.
И Уильяма Шекспира.
И мир как устричную раковину.
И что же тогда мог пытаться разгрызть несчастный ребенок?
Может быть он...
Ах нет, я припасу это напоследок.
А сейчас обращаю ваше внимание на кое-что другое...

Итак, писк! Писк устриц! Писк!

«А оно пищит и старается укусить за губу...»

Можно сказать, что тысячи дюжин наших собратьев спасены были — нежные, хрупкие, впечатлительные люди опасались, брезговали, не желали есть пищащих устриц.
Потому что писк напоминал им, что они едят живое.
Что они поглощают дышащее.
Что они пожирают мыслящее.
Что каждый их укус, каждое их движение челюстями — давит, терзает, убивает.
Не каждый готов стать убийцей.
Проще передать эту роль другому.
Так что низкий поклон Чехову.
За то, что придумал, упомянул, написал, распространил.
Низкий поклон!

Еще один актер.

Простите, дюжина-дюжина извинений, неправы вы.

Лектор.

Прошу прощения?

Актер.

Знакомы немного по переписке мы. Слепую камбалу помните если...

Лектор.

О, так это вы писали на ней?

Актер.

Да. Прощения прошу, если письма задерживались. Но понимаете сами — оживленное движение на дне. Переживать приходилось ей в час пик.

Лектор.

Вы виргинская?

Актер.

Да. Но диалектом владею неплохо вашим. Убедиться, надеюсь, смогли вы в том.

Лектор.

О да. Не переживайте сильно вы — как заметить можете, я ваш знаю тоже диалект неплохо.

Актер.

Приятно очень это.

Лектор.

Но что сказать вы хотели?
Мне казалось, что тема другая специализации была у вас?
Сейчас припомнить попробую... О да!
«Устриц тема в музыке человеческой».
Мне кажется, не о Чехове речь, хоть и ЧЕловеческой и ЧЕхов близки по первым выдыхаемым пузырькам.

Актер.

Простите, пришлось мне в вашу тему по хронологии заступить. И прочесть мне пришлось объявление рекламное. «Гастрономический (попросту — съестной) магазин уведомляет о первом транспорте свежих фленсбургских устриц, доброты доселе здесь невиданной, так что «оние даже пищат»!

Лектор.

О...

Актер.

В книге «Москва сороковых годов» это. За двадцать шесть лет до того, как Чехов «Устриц» своих сочинил. То есть... сейчас посчитаю за сколько прили...

Лектор.

Не надо, спасибо. Считать хронологию я умею.

(Подзывает уже вернувшегося к тому времени помощника, тот снова делает вид, что опрыскивает его, лектор шепчет — помощник кивает, пристально поглядывая на слишком много оппонента, затем снова куда-то уходит.)

Кхм... Предлагаю обсудить позже это.

(Актер садится.)

ФОН: помощник возвращается, предлагает пройти куда-то «умному оппоненту» и тому, кто раньше защищал беззубок. Они сначала не желают, но помощник настойчив. Лектор наблюдает за происходящим с тайным удовлетворением. Если это зум-лекция, то уводящие появляются у каждого из уводимых в «комнате».

(Мишка совершенно бессилён и аморфен, он делает все, что говорит ему Голос. Тот, наоборот, властен и словно упивается своей властью.)

Голос. Мишка пытается прижать к небу упругий комок — но тот никак не поддается, словно специально ускользая от языка. Тогда он зажмуривается — и судорожно дергая челюстью, пытается проглотить. Это получается лишь с третьей попытки — комок на мгновение застревает у Мишки в горле, заставляя хрипло застонать — а потом проскальзывает в живот.

Во рту стоит вкус тины, глины — и почему-то мокрых тряпок. Мишку чуть не выворачивает наизнанку — но перед глазами заманчиво маячит рубль и поэтому он лишь сцепляет зубы и остервенело шмыгает носом. Господи Иисусе Христе, помоги. Это был только первый комок — а во льду лежит еще дюжина без одного: словно загустевшие на морозе чахоточные харчки Грихи Рябого.

(Мишку снова передергивает, он пытается что-то сказать.)

Владимир Христофорович. Да, брат. Это тебе не кислые щи.

Мишка. Запить бы...

Владимир Христофорович. Запить — хорошее дело. Как там дорогой моему сердцу Антоша говорил? «От водки пожжет, подерет тебе в горле, а как проглотишь устрицу, в горле чувствуешь сладострастие»?

Иван Викентьевич. Именно!

Владимир Христофорович. Да, Иван Викентьевич, сла-до-страс-ти-е!

Иван Викентьевич. Однако же, Владимир Христофорович, ежели мне память не изменяет, на питье мы не договаривались! И так поиздержались изрядно!

Владимир Христофорович. Ай, шалун, Иван Викентьевич! Чуете, что проигрываете! Ничего, не разорит вас этот маленький спор. Но так и быть, уговор есть уговор — про питье речи не было. Мальчик, кушай так. Вот, из раковинки отпей, живее пойдет.

Голос. Мишка запрокидывает голову и вливает из пузатой раковины, в которой когда-то лежал злополучный комок, в рот тягучую прозрачную, отдающую плесенью, жидкость. Становится только хуже. Горло обволакивает болотистой жижей, запах тины начинает щекотать ноздри изнутри. Он зажмуривается, стараясь не думать, что же он ест — такое скользкое, омерзительное, странно трепещущее, когда касается языка. И продолжает вкладывать в рот, дергать челюстью и глотать. Вкладывать в рот, дергать челюстью и глотать. Вкладывать, дергать — и глотать. Наконец, он доедает — если это можно вообще назвать едой — последнее.

(Мишка тяжело дышит, глядя на пустую тарелку. Первый господин заразительно смеется, второй кривится.)

Голос. Они суют Мишке в руку рубль.

(Господа замирают в замешательстве. Они не собирались платить Мишке. Но Голос, кажется, имеет волю и над ними.)

Голос. Рубль.

(Господа молчат.)

Голос. Рубль!

(Господа сдаются. Мишке суют в руку рубль — и выпроваживают из-за стола.)

Лектор.

Итак, рассказ «Устрицы»...

И что самое удивительное, забавное и, может быть, даже в некоторой степени замечательное: сам Чехов на тот момент устриц не пробовал!

Он сделает это двумя годами позже — чуть более, чем тысяча отливов спустя.

Письмо 1886 года, Марии Владимировне Киселевой:
«На днях в Эрмитаже, первый раз в жизни, ел устриц... Вкусного мало. Если исключить шабли и лимон, то совсем противно».

Но вскоре дело налаживается...

Год спустя, в рассказе «Пьяные»:
«Начали с того, что выпили по большой рюмке водки и закусили устрицами. — Хорошо! — сказал Альмер. — Это, брат, я пустил в моду устрицами закусывать. От водки пожжет, подерет тебе в горле, а как проглотишь устрицу, в горле чувствуешь сладострастие. Не правда ли?»

Сладострастие.

Сладость
страстей.

Не кажется ли вам,
что тут что-то большее, чем
наслаждение едой?

Еще раз напомним, что увы,
каким бы нам это ни казалось
ужасным, створкосмыкательным,
мантие съезживающим действием,
в контексте кулинарной культуры
человека
Чехов не совершал ничего
предосудительного.

ФОН: Мишка медленно идет по залу, перед ним мелькают картины того, как и что он ел, усмешки господ, какие-то своим воспоминания — все очень и очень медленно, как в горячечном бреду.

Март 1892 года.

Лондонская Hospital Gazette публикует заметку для пациентов с хандрой и суицидальными наклонностями.

В Нью-Йорке придумали напиток, который может им помочь:

«Семь маленьких устриц, томатный сок, мексиканский соус чили, огненный соус табаско, хрен, кетчуп, лимонный сок, черный перец и соль».

Выдохнуть.

Выпить.

Проглотить.

Вдохнуть.

Почему для, того, чтобы кто-то исцелился от хандры — кому-то нужно умереть?

И это не единственный такой рецепт!

Устрицы с хреном, пашот и лафитт.

Устричный суп и коктейли из нас же.

В соусе карри, в горчице и с пивом.

С икрой и креветками,

с виски и водкой!

С анисом, мускатом, арбузом и луком!

В глазури и в тесте!

В омлете и с сыром!

(Кто-то падает в обморок, Лектор уже не обращает внимания, продолжая как-то даже мстительно, нагнетая, под вздохи ужаса и периодические обмороки.)

Средство от похмелья.

Изжоги.

И даже от синяков!

«Ручная книга русской опытной хозяйки»!

За авторством Екатерины Авдеевой.

Год 1846 — я не буду отсчитывать более приливы.

«Приготовить в сотейнике немного кипящей соленой воды (в которую соли кладется очень немного, но для вкуса прибавляется лимонный сок), снять с раковин устрицы, опустить в кипящую воду, покрыть крышкою и варить четверть часа; потом выложить устрицы в банки и разделить воду так, чтобы устрицы в воде плавали; потом покрыть донышками, запаять, уложить в кастрюлю и варить час с четвертью».

Соус из Устриц!

«Вынув устриц из раковин, залить водою, чтобы вода только покрыла их, и дать раз вскипеть. Потом кусок чухонского масла стереть на жару с ложкою муки и прибавить ложку рубленых шампиньонов и лимонного соку сюда же. Процедив сквозь сито воду, в которой варились устрицы, а если воды будет недостаточно, налить виноградного вина, чтобы был густоватый соус, посыпать толченого мускатного цвету вскипятить и прожать через салфетку, наконец, устриц положить в соус. Эту подливку подают к жареному каплуну, к жареной и вареной рыбе, особенно к щуке, равно как к паштетам и разварным цыплятам».

(Лектор переводит дух.)

А теперь очень важное.
Я бы даже сказал — ключевое —
письмо!

Чехов — Ольге Книппер-Чеховой
8 ноября 1903 года. Ялта:

«Ольга Михайловна привезла мне устриц и селедок. Наши так испугались устриц, с таким ужасом и брезгливым суеверием глядели на них, что пришлось мне не есть их.

Сельди хорошие. Вообще, очевидно,
без Ольги Михайловны мне жить
никак нельзя. Софья Павловна скоро
приедет в Москву и нарочно для
Москвы заказала себе в Одессе шубу и
несколько платьев».

Про шубы и платья и вообще культуру
одежды,
то, что мы называем «мягкими
раковинами» —
об этом как-нибудь в другой раз.

Обратите внимание — Чехов не ел.
В этот день,
будучи опытным поедателем устриц —
он отказался от лакомства.

Не знаю, по какой точно причине.
Пусть он и утверждает,
что лишь потому,
что близкие люди
смотрели с опаской,
испытывали ужас,
брезгливость и
верили, что так можно
накликать,
призвать,
наесть,
нажевать,
наглотать — странно, я никогда
не замечал, что у слов «глотать» и
«наглость» есть что-то общее —
В общем, сожрать вместе с бедными,
несчастливыми, незащищенными
устрицами
беды,
лишения,
проблемы
и неприятности...
В общем, он не стал.

Таким образом, мы
получили нашего великого,
нашего замечательного
и великолепного исследователя
человеческого быта!

Крымскую Устрицу Хрррлль!
 Ее опыт пребывания в человеческом
 обществе
 позволил ей — после того, как ее
 выкинули обратно в воду —
 какое неуважение к будущему светилу
 науки! —
 основать кафедру Человекопознания —
 которую, к своей гордости, окончил и я!
 Один из немногих награжденных
 алым наростом на раковине!

*(Лектор демонстрирует алый нарост,
 подсадные актеры аплодируют.)*

Спасибо! Спасибо! Спасибо!
 И эта великая
 Крымская Устрица Хрррлль и поведала
 нам
 о важности,
 ценности,
 значимости
 Изучения рассказов Чехова.
 Чем дюжину дюжин дюжин приливов
 и занималось Литературное отделение
 Кафедры Человековедения.
 И кое-какие ее выводы сегодня я вам
 покажу.

Итак!
 «Маленький человек»!
 Их называют маленькими человеками...
 ...или людьми...
 Чехов словно перебирает их —
 аккуратно, ласково, осторожно,
 мягко и трепетно.
 Словно боясь повредить.
 Но при этом так чутко,
 так вдумчиво и так внимательно.
 Маленькие Чехова люди —
 как россыпь... россыпь...
 Сейчас вы поймете, чего.

«Человек в футляре»!
 Только послушайте!

«Людей, одиноких по натуре, которые, как рак-отшельник или улитка, стараются уйти в свою скорлупу, на этом свете не мало.

...некий Беликов, учитель греческого языка, мой товарищ. ... И зонтик у него был в чехле, и часы в чехле из серой замши, и когда вынимал перочинный нож, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчике; и лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он все время прятал его в поднятый воротник... Одним словом, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний...»

Ну что? Ну что?

Ничего не напоминает?

РАКОВИНА!

Чехол, оболочка, футляр — раковина!

Но я продолжу.

«Через месяц Беликов умер. ...Теперь, когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что наконец его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет...»

Не буду вас томить! Не буду!

Ибо понятно все тут —

без объяснений и лишних трактовок.

Из раковины вышел — и в раковину вернулся!

(Лектор торжественно оглядывает зал.)

И это как бы урок всем юным устрицам, которых подбивают разные беззубки и тем более — отвратительные улитки!

Мол, можно выйти из раковины,
мол, можно покинуть воды,
мол, посмотрите на слизней —
какие они свободные и счастливые,
могут ползти в любую сторону,
им не надо таскать за собой тяжелые
раковины!

Ха. Ха. Ха.

Вы когда-нибудь видели, что
происходит со слизнем, когда на него
попадает соль?

Та самая дюжину дюжин раз
благословенная
соль, которая растворена в воде,
в коей мы обретаемся?

Они тают.

Растекаются.

Превращаются в слизь.

Люди называют это осмотическим
давлением.

Слизни называют это смертью.

Беликов умер — потому, что вышел из
раковины.

Соль того, что люди называют
человеческими отношениями,
растворила его.

Избыточное гидростатическое
давление на раствор, отделенный
от чистого растворителя
полупроницаемой мембраной, при
котором прекращается диффузия
растворителя через мембрану,
убило его.

Посмотрите, как Чехов

Верно и тонко
показывает то, что случится с устрицей,
если она покинет свою раковину.
Свой футляр.

Не кажется ли вам, что Чехов
Слишком много знал?

Да — так ответил я на этот вопрос,
заданный самому себе.
И стал искать дальше.

Копаться в текстах Чехова,
как во вкусном питательном планктоне
в поисках россыпи
маленьких, маленьких, маленьких
человеко-устриц.
Или устрице-людов?

Рассказ «Хамелеон»...
Кто знает, кто такие хамелеоны?
Верно-верно.
Я вижу ваши покачивания раковинами.
Это ящерицы, которые меняют цвет
Кто сказал «каракатицы?»
Да-да, все верно. Это сухопутные
каракатицы.
Но давайте копнем еще глубже!
Кто? Еще? Меняет? Что?
Да-да, я вижу,
как наша гостья
сиднейская скальная устрица
показывает жестами...
Кстати, немного неприличными.
Что же вы делаете,
гостья сиднейская скальная устрица!
Тут же могут быть дети!
Закройте всем детям раковины!
Но наша гостья
сиднейская скальная устрица
совершенно права.
Устрицы могут менять пол!
В зависимости от температуры —
теплее — чуть чаще,
холодно — чуть реже.
Кстати, тут как-то жарковато
становится, хм.

(Помощник опрыскивает лектора.)

И теперь посмотрите,
как человек Очумелов —
маленький, маленький человек —
становится то жестким как-мужчиной,
то растерянной слабой как-женщиной.
Не кажется ли вам, что это не хамелеон,
а устрица?
А точнее — европейская плоская
устрица?

Меняющая свой пол в зависимости от температуры?

Температуры воды.

А Очумелов — в зависимости от температуры разговора?

А вот «Спать хочется».

Многие не понимают суть рассказа.

Что такое спать?

Зачем нужен сон?

Описания так похожи на смерть или на погружение в анабиоз.

Но что в этом хорошего?

Ничего не видеть и не знать — стать на некоторое время ничем, потерять себя...

Разве можно этого желать?

И даже более — жаждать?

Но я скажу вам — неважно.

Это все неважно.

Это лишь пена на поверхности воды текста.

Погрузитесь глубже.

Последний эпизод.

Варrrrrrrrrрька — какое сложное для устриц имя — душит ребенка, убивает его и...

Да-да, да-да,

Я вижу ваши покачивания раковинами!

Вы верно все предполагаете!

Некоторые из нас поедают свое потомство.

Не надо этого стесняться.

В конце концов, так бывает.

Так что я совершенно уверен, что впоследствии, совсем чуть-чуть после того,

как рассказ закончился,

Варrrrrrrrrрька этого младенца съест.

Как настоящая устрица.

Актер.

Простите! Уточнение есть у меня.

Лектор.

Да.

Актер.

Ваша версия ясна вполне,
Но если вдуматься, то по мне...

Лектор *(Перебивая.)*

Судя по вашему диалекту,
вы — фин де клер?

Актер.

Да.

*(Лектор кивает, удовлетворенный своей
проницательностью.)*

Устрица здесь не Варррька вовсе...

Лектор.

Обосновать ваше мнение просим.

Актер.

Логика вашей понятна мысли,
И в тексте это все показано чисто —
Чужого ребенка
Убить, как устренка.

Лектор.

Ну верно!

Актер.

Но я бы заметил,
Приметил, отметил,
Как в принципе, может, заметили
многие —
Что Варька тут как моллюск
брюхоногий!

Лектор.

Что?

Актер.

Брюхоногий моллюск,
Имея искус
Попробовать нашу нежную плоть,
Жутко и нагло извлекает мякоть...

Лектор.

Стоп! Хватит!

Я не приемлю тут жутких историй!

Актер.

Но...

Они ведь прожигают дыры

В наших раковинах, и проныры...

Лектор.

Нет!

Я не позволю считать

персонажа Чехова

брюхоногим моллюском!

Этим отвратительным исчадием,

этой мерзкой улиткой!

Покиньте лекцию немедленно!

Покиньте!

(Если это зум-лекция, то просто данного актера отключают от конференции.)

ФОН: Несколько устриц падают в обморок, Лектор возмущен, его снова опрыскивают, он хочет закончить лекцию (явно картинно), помощник пытается остановить его — и лектор позволяет уговорить себя остаться и продолжить.

Мишка. Что я ел?

(Мишка хватает шустрого полового за рукав. Тот оборачивается. Это мальчишка чуть постарше Мишки, черноглазый, востроносый, с обильно напомаженными курчавыми волосами.)

Половой *(хихикая)*. Дык вустрицы ж! Не признал, что ли?

(Мишка мотает головой, прислушиваясь к своему брюху.)

Половой *(откровенно смеясь над глупым оборванцем, который и сам не понял, что сожрал)*. Ну брат! Вустрицы, брат, это такое блюдо, которое не всем дается!

Мишка *(в ужасе)*. Так что это? Постное али скоромное? Мясо, рыба, фрукт какой?

Половой. Ой, брат! Вустрица — это не мясо, не рыба и не фрукт!

Мишка. А что? Неужели...
человечина?

Половой: Хуже. Это гад такой морской.
И едят его...

(Его смуглое лицо с вострым носиком приближается вплотную к Мишкиной веснушчатой роже.)

Половой. ...живьем!

Мишка. Что?

(Мишка отшатывается и хватается руками за брюхо.)

Мишка. Безбожное дело — есть кого-то живьем!

Половой. А еще... Они пищат, когда их ешь! Богу своему вустричному молятся, чтобы тот когда-нибудь покарал тех, кто его деток малых живьем лопают. Таких, как ты!

(Мишка кричит в ужасе и, зажимая уши руками, бежит прочь.)

Половой *(мстительно усмехаясь).* Что? Налопался деликатесов, дрянь уличная? Я-то на них лишь облизываться могу... а ты, ишь, жрал в три горла и не подавился. Ну ничего, теперь эти вустрицы в тебе колом встанут!

(Половой залиvisto хохочет Мишке вслед — пока не получает подзатыльник от хозяина. И никто не замечает, что за их разговором наблюдает еще один — третий — молодой человек с бородкой — пусть и не настолько щегольской, как у Ивана Викентьевича и Владимира Христофоровича — и в пенсне — пусть и не позолоченном.)

Лектор.

Кхм. Простите.

Я всегда считал, что фин де клер устрицы совершенно не умеют себя вести в обществе.

Все настроение испортилось.

Словно створки раковины захлопнулись...

ФОН: Мишка бежит по улице, потом бредет, потом снова бежит, сменяются картинки, воспоминания, он сталкивается с людьми, запинаясь, падает, снова идет. Может быть, перед его глазами уже начинают проскакивать какие-то кадры с лекцией — словно миры начинают взаимопроникать друг в друга.

Так что предлагаю перейти к еще одной части нашей лекции и обратить внимание на еще один очень любопытный нюанс!

Чехов любил путешествовать.

Молодые устрицы могут сказать — ну и что из этого?

Мол, мы тоже любим путешествовать.

Пожилые устрицы осуждающе покачают створками — суета лишняя это все.

Где прикрепился — там и пригодился.

Но обратите внимание — где путешествовал Чехов.

(Лектор начинает показывать карту. Карта минимально проработана в плане суши — но детально, в том числе с какими-то специфично «устричными» названиями (типа «Темная впадина») — в плане моря. То есть взгляд с точки зрения устриц, для которых вода первична, а в суше, тем более, чем дальше от моря, они совершенно не разбираются (можно даже в районе Сибири поставить большое «белое пятно».)

Родился он на берегу Азовского моря — да-да, уважаемые европейские плоские устрицы, именно там, в местах вашего обитания, только чуть выше — на суше. Возможно.

Затем он переехал в Москву —
но этот эпизод мы пропускаем,
так как устрицы в Москве не живут
и прибывают туда лишь в один конец.
Кхм.
Далее Бабкино, Тверская губерния,
Сумы
и, наконец, — Одесса!
О, дорогие мои
черноморские устрицы, да!
Именно так!
Прекрасное место. Чудесное.
Якобы даже какой-то ученый людской —
Геродот — говорил, что нежный и
сливочный вкус
у устриц, что здесь обитают.
Слова, леденящие слизь —
но при этом приятные, что ж...
А потом — Ярославль, Казань
Пермь и Тюмень — и через всю Сибирь —
на Сахалин!
Да!

В письме Антона Павловича родным
от 7 июня 1890 года читаем:
«Из Хабаровки (зри карту) я поеду
не в Николаевск, а по Уссури во
Владивосток, а оттуда уже на Сахалин.
Нельзя не посмотреть Уссурийского
края. Во Владивостоке буду купаться
в море и есть устриц».

В письме Борису Лазаревскому
от 13 апреля 1904 года:
«Во Владивостоке, в мирное время
по крайней мере, живется не скучно,
по-европейски, и мне кажется, жена
Ваша не сделает ошибки, если приедет
к вам после войны. Если Вы охотник,
то сколько разговоров про охоту
на тигров! А какая вкусная рыба!
Устрицы по всему побережью крупные,
вкусные...»

Затем — океан Индийский,
Средиземное и Черное моря,
Гонконг и Япония,
Сингапур и Цейлон,
Суэцкий канал...

И снова Одесса, и снова Москва —
А потом Петербург —
И Европа, Европа, Европа...
Не буду отбирать хлеб у иностранных
коллег.
А потом снова Россия —
И снова Европа —
и снова Россия —
и Крым.
Да. Крым.
Уважаемые крымские устрицы!
Я понимаю, что сейчас затрону
опять-таки очень болезненную тему —
но, впрочем, я же предупреждал!
Знаете ли вы, что ваши предки —
такие маленькие и такие плоские,
кругленькие и не сильно ребристые —
очень ценились из-за — как люди
говорили —
«незначительной солености»!
Кальмар побери, приятно все же!
Но вернемся к нашей теме.
Посмотрите на карту путешествий
Чехова.
Ее очень легко составить:
как оставляет свой след на песке
ползущая устрица — так и Чехов
оставил его
в виде писем, заметок и дневниковых
записей.
И посмотрите!
Нет, вы только взгляните!
Если не брать мелкие погрешности
и какую-то там Москву и Санкт-
Петербург,
Сумы и Мелихово, Пермь и Тюмень,
и прочие, прочие бесплодные
моллюсками земли,
то мы заметим, как неуклонно,
упорно и неумолимо,
словно на невидимой тоненькой
слизистой нити
Чехова тянуло туда, где обретаются
устрицы.
Где обретаемся мы!
Мы!

ФОН: Лектор делает паузу, картинную паузу и замирает.

(Мишка плетется по заснеженной улице.)

Мишка. Вустричный бог... Рубль в кулаке жжет, как уголек из костра... Вустричный бог, вустричный бог.

Голос. Он готов прямо сейчас, тут, посреди улицы, пасть на колени и начать молиться — но он не знает такой молитвы, которая пришлась бы по вкусу вустричному богу. И нет, нет, как он вообще посмел сейчас заговорить о вкусе — он, который только что сожрал деток малых, деток невинных, деток пищащих! Мишке кажется, что все было именно так — и трепетали вустрицы у него на языке, и пищали, и даже кричали что-то человеческим голосом — а он, одурманенный мечтой о рубле, под сверканием золоченых пенсне, не слышал этих воплей, глух был и ушами и сердцем.

Мишка. Господи Иисусе Христе. Помоги. Помоги чаду своему глупому, неразумному. Ты же знаешь, наверное, вустричного бога. Ты же всех знаешь. Скажи ему, что не специально я. Не хотел я. Не желал. Уговорили меня. Совратили. Искусили, как истинные демоны.

Голос. Но Иисус Христос не слышит его — Мишка ощущает это всем сердцем. Сейчас, здесь, царствует вустричный бог — и он придет. И покарает.

(Мишка судорожно оглядывается.)

Голос (снова повелительно, как в трактире). Ему кажется — или небо больше не такое ясное и чистое? И звезды потускнели — словно их затянула сизая плесень?

Верно то проделки вустричного бога!
Он идет за ним! Он идет карать — и не
миловать!
Вода в галошах снова начинает
леденеть — и Мишка уже почти не
чувствует ног!

*(Мишка озирается, видно, что он с
трудом передвигает ноги - но все равно,
оступаясь и поскользываясь, бежит в
подворотню, где скукоживается в три
погибели и сует пальцы в рот.)*

Мишка. Я же не жевал их! Не жевал! Я
же глотал их живьем — и может быть,
сейчас смогу выbleвать все! Живыми,
как есть! А потом соберу их — и верну
вустричному богу!

Голос. Мишкино тельце содрогается
в спазмах — и выходит первая
вустрица. Она лежит на снежке,
жалкая и сморщенная, как кусок языка
мертвеца.
Еще один мучительный спазм — и
выходит вторая. Потом третья и
четвертая.
За Мишкиной спиной что-то начинает
шевелиться и ворочаться. В нос
ударяет тинной и болотной жижей, по
спине скользит мокрое и липкое.

*(Мишка тихо ахает — но продолжает
извергать из себя вустриц, остервенело
тыча пальцами в горло.)*

Голос. Под ногтями у него кровь, кровь
на языке и губах — но выходят уже...

Мишка. Пятая и шестая!

Голос. Седьмая и восьмая идут тяжело,
с желчью, грудь раздирает кашель,
брюхо крутит в агонии.

Вустричный бог ползает за Мишкиной спиной, тяжело и зловеще вздыхая. Он ждет, ждет, ждет, когда Мишка вернет ему его детей — всех, до единого...

Мишка. ...и тогда, может быть, и простит глупого, неразумного мальчишку!

Голос. Девятая и десятая.

(Мишка содрогается в приступах безудержной пустой рвоты слезью и слюнями, цепляется за стену в попытках не упасть.)

Голос. Вустричный бог замирает за спиной — ему не нравится, что возврат так затягивается.
Одиннадцатая.

Мишка. Сейчас... Сейчас, сейчас...

Голос. Двенадцатой нет.

Мишка. Я же уже весь вывернулся наизнанку, как старая рваная рукавица!

Голос. Но двенадцатой нет! Она пропала. Твое брюхо, голодное и жадное, успело пожрать ее!

Мишка. Нет...

(Мишка упирается горячим лбом в холодную стену.)

Голос. Ну что?

Мишка. Я боюсь оглянуться. Я боюсь сказать в лицо отцу миллионов, миллиардов вустриц, что одно его дитя все-таки сожрано...

Голос. Вустричный бог все понимает...

Мишка. Да?

Голос. ...и ярится. Он хлещет по стенам, шипит и плюется в затылок холодной и едкой слюной, выкручивает ему суставы жестокой ломотой, вытягивает нервы через давным-давно онемевшие пятки.

Мишка. Господи вустричный бог... Помилуй мя, грешного. Ибо не ведал я, что творил. Ибо...

Расскачик. А потом ты поскальзываешься и падаешь — на этот раз ударяясь затылком неожиданно громко и хрустко.

(Мишка падает.)

Мишка. И звезд не видно...

Голос. Над головой лишь каменный свод подворотни, слепой и безучастный.

Лектор.

А теперь то, чем все закончилось.
Как заканчивается все в нашем мире.
Когда створки закрываются навсегда.
В июне 1904 года —
то есть в восьмом теплом течении
третьей тысячи дюжин от сотого
моретрясения —
Чехов — больной туберкулезом,
болезнью, при которой из груди
выходят
пена,
и кровь,
и кусочки легких — которые так
похожи на разорванные, растерзанные,
раздавленные и растоптанные кусочки
устриц, —
Чехов приехал на германский курорт
Баденвайлер.

Актер. О, я бывал там! Третьего
течения я с женой и...

ФОН: В полумраке — свод подворотни.

Лектор.

Чехов умер.
В ночь с 1 на 2 июля.
Когда было и жарко —
словно мир варился в огромном котле,
в котором он варит устриц.
И душно —
будто мир задыхался в пару
или был замкнут в коробке коптилен.
И липко —
точно мир был обвален в тесте
или вымазан в соусе.
В общем, словно мир был готов к
подаче на стол
для чьей-то там большой праздничной
трапезы —
тем более, что и разражалась гроза —
как будто звонили к позднему,
очень позднему ужину...
Чехов умер.

Максим Горький — жене Екатерине Павловне Пешковой: «Ему — все равно, хоть в корзине для грязного белья вези его тело, но нам, русскому обществу, я не могу простить вагон «для устриц». В этом вагоне — именно та пошлость русской жизни, та некультурность ее, которая всегда так возмущала покойного».

На вагоне, в котором везли тело Чехова в Петербург и Москву,
было написано
«Отделение для перевозки свежих устриц»
и номер вагона «Д 1743».

Кто-то скажет, что это месть
Великой Устрицы?
Что, мол, не надо было нас есть —
и не поместили бы тебя в вагон,
где страдали тысячи тысяч наших
собратьев?
О нет!
Это очень глупая, и я бы даже сказал,
непрофессиональная точка зрения!

Юные выскочки, не окончившие
кафедру,
так и пытаются выдать свои молочно-
белые
незрелые мысли за истину...

А теперь посмотрите сюда!
Это газета.
Да-да, именно так.
То, что мы делаем на камбалах, рыбах-
прилипалах, мертвых китах и ленивых
дельфинах.
Посмотрите:
газета «Московские ведомости»
от 5 июля 1904 года.
Правее. Колонка справа.
Рядом с заметкой «Чехов и Москва».
Рубрика «Из научного мира».
Статья «Устрицы и тифозная горячка».

«Несколькими французскими учеными
дознано, что устрицы способствуют
распространению тифозной горячки.
Утверждают, что устрицы, особенно
вредны в дождливое время, когда
дождь увлекает микроорганизмы
атмосферы на почву и тем способствует
заражению источников, вода которых
может попадать в устрицы...»

Вы только посмотрите, сколько
неуважения!
Подозрения!
Унижения!

«... этот дешевый в Константинополе
продукт служит несомненным
источником тифозных заболеваний»!

Я не говорю о том, что проще всего
обвинить
бессловесных, беззвучных и даже не
пищащих!
Однако нельзя не заметить,
что это совпадение на одной странице —
есть любопытная и тонкая, как
водоросль куру,
связь,
сочетание,
цепь.

Тифозная горячка бушует в английских портах.
Люди считают — в этом виновны устрицы.
Что ж!?
Значит, не будем устриц есть!
Значит, не будем их ловить!
Хранить. Перевозить!
Европейцы опасаются устриц.
Спрос на них падает.
Вагоны простаивают.

«При пересечении русской границы в Вержболово, гроб с телом Чехова помещают в вагон для транспортировки устриц. В нем он и проследует от Вержболово до Петербурга — а потом из Петербурга в Москву».

Июль. Жара.
И холод, вечный холод — в вагоне — пропахшем морской водой, омытом устричной слизью.
Разве можно желать чего-то лучшего?

А теперь посмотрите на последний рассказ Чехова!
Последний-последний настолько, что даже не оконченный!
«Расстройство компенсации»!

«Яншин всякий раз почему-то вспоминал, что ему уже 31 год и что, начиная с 24 лет, когда он кончил в университете, он ни одного дня не прожил с удовольствием... он соображал, что все это будет продолжаться и повторяться в разных видах без конца и что в 40 и 50 лет будут такие же заботы и мысли, как и в 31; одним словом, из этой твердой скорлупы ему не выйти уже до самой смерти. Надо уметь обманывать себя, чтобы думать иначе. И ему хотелось перестать быть устрицей хотя на один час».

Устрицей!
Перестать быть устрицей!

*(Лектор молчит, с торжеством
оглядывая зрителей.)*

А теперь я сообщу вам поразительную
вещь,
которую вывел после долгих месяцев
работы над этим вопросом.
Чехов — устрица!

Актер. Что?

Лектор.

То самое открытие, о котором я
намеревался
сказать вам в течение всей лекции.
Но хотел сохранить на сладкое.
Как мы сохраняем на конец обеда
розовый планктон.

Сопоставьте все то, что я вам сегодня
рассказал.
Все детали.
Слова.
Строчки.
Намеки.
Рассказы.
Герои-устрицы.
А не брюхоногие моллюски!
Все пути.
И невидимую, тоненькую, словно
слизистую нить, которая тянула, тянула,
тянула...
Вспомните о мире, как устричной
раковине.
Вспомните мальчика, который пытался
разгрызть створки —
зачем?
Зачем он это делал?
Чтобы вернуться обратно.
Подумайте о человеческой одежде —
такой наивной и глупой
Зачем она?

Не по старой ли памяти —
когда они были укрыты крепкими
прочными
створками?
Подумайте о куче рецептов
того, как можно приготовить устриц.
Подумайте, как много людей любят
есть устриц.
И как часто люди говорят:
Я тебя так люблю —
что съел бы!
Может быть, Любовь — это и есть
съесть?
А съесть — это и есть любить?
Может быть, съесть — это означает
поглотить то, что давно хотел?
И через это стать тем, кем мечтал стать?
Хм!

И тогда вот последнее мое открытие —
Чехов — есть устрица!
Странная, причудливая, невероятная
устрица!
Которая каким-то
странным, причудливым, невероятным
образом
проникла в мир людей.
Поселилась в нем. И стала готовить его
к тому,
чтобы тот вернулся обратно в свою
стихию.
Где их —
таких слабых,
таких мягких,
таких хрупких
ждут их раковины.
Ждут их футляры!
Истинно так!

Более того!
Прочтите в его повести «Дуэль»!

«...и ему всегда было досадно, что эти
люди, на основании усиков, лапок и
какой-то протоплазмы (он почему-то
воображал ее в виде устрицы), берутся
решать вопросы, охватывающие собою
происхождение и жизнь человека...»

Великая Устрица, слизь которой
породила наш океан!
Он даже о ней знал!
Знал о Великом Вустричном Боге,
который всевидящ — и всепрощающ.
Но последнее — только когда у него
есть настроение.
И по полнолуниям.
По полнолуниям!

Я настаиваю
и уже подал прошение
в Грот Служителей Великой Устрицы,
чтобы Чехова
Антон Павловича
назвали Мессией Устричным!
Чтобы он был награжден пурпурным
наростом на раковине
и...

(Слышно громкое топанье, грохот.)

Рыбак 1. Ну что там?

Рыбак 2. Да не видать ничего,
мутновато.

Рыбак 1. Ну так посвети.

(Вспыхивает свет.)

Рыбак 2. Вот это да... Ничего себе!

Рыбак 1. Что там? Мне не видно.

Рыбак 2. Да устрицы. Целая куча. Что
они тут делают?

Рыбак 1. Да какая разница? Хороший
улов сегодня, однако, удачный.

Рыбак 2. Да, ща...

Лектор.

Хм.

Ну что же, уважаемые гости.

Кажется, наша лекция подходит к
концу.

Правда, мне кажется, что это
произошло несколько скоростижно.

Несправедливо.

И как-то даже

немного глупо...

Вот так вот окончить все...

И мы, такие умные, такие
образованные
и такие многообещающие
Должны будем вот так вот бесславно...
Не дописав монографий
и не получив багряных наростов...

(Подсадные актеры начинают попискивать.)

О-о-о...
Вы хотите сказать, что можно
воспользоваться
помощью Чехова?
И напугать,
оттолкнуть,
обескуражить?
Но почему бы
и нет...

(Лектор пищит — и подначивает пищать всех зрителей.)

Рыбак 1. Что это?

Рыбак 2. Пищат.

Рыбак 1. Устрицы-то?

Рыбак 2. Да.

Рыбак 1. Эээээ....

Рыбак 2. Ваще в первый раз такое слышу.

Рыбак 1. Да ну их к черту. Может, бешеные какие-то.

Рыбак 2. Устрицы не болеют бешенством.

Рыбак 1. Пошли, лучше раков поймаем.

(Топот удаляется.)

Лектор.

Кхм...

Спасибо.

Я даже и не думал, что моя лекция может возыметь такой потрясающий эффект.

И натолкнуть на такие великолепные мысли!

Сегодня же запатентую свист как...

(Помощник что-то шепчет лектору на ухо.)

Но вот-вот наступит отлив.
Ну что же...
Тогда продолжение моей лекции
«Чехов как устрица»
Вы услышите...
... когда снова придете ко мне!

А пока предлагаю немного
повеселиться!
Ибо если весь мир — створки
раковины,
а огромная Великая Устрица всегда
может съесть нас за грехи —
то почему бы и не повеселиться!

Регтайм «Танец устрицы и моллюска»
написан в 1898 году
композитором
Эдом Дайси!

Танцуют все!

(Играет музыка.)

Иван Викентьевич. Однако, Владимир Христофорович...

Иван Викентьевич. Кажется, этот тот мальчик, который только что участвовал в нашем споре.

Владимир Христофорович. Да, вы правы, Иван Викентьевич.

Иван Викентьевич. Кажется, он совсем плох, верно? Ох, и метель же началась, даже сюда заносит! Мокрая, жуть!

Владимир Христофорович.
Если совсем не умер. Странно,
свежайшие же были.

Иван Викентьевич. А что это означает?

Владимир Христофорович. Что?

Иван Викентьевич. Что кажется,
я выиграл!

Владимир Христофорович. Отчего ж,
Иван Викентьевич?

Иван Викентьевич. Ну так впрок
мальчику не пошло — значит, выигрыш
за мной.

Владимир Христофорович. В ваших
словах есть логика, конечно, Иван
Викентьевич, но давайте ее обсудим за
стопочкой смирновки.

Иван Викентьевич. Во льду?

Владимир Христофорович.
Естественно!

Иван Викентьевич. Ах, умеете вы,
Владимир Христофорович, настоять на
своем. Идем же!

Голос. И опускается тяжелая, плотная,
твердая темнота — словно вустричный
бог закрывает створки всего и вся.

Из письма А. П. Чехова Н. Н. Оболонскому
5 ноября 1892 г. Петербург.

*...Ваше Высокопревосходительство, милостивый государь Николай Николаевич!
Я хожу в Милютин ряд и ем там устриц. Мне положительно нечего делать, и я
думаю только о том, что бы мне съесть и что выпить, и жалею, что нет такой
устрицы, которая меня бы съела в наказание за грехи...*

ПЬЕСЫ ИЗ ЛОНГ-ЛИСТА ЛАБОРАТОРИИ:

Мария Малухина. Ханькоу.....	145
Любовь Страхова. Холера окаянная (Из жизни санитарного врача).....	191
Настя Травкина. За отсутствием доктора... (Один день из жизни чеховских персонажей).....	217
Елена Манн. Чехонтеч.....	253
Валерия Темкина. Небесный секретарь.....	273
Любовь Страхова. История любви (Таксоводевилль).....	291
Наталья Калинникова. Лит-крокет (Пьеса-конструктор).....	305

МАРИЯ МАЛУХИНА

ХАНЬКОУ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АНТОН:

Антон Чехов.

Григорий Глинка — мичман на пароходе «Санкт-Петербург».

Павел Иванович — пассажир парохода «Санкт-Петербург», он же персонаж рассказа Чехова «Гусев».

Капитан Гутан — капитан парохода «Санкт-Петербург».

Китаец.

Гусев — персонаж рассказа Чехова «Гусев».

ДЕТСТВО АНТОШИ:

Маленький Антоша.

Павел Егорович Чехов — отец Антоши.

Выпивоха 1.

Выпивоха 2.

Дворник.

Мальчишки — Ваня, Коля, Алеша.

УИЛЛИ:

Уильям Сомерсет Моэм — он же Уилли.

Джеральд Хакстон — его секретарь и любовник.

Хендерсон.

Русская княгиня.

Английская девица.

Директор банка.

Жена директора банка.

Первый секретарь посольства.

Миссионер Уилкокс.

Доктор Сондерс.

Китти — персонаж романа Моэма «Разрисованная вуаль».

Чарли — персонаж романа Моэма «Разрисованная вуаль».

ДАНЯ:

Даня — писатель.

Таня — бывшая девушка Дани.

Пан-пан — девушка-бармен в отеле.

Дезинфекторы.

ПРОЛОГ

Антон. В апреле ведь я уезжаю, и увидимся мы едва ли ранее января! Мой маршрут таков: Нижний, Пермь, Тюмень, Томск, Иркутск, Сретенск, вниз по Амуру до Николаевска, два месяца на Сахалине, Нагасаки, Шанхай, Ханькоу, Манила, Сингапур, Мадрас, Коломбо (на Цейлоне), Аден, Порт Саид, Константинополь, Одесса, Москва, Питер, Церковная улица.

Уилли (Мозм). Я вынашиваю планы по покорению Дальнего Востока. Как прекрасно будет отправиться в путешествие бог знает куда с достаточным количеством времени и денег в кармане!

Даня. 8 января, Шереметьево — Ухань, CZ355, China Southern Airlines. Нормальная авиакомпания, мам. Не волнуйся. Без обратного. Там на месте разберусь. Все, целую.

АНТОН

Ноябрь 1890 года, Гонконг, отель «Гонконг», ресторан «Гриннс» с видом на бухту. В ресторане обедают трое пассажиров пришвартовавшегося в Гонконге на четыре дня парохода «Санкт-Петербург».

Павел Иванович. Совершенно возмутительно. Одни эти повозки чего стоят!

Мичман Глинка. Вы о дженерикчах? Мы с Антоном Павловичем как раз успели с утра прокатиться вдоль бухты.

Павел Иванович. А я не стал. Варварство!

Мичман Глинка. Да отчего же варварство, позвольте?

Павел Иванович. Омерзительно, когда одна из самых цивилизованных наций мира позволяет себе так эксплуатировать инородцев. Человека в повозку запрягать — где это видано?

Мичман Глинка. Тот человек, доложу я вам, не выглядел несчастным. Особенно получив свое на чай.

Павел Иванович. Глупости! Нужен ему ваш чай... Ну ничего, еще какой-нибудь один месяц, и мы в России. Нда-с, многоуважаемые господа пассажиры. Приеду в Одессу, а оттуда домой в Харьков. В Харькове у меня литератор приятель, Гусев. Приду к нему и скажу: ну, брат, оставь на время свои гнусные сюжеты насчет бабьих амуров и красот природы и обличай двуногую мразь... Вот тебе темы... Да хоть бы и вы, Антон Павлович, рассказ-другой об английских зверствах написали.

Антон. Ну, зверств-то я, Павел Иванович, пока не встретил. Бухта чудная, движение на море такое, какого я никогда не видел даже на картинках;

прекрасные дороги, конки, железная дорога на гору, музеи, ботанические сады — чего же вам не хватает? Куда ни взглянешь, повсюду самая нежная заботливость англичан о своих служащих. Есть вон даже клуб для матросов.

Павел Иванович. Может, о своих матросах они и заботятся, но мы говорим о китайцах! Их культура, их язык, их традиция уничтожается! Посмотрите, где мы, что мы едим — бифстейки в английском ресторане.

Антон. Китайскую традицию так просто не уничтожишь. Когда я одного китайца позвал в буфет, чтобы угостить его водкой, то он, прежде чем выпить, протягивал рюмку мне, буфетчику, лакеям и говорил: кусай! Вот вам китайские традиции. Пил он не сразу, как мы, а глоточками, закусывая после каждого глотка, и потом, чтобы поблагодарить меня, дал мне несколько китайских монет. Ужасно вежливый народ. Одеваются бедно, но красиво, едят вкусно, с церемониями. Даже самый обрусевший китаец на Сахалине останется китайцем. Так и с местными.

Павел Иванович. А вывески? Все на английском.

Глинка. Отойдите на два квартала от центра, все будет на китайском.

УИЛЛИ

1919 год. Прием в Британском посольстве в Гонконге. В гостиной стоят с бокалами в руках гости, одетые в смокинги и вечерние платья.

Заходит очередной мужчина с крупной красавицей-супругой.

Моэм (*наклоняясь к Джеральду Хакстону, на ухо*). Она так щедро демонстрирует свои прелести, что становится страшновато.

Хакстон. Что треснет платье?

Моэм. Что треснут мои глаза.

Хакстон подавляет смехок.

Хакстон. Это швейцарский директор Сино-Аргентинского банка, между прочим. Крупная рыба. А вот про нее ходят слухи, что когда-то была кокеткой.

Моэм. Это тебе английская девица с хищной улыбкой нашептала? И когда только успела...

Хакстон. Она ищет себе мужа. Конечно, я был первым, к кому она тут ринулась.

Моэм. Бедняжка. Не знает, что ничего-то ей не светит.

Хакстон. Ну, не знаю, не знаю...

Моэм. Она не в твоём вкусе.

Хакстон. Не ревнуй!

К Моэму обращается русская княгиня.

Княгиня. Мистер Моэм, у меня к вам вопрос как к профессиональному литератору.

Моэм. Да, ваше сиятельство.

Княгиня. Почему вы, англичане, пишете такие глупые книги о России?

Моэм краснеет, мнетя.

Моэм. Сам я пока этим не грешил, хотя совсем недавно вернулся из Петрограда...

Английская девица. Расскажите же, что там происходит? Ходят какие-то страшные слухи. Будто бы после революции участились случаи каннибализма...

Княгиня. Про это слышать не желаю. С тех пор, как я уехала, эта страна для меня умерла. Умерла!

Моэм. Должно быть, до отъезда вы были знакомы с вашими гениями — Толстой, Чехов... Уж они-то точно не писали о вашей Родине глупых книг. Только грустные.

Княгиня. Слышать не желаю.

Английская девица (*обращаясь к Хакстону*). Мистер Хакстон, как вы находите Китай?

Хакстон. Восхитительная страна, мэм.

Английская девица. У китайцев такие безупречные манеры! Право же, очень жаль, что вы не знали вдовствующей императрицы — она была такая душечка!

Первый секретарь посольства стучит вилкой по бокалу.

Первый секретарь посольства. Дамы и господа, прошу к столу.

Гости рассаживаются за столом. Подают ужин.

АНТОН

Антон. А ещё был случай, по пути в Благовещенск я видел, как китаец сидел на палубе и пел дискантом что-то очень грустное; в это время профиль у него был смешнее всяких карикатур. Все глядели на него и смеялись, а он — ноль

внимания. Попел дискантом и стал петь тенором: боже, что за голос! Это овечье или телячье бляенье. Но он продолжал петь, ничуть не стесняясь. Китайцы продолжают свою песню, поверьте мне.

Мичман Глинка. Еще и нас той песне научат.

Антон. Кстати, не без помощи англичан.

Павел Иванович. О чем это вы?

Мичман Глинка. Рано или поздно китайцы возьмут у нас Амур, это — несомненно.

Сами они, конечно не возьмут, но им его отдадут ровно те самые англичане, которых вы обвиняете во всех смертных грехах.

Антон. По Амуру, знаете ли, живет очень насмешливый народ; все смеются, что Россия хлопочет о Болгарии, которая гроша медного не стоит, и совсем забыла об Амуре. Нерасчетливо и неумно.

Павел Иванович. Чтобы англичане отдали китайцам наш Амур, они должны относиться к китайцам как к равным. А для них это колония, рабский питомник. Коли и возьмут, будет Амур английским краем, китайцам опять ни кусочка не достанется.

Антон. Да, англичанин эксплуатирует китайцев, сипаев, индусов... Но он что-то дает взамен — дороги, водопроводы, музеи, да то же христианство. Нужно ли им христианство — другой вопрос, но то, что англичане облагораживают свои колонии, — несомненно. Лет через тридцать здесь будет новый Лондон. Вы тоже эксплуатируете, но что вы даете?

Павел Иванович. Нет уж, господин литератор. За всю свою жизнь инородцев я не эксплуатировал, казны не грабил, контрабандой не занимался, никого не запарол до смерти, жил и живу честно, а посему смею причислять себя к российской интеллигенции!

УИЛЛИ

Хендерсон (*обращаясь к Моэму и Хакстону*). Что же, господа, успели вы уже прокатиться на дженерикчах?

Хакстон. Вчера мы проехали пару кварталов, но была такая жара, что эти ребята были взмылены, как лошади. Мы решили не мучать их и пройтись пешком.

Хендерсон. Зря. Им это полезно. Видите ли, мы все еще здесь только потому, что они нас боятся. Мы — господствующая раса.

Повисает неловкое молчание.

У китайцев всегда были господа и всегда будут. Вообще, когда живешь здесь дольше пяти лет, понимаешь, что не стоит обращать на китайцев внимания. Одна моя знакомая, милейшая дама, купила дом, в котором когда-то был храм, заказала обои из Англии и заклеила ими всю эту пеструю китайщину. И мебель ей тоже доставили из-за океана. Не сказать, что обстановка стала сразу похожа на лондонскую, но такая гостиная, как у нее, вполне может быть в каком-нибудь милом английском городке. Челтнеме, например, или в Танбридж-Уэллсе. Бегство от реальности, скажете вы? Настоящий патриотизм, отвечу вам я.

Моэм. Но, мистер Хендерсон, разве возможно, живя в Китае, полностью игнорировать окружающую реальность? Тот же язык — наверняка вы выучили пару фраз...

Хендерсон. Ну разве что пару. Ровно столько, сколько требуется для ведения моих дел. Тот, кто начинает учить китайский, сразу вызывает у меня подозрения. Ну посудите сами, зачем ему это, если он не миссионер и не секретарь по китайским делам в посольстве? За двадцать пять долларов в месяц можно нанять переводчика! К тому же, всем известно — те, кого Китай интересует сам по себе, мало-помалу свихиваются.

Английская девица (*вмешивается в разговор, обращается к Хакстону*). Вы знаете, мистер Хакстон, китайцы, все-таки дикий народ. Женщин тут выдают замуж, не спрашивая их согласия. Все устраивают свахи, и мужчина в первый раз видит свою жену только после свадьбы. Ни намека на романтичность. Ну а любовь...

Директор банка. А я соглашусь с Хендерсоном. Китайское общество не стоит нашего внимания, мистер Моэм. Китай просто не выживет, если предоставить их самим себе.

Моэм. Они умудрились создать великую цивилизацию без помощи англичан. Мы еще были варварами, а они уже изобрели порох.

Директор банка. Это все в прошлом. Все великие цивилизации рано или поздно вырождаются. Единственное, что может вывести китайцев на новый путь и сделать английское присутствие в Китае ненужным, — демократия американского типа. Мистер Хакстон, вы же американец, если я не ошибаюсь?

Хакстон. Да.

Директор банка. Тогда вы точно знаете, что я имею в виду. Но, увы, подобная эволюция, если и возможна в принципе, займет у них столетия. А пока что это ужасно традиционное, закоренелое, скрипящее всеми шестеренками и прогнившее до самого основания общество.

Моэм. Недавно я пришел к выводу, что на Востоке люди равны иначе, чем в Европе и Америке. Общественное положение и богатство ставят человека выше других как бы случайно и не препятствуют дружескому общению.

Княгиня. Ерунда! Глупости!

Хакстон. Позвольте вам возразить, ваше сиятельство. Мы с мистером Моэмом стали недавно свидетелями уморительнейшей сцены. Уильям, расскажи, это прекрасная история!

Жена директора банка. Не каждый день за ужином услышишь рассказ знаменитого драматурга! Ах, мистер Моэм, я большая поклонница вашей «Земли обетованной». Мы с мужем были на премьере в Лондоне три года назад. Помнишь, Гарри? А каких чудных омаров подавали на банкете после...

Моэм (*на ухо Хакстону*). Джерри, зачем ты?

Хакстон. Хватит ломаться!

Моэм. Ты же знаешь, когда все на меня смотрят, я начинаю заикаться...

Хакстон. Ладно, черт с тобой.

Моэм. Джеральд расскажет эту историю лучше. Я, знаете ли, предпочитаю письмо говорению...

Хакстон. Так вот, остановились мы на той неделе в одной гостинице... Но это, конечно, не гостиница в привычном понимании этого слова, а китайская гостиница, то бишь сарай. Ледяной ветер, у нас зуб на зуб не попадает, дрожим, как цуцики!

Моэм (*про себя*). Вечер был холодный. Я кончил ужин, и мой бой стелил мне постель, а я сидел возле жаровни, в которой тлели древесные угли. Почти все кули уже устроились на ночь в соседней комнате, и сквозь тоненькую перегородку я слышал, как двое переговариваются. Час назад прибыла еще компания путешественников, и маленькая гостиница была переполнена. Внезапно раздался шум, и, подойдя к двери, я увидел, что во двор внесли три кресла. Их поставили прямо напротив моей комнаты, и из первого вылез китаец весьма внушительной наружности. На нем было длинное одеяние из черного шелка, подбитое белкой, а на голове квадратная меховая шапка. Увидев меня в лучшей комнате гостиницы, он как будто несколько растерялся и, повернувшись к хозяину, что-то властно ему сказал...

Хакстон. Глядим в окошко, а он чуть из шапки своей шерстяной не выпрыгивает! Руками размахивает, кричит, одно слово — скандал! Оказалось, мы заняли последнюю приличную комнату, а ему досталась какая-то дыра, в которой обычно ночуют кули. Бушевал он, бушевал, а толку-то? Мы ему, ясное дело, из благородных порывов, наши теплые постельки уступать не собирались... Пришлось ему заселяться, так сказать, в третий класс.

Моэм (*про себя*). Час спустя я вышел во двор, чтобы размять ноги, перед тем как лечь, и с некоторым изумлением увидел, что дородный чиновник, совсем недавно такой надутый и чванный, сидит за столом у входа в гостиницу в компании самого оборванного из моих кули. Они дружелюбно болтали, а чиновник покуривал хукку. Он поднял эту бурю, чтобы не потерять лица, но, достигнув

своей цели и нуждаясь в собеседнике, принял общество кули, не заботясь о сословных различиях. Держался он вполне благодушно, без малейшего следа снисходительности. Кули же разговаривал с ним, как с равным. Мне это показалось истинной демократией.

Хакстон. Так мы и решили, что на деспотичном Востоке между людьми возможно равенство куда большее, чем на свободном и демократическом Западе.

Советник посланника. Откуда же такой вывод?

Хакстон. А ответ следует искать, не к столу будь сказано, в выгребной яме! Простите, милые дамы, за столь неаппетитный образ. На Западе нас от наших ближних отчуждает обоняние. Вот вы говорите об американской демократии. А на ком она строится? Да, рабочий, безусловно, наш господин, жаждущий править нами железной рукой, но нельзя отрицать, что от него, простите, воняет! Это неудивительно: утром, когда собираешься на работу, опережая заводской гудок, о ванне думать некогда, тяжелый физический труд тоже, знаете ли, не овеян благоуханием, да и белье меняешь не так уж часто, особенно если стиркой занимается сварливая жена. *(Хакстон подмигивает английской девице, та краснеет.)* Я не виню рабочего за то, что от него воняет, но, давайте признаем, от него-таки воняет! И для человека с чувствительным носом это затрудняет с ним общение. Отсюда вывод — ежедневная ванна обеспечивает классовую замкнутость куда эффективнее крови, богатства или образования! *(Гости смеются.)* Ну а китайцы, не мне вам о том рассказывать, всю жизнь живут в тесном соседстве с самыми гнусными запахами. И не замечают их. Ноздри у них невосприимчивы к ароматам, оскорбляющим европейские носы. А потому они способны быть на равных хоть с земледельцем, хоть с кули, хоть с ремесленником. Так что, господа, остается только с грустью признать, что первый человек, который спустил воду в ватерклозете, своим небрежным жестом похоронил демократию! Поднимем же бокал за ее светлую память!

Гости смеются, чокаются, пьют. Моэм отдаляется, задумчиво смотрит на происходящее.

АНТОН

Антон. Павел Иванович, мы же вместе сели на пароход во Владивостоке. Вы не можете не понимать, о чем я. О Приморской области и вообще о всем нашем восточном побережье с его флотами, задачами и тихоокеанскими мечтаниями можно сказать только одно: вопиющая бедность! Бедность, невежество и ничтожество, могущие довести до отчаяния. Один честный человек на 99 воров, оскверняющих русское имя... Вот и сравните, прежде чем говорить о так называемых английских зверствах.

Павел Иванович. Что же вы мне предлагаете? Вовсе не говорить? Молчать? Я живу сознательно, я все вижу, как видит орел или ястреб, когда летает над землей, и все понимаю. Я воплощенный протест. Вижу произвол — протестую,

вижу ханжу и лицемера — протестую, вижу торжествующую свинью — протестую. И я непобедим, никакая испанская инквизиция не может заставить меня замолчать. Да... Отрежь мне язык — буду протестовать мимикой, замуравь меня в погреб — буду кричать оттуда так, что за версту будет слышно, или уморю себя голодом, убей меня — буду являться тенью. Все знакомые говорят мне: «Невыносимейший вы человек, Павел Иванович!» Горжусь такой репутацией. Прослужил на Дальнем Востоке три года, а оставил после себя память на сто лет: со всеми разругался. Приятели пишут из России: «Не приезжай». А я вот возьму, да на зло и приеду... Да... Вот это жизнь, я понимаю. Это можно назвать жизнью!

УИЛЛИ

Моэм (*про себя*). Меня всегда как-то утомляло дружеское веселье. Когда люди, сидя в пабе или плывя в воскресный день на лодке вниз по течению, начинают петь, я молчу. Я не люблю, когда ко мне прикасаются, и я всегда делаю над собой усилие, чтобы не отстраниться, когда кто-то берет меня за руку. А ей бы такие сборища пришлось по вкусу. Она, как эта девица-англичанка, только помоложе и получше собой. Определенно хорошенькая. Да что там, даже красавица. Долли... Минни... Китти! Пусть будет Китти!

Первый секретарь посольства. Куда же вы дальше? Вы с мистером Моэмом уже определили маршрут?

Хакстон. Мы думали двинуться на север — Гуанчжоу, Шеньян, Чанша, Ханькоу, а оттуда двинуть на восток в Шанхай, но последние новости...

Первый секретарь. Забудьте про Ханькоу. Там опять холера. Сильнейшая вспышка за последние десять лет... Лучше сразу на восток...

Моэм (*про себя*). И замуж она уже вышла — такие быстро выходят. Вот как раз за такого сухаря, который отмалчивается на вечеринках. Это он, конечно, притащил ее в Китай. Да еще и с какой-нибудь благородной целью. Миссионер? Нет, за миссионера Китти бы точно не пошла. Писатель? Не стоит так в лоб... А! Доктор! Пусть будет доктор... И вот она зачем-то вышла замуж за этого доктора, ну, положим, Уолтера, и поехала вслед за ним в Китай. И с ума, конечно, сходит от скуки. Ну еще бы. В таком-то обществе. И тут на каком-нибудь, скажем, приеме в посольстве она видит его... Ну, допустим, Чарли. Чарли...мм... Таунсенд... и тут же влюбляется (*Моэм мечтательно смотрит на продолжающего что-то оживленно рассказывать Хакстона.*)

Первый секретарь посольства. Да вот как раз в Ханькоу, вроде бы, он и был консулом. Точно! Старина Джордж. Удивительный человек. В дни революции, когда в городе то и дело вспыхивали перестрелки между соперничающими сторонами, ему как-то понадобилось побывать у южного генерала. Какое-то официальное дело. И вот на обратном пути во дворе резиденции он видит четверых заключенных китайцев, которых свои же китайцы, только с другой идеологической стороны, ведут на казнь. Он останавливает офицера, который должен этим делом командовать, узнает, что происходит, и заявляет яростный протест. Это же

военнопленные, и убивать их — неслыханное варварство. Офицер — очень грубо, ясное дело — ему отвечает, что обязан выполнить приказ. Наш Джорджи теряет самообладание и вступает с ним в перепалку — не может же он допустить, чтобы проклятый китайский офицеришка так с ним разговаривал. Генерал, которому доложили о случившемся, приглашает консула к себе, но Джордж отказывается двинуться с места — не пойду, мол, и все — пока пленные — четверо жалких совершенно уже зеленых от страха кули — не будут переданы под его охрану. Офицер делает ему знак отойти и командует взводу: «Целься!» Тогда Джорджи поправляет пенсне, у него всегда пенсне съезжало на кончик носа, — и встает между этими бедняками. И велит солдатам стрелять, будь они прокляты. Вот вам и ситуация! А мятежникам-то стрелять в британского консула явно не с руки!

Жена банкира. И что же, что же дальше?

Первый секретарь посольства. А вот что: посоветались и передали нашему Джорджи пленных. (*Передразнивает Джорджа.*) «Черт побери, сэр! Я уже думал, что у проклятых идиотов хватит наглости выстрелить в меня!» Говорю вам, удивительный человек!

Хакстон. Странные вы люди, британцы. Будь ваши хваленые манеры так же хороши, как велико ваше мужество, вы бы, по крайней мере, заслуживали мнения, которого придерживаетесь о себе.

Гости смеются. Все поднимаются из-за стола, расходятся по гостиной, кто-то закуривает сигару.

Мозм. Она его боготворит. А он как раз что-то такое... в посольстве. Нет, надо брать выше. Помощник губернатора. До чего же он хорош, когда в сапогах и в белых бриджах играет в поло! На теннисном корте его можно принять за юношу. Немудрено, что он гордится своей фигурой, такой фигуры поискать. И правильно, что не хочет располнеть. Он не ест ни хлеба, ни масла, ни картошки, очень много двигается. За руками следит, это тоже хорошо, — каждую неделю делает маникюр. Спортсмен он первоклассный — в прошлом году завоевал первенство по теннису. И уж конечно, танцует лучше всех, с кем ей приходилось танцевать, не танцор, а мечта!

Хакстон садится за рояль, начинает что-то играть и петь. Английская девица, прильнув к роялю, смотрит на него с благоговением.

Он вполне порядочно играет на рояле — ну, конечно, только регтаймы — и комические песенки исполняет выразительно и с юмором. Он все умеет!

АНТОН

Приносят счет. Мужчины платят, поднимаются с мест.

Павел Иванович. Куда вы теперь?

Мичман Глинка. Я думал отдохнуть немного, больно уж душно днем. А вечером можно опять выйти в город.

Павел Иванович. Отужинаем вместе? Антон Павлович?

Антон. А я, пожалуй, пойду гулять, накуплю всякой дребедени на подарки.

Павел Иванович. Тогда встретимся здесь же за ужином. Часам к восьми?

Мичман Глинка. Жара как раз спадет.

Павел Иванович. А вы, Антон Павлович, задумайтесь. С вашим писательским талантом и возможностями протест точно будет услышан. До вечера, господа.

Павел Иванович уходит.

Антон. Вот вам орел, Гриша, вот вам ястреб русской интеллигенции. На словах они — протест, а на деле — слизняки и мокрицы. Только брюзжат и охотно все отрицают. Для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать.

Мичман Глинка. За день на суше он не то что бревно — целую чашу в глазу ближнего успел разглядеть.

Антон. А теперь еще и на ужин навязался.

Мичман Глинка. Сбежим?

Антон. Нам с ним еще до самой Одессы плыть...

Мичман Глинка. Если его по пути акула не сожрет.

Антон. Скорее уж он акулу.

Мичман Глинка. В семь на Педдер-стрит? Прогуляемся час до ужина?

Антон *(кивает)*. До свиданья!

ДАНЯ

Январь 2020, Китай, город Ухань, район Ханькоу. Комната отеля. Даня в одних трусах стоит у открытого окна и пытается курить так, чтобы дым не попал в датчик на потолке. Курить в номерах нельзя.

Даня. Улочка была такой узкой, что деревянные лотки, на которых торговцы разложили свой пестрый товар, занимали ее почти целиком...

Из открытого ноутбука раздается звонок скайпа. Даня бросает взгляд на экран, видит, кто ему звонит, мечется, было, к ноутбуку, потом вспоминает про сигарету, бежит обратно к окну, хватается со стола чашку, тушит сигарету, машет руками около датчика. Ему везет, датчик не срабатывает. Скайп продолжает звонить. Даня наконец кидается к компьютеру и отвечает на звонок.

Таня. Привет, не разбудила?

Даня. Нет, нет, я это... тут... Я курил просто в окошко, не слышал.

Таня. Опять, что ли, куришь?

Даня. Ну да. Немного.

Таня. Чего?

Даня. Ну как-то начал вот снова.

Таня. У тебя же кашель после бронхита так и не прошел.

Даня. Ну, когда по пачке в день, кашель. А я по пять-шесть сиг курю. Писать, опять же, легче. Написал три страницы, идешь — куришь. Удобно куски текста отмерять.

Таня. Понятно.

Даня. Подожди, я тут это, в одних трусах, я сейчас надену что-нибудь.

Таня. Как будто я чего-то там не видела.

Даня все равно кидается к шкафу, натягивает джинсы, по ходу закрывает окно. Холодно. Даня возвращается к ноутбуку.

Даня. Как дела, вообще?

Таня. Хорошо...

Даня. Как Туська?

Таня. Туська тоже хорошо, я ей вчера кость силиконовую купила, носится с ней по всей квартире как колбаса, когтями грохочет.

Даня. Не скучает по мне?

Таня. Слушай, я чего звоню, мне твоя мама звонила.

Даня. О, господи.

Таня. Нет, ну она волнуется, у нас в новостях чего только не пишут. У вас, правда, там все так?

Даня. Да нормально тут все. Ну какие-то новые случаи каждый день, районы закрыли, транспорт не ходит. Но так ничего, магазины работают, у меня тут завтрак включен, остальное в супере покупаю. Маску, вот, купил, хожу как ниндзя.

Даня тянется за лежащей рядом с ноутбуком маской, натягивает ее на себя.

Таня. Ясно. Ты маме позвони все-таки.

Даня. Да я говорил с ней позавчера, она заладила, что мне срочно на эвакуационный рейс надо, а их еще даже не собирают. Я позвонил в посольство, в списках их я теперь есть. И вообще, я хотел тут хотя бы пару недель пожить. У меня в романе как раз около этого Ханькоу все вертится — тут, понимаешь, какой-то чумной эпицентр. И в девятнадцатом веке, и в двадцатом, когда это отдельный город был, и сейчас вот, что самое интересное, когда это уже не город, а просто район Уханя... Этот рынок, где мышь летучую вроде как сожрали — он в трех шагах от гостиницы вообще, представляешь, какое совпадение? Я хочу хотя бы начать тут, как и планировал, ну, сила места, все дела, понимаешь? А дальше уже...

Таня (*перебивает*). Ясно. И что, начал?

Даня. Почти. Уже в голове это все как-то сформировалось, завтра как раз засяду.

Таня. А-а. А сигареты ты в перерыве между воображаемыми страницами куришь?

Даня. Ну я какие-то отрывки пока в голове проигрываю, потом сяду нормально и...

Таня. Ладно. Ну ты маме позвони тогда, да? А то я не знаю, что ей отвечать.

Даня. Да. Да. Конечно.

Таня. Ну давай тогда.

Даня. Тань, подожди, подожди.

Таня. Что?

Даня. Ты торопишься?

Таня. Нет, не тороплюсь.

Даня. Я соскучился.

Таня. Я не знаю, что на это ответить.

Даня. Ну... ничего не отвечай, если не знаешь.

Таня. Ты маме сказал, что мы расстались?

Даня. Да.

Таня. А по-моему, нет. Она меня на чай с пирожками пригласила.

Даня. Она что, не может теперь пригласить на пирожки мою бывшую девушку?

Таня. Может. Только зачем ты мне врешь, что сказал? Я же знаю, ничего ты не говорил.

Даня. Хорошо, не говорил.

Таня. Почему?

Даня. Ну... так.

Таня. Ты надеялся, что ты приедешь из Китая, и что-то изменится?

Даня. А я не могу надеяться, что мы помиримся?

Таня. Мы не ссорились, Даня. Мы расстались. Это разные вещи.

Даня. И что, и все? Вот так вот раз, и три года зря?

Таня. Я тебе объяснила все, кажется...

Даня. Нет, если ты опять про мой роман...

Таня. Какой роман? Несуществующий? Телеграм про писательство завел, Инстаграм завел, что там дальше в твоём плане продвижения? Группа Вконтакте? Ютьюб-канал?

Даня. Так я для того сюда и поехал, чтобы в тридцать лет, как Чехов, на восток...

Таня. Вот и молодец. Только я не про роман, я про твою жизнь. И мою тоже.

Даня. Я тебе пришлю, как только первую главу закончу.

Таня. Не надо, Дань. Неинтересно.

Даня. Было, значит, интересно и вдруг перестало?

Таня. Не вдруг. Мне здесь и сейчас интересно. Мне жить интересно. Я семью, вообще-то, нормальную хочу. Вот семью мне интересно.

Даня. У тебя что, уже кто-то новый?

Таня. Дань, мне с мамой твоей чай пить интересно. А с тобой вот нет. И забери свой самокат, когда приедешь. Много места занимает.

Даня. Я вообще неизвестно, когда теперь приеду. Если вообще приеду...

Таня. Ты на жалость, что ли, давишь? Мне и так тебя жалко. Все, давай. И когда рейс появится, не тупи.

Даня. Но мы же можем, когда я приеду...

Таня. Маме позвони.

Таня отключается. Даня подходит к окну, открывает его, опять закуривает.

Даня. Улочка была такой узкой, что деревянные лотки, на которых торговцы разложили свой пестрый товар, занимали ее почти целиком, и Антон, медленно двигаясь вдоль рядов, вытирал шероховатую грязно-белую стену здания рукавом своего светлого льняного пиджака. Солнце с каждой минутой пекло все жарче, как будто кто-то безостановочно подкручивал рычажок небесного термостата. Антон выудил из нагрудного кармана платок и отер выступивший на лбу пот. Он все никак не мог отпустить досадного утреннего Павла Ивановича, тот сидел в голове занозой, никак не желая уходить...

АНТОН

Узкая улочка, Антон идет вдоль палаток торговцев разным туристическим барахлом. Жара, на его лбу выступил пот, он вытирает его платком.

Антон (*про себя*). Вот встретит Павел Иванович в Харькове своего друга-литератора, как там его? Уткин? Голубев? Птичья какая-то фамилия... Гусев! Точно! Гусев! Встретит и проповедь ему прочтет о сырых и угнетенных, а Гусев, Гусев ему на это и ответит... Что ж он ему ответит? Хорошая фамилия Гусев. Только он, к примеру, не литератор... Литератор бы псевдоним взял. А Гусев — простой человек. Да вот даже матрос, или рядовой в бессрочном отпуске, как у нас на пароходе. Наверняка в третьем классе какой-нибудь Гусев или Кошкин домой с Дальнего Востока едет...

Он останавливается у одного из лотков, рассматривает фигурки и безделушки, берет в руки маленькую статуэтку китайского божка. Продавец, китаец, начинает говорить ему что-то по-китайски, Антон мотает головой, он не понимает, продавец переходит на ломаный английский, Антон продолжает мотать головой.

Китаец. Hankow! Hankow! From Hankow, kind sir.

Антон. Ханькоу, говоришь?

ДЕТСТВО АНТОШИ

Таганрог. Маленькая темная комната, за столом со свечой сидит маленький Антоша, перед ним учебник с латинской грамматикой.

Антоша. Memini, meministi, meminit, meminimus, meministis, meminierunt...

Слышится шум приближающихся шагов. Входит Павел Егорович, крупный мужчина с темной бородой.

Павел Егорович. Тово... Я сейчас уйду по делу, а ты, Антоша, ступай в лавку и смотри там хорошенько.

У Антоши на глаза наворачиваются слезы, он начинает быстро-быстро моргать.

Антоша. В лавке холодно, а я и так озяб, пока шел из гимназии.

Павел Егорович. Ничего... Оденься — и не будет холодно.

Антоша. На завтра уроков много...

Павел Егорович. Уроки выучишь в лавке... Ступай ... Скорее! Не копайся!

Антоша нехотя поднимается, натягивает гимназическую шинель, втискивает ноги в дырявые калоши и плетется вслед за отцом. Они заходят в лавку. Над входом вывеска «Чай, сахар, кофе и другие колониальные товары». Чуть пониже — другая вывеска: «Навынос и распивочно».

Павел Егорович. Давай-ка Антоша. Приучайся. Я тружусь, и ты трудись... Дети должны помогать отцу.

Антоша. Да мне к завтраму урок выучить...

Павел Егорович. Ведь нахожу же я время прочитать за конторкою две кафизмы из Псалтири, а ты не можешь маленького урока выучить!

Антоша. Но...

Павел Егорович. Пошли тебе, Господи, ума-разума, чтобы родителей почитать и не перечить. Садись-садись, не тяни! Без хозяина товар плачет!

Антоша садится за конторку, Павел Егорович несколько раз крестится на икону и уходит, дверь за ним с грохотом захлопывается.

Антоша, хлюпая носом, устраивается за конторкой на ящике из-под казанского мыла и раскрывает учебник. Он пытается обмакнуть перо в стоящую на конторке чернильницу, но не может — чернила в ней замерзли, и перо утыкается в ледяную корочку. Антоша пытается пробить корочку острием пера, пробивает, чернила расплескиваются ему на руку, он пытается оттереть чернила с рукава. Антоша откладывает учебник, прячет руки поглубже в рукава, весь как-то сжимается — ему очень холодно.

В лавку заходят двое выпивох. Садятся за маленький столик.

Выпивоха 1. Антоша, нам по рюмочке.

Антоша встает из-за конторки, наливает водки со дна бутылки в две рюмки. Бутыль пустеет, Антоша ставит ее на пол. Он подносит рюмки к столику, один из выпивох кидает на стол монеты.

Антоша собирает монеты, возвращается к конторке, раскрывает огромную конторскую книгу, высунув язык, старательно записывает в нее приход. Закончив с записью, Антоша опять берется за латинские глаголы.

Антоша. Memini, meministi, meminit...

Выпивоха 2. Мне тож один матрос в порту шутейку китайскую рассказал, встречаются, значит, два китайца, Сунь Хуй Вчай и Вынь Су Хим...

Антоша поднимает голову от учебника. Его отвлекает гогот.

Выпивоха 1. А ты, Антоша, не слушай! Тебе рано еще! Налей-ка нам лучше целый графинчик, на графинчик, поди, наскребем...

Антоша. Я в подвал тогда за водкой... Кончилась.

Выпивоха 2. Беги-беги, не расплескай!

Антоша поднимается с места, ежится, спускается по лестнице в погреб. Там склад всего, что продается наверху в лавке, — колбасы, липкие, нанизанные на веревочку леденцы, свечи, лампы, бутылки со слабительным. Сверху раздаются раскаты смеха. Антоша замирает у огромной коробки со штампом «Ханькоу, Китай», приоткрывает крышку. В коробке черный чай. Мальчик берет щепотку чая, растирает между пальцами, нюхает, мечтательно закрывает глаза. Из мечтаний его выводит окрик сверху.

Выпивоха 1. Антоша! Куда пропал?

Выпивоха 2. Ты нашу водочку не пей! Папаша заругает!

Взрыв гогота.

Антоша быстро закрывает коробку, хватая полную бутылку с водкой и бежит вверх.

АНТОН

Антон. Ханькоу, говоришь?

Китаец (*радостно кивая*). Hankow! Hankow!

Антон. Хотел я, брат, в тот Ханькоу, с детства хотел, да не судьба. Одним Гонконгом придется обойтись. Со всех сторон глядит на меня зелеными глазами холера, устроила мне ловушку. Во Владивостоке холера, в Японии холера, в Ханькоу твоём холера... Кажется, даже на Луне — всюду холера, везде карантин и страх. Одним словом, дело табак.

Китаец. Tobacco? Sir wants tobacco? Best tobacco in all Hong Kong!

Антон. Тихо, тихо, не надо мне табакко. А вот божка твоего возьму. Раз из Ханькоу...

Китаец (*радостно*). Hankow! Hankow!

Антон. Сколько? Сколько?

Китаец показывает четыре пальца. Антон отсчитывает монеты, забирает фигурку божка, кладет себе в карман.

Антон бредет по улочке. Невыносимо жарко, но его начинает бить озноб. Он зябко поводит плечами, оттирает пот, который льется по его лицу ручьем, прокашливается. Антон останавливается. Он находит участок в тени под козырьком вывески, прислоняется спиной к стене здания и прикрывает глаза.

(Про себя.) Ну вот, опять о лавке вспомнил, а ведь клялся себе, зарекался не вспоминать. Это потому, что сон сегодня снился. Опять проклятый сон. Громадные склизкие камни, холодная осенняя вода, голые берега — все это неясно, в тумане, без клочка голубого неба. Гляжу я на эти камни и чувствую почему-то неизбежность перехода через глубокую реку. А по реке — маленькие буксирные парходики, которые тащат громадные барки, плавающие бревна, плоты... И все до бесконечности сурово, уныло и сыро. И я бегу от реки, бегу со всех ног, но встречаю на пути обвалившиеся ворота кладбища, похороны, своих гимназических учителей... И такой это кошмарный холод, какой немислим наяву и ощущается только спящими... А если, вот, представить огромный наш пароход на якоре, прозрачная ночь, полная луна, я в своей каюте, ворочаюсь с боку на бок, и одеяло уже давно спало с кровати на пол, а этот вот Гусев, который с Дальнего Востока, бессрочноотпускной. Так вот, Гусев, допустим, где-то на нижней палубе, там каюты двойные, тройные.

Появляется Гусев, персонаж рассказа Чехова «Гусев».

Вот кто-то, положим, храпит, а Гусев все ворочается на своей койке... и никак не заснет. У него как раз холера, зеленоглазая холера, он-то домой собрался, а она его сцапала по пути. Это вообще не каюта, это лазарет... лазарет в корабельном трюме. И вот Гусев, Гусев... Гусев долго думает о рыбах, величиною с гору, и о толстых, заржавленных цепях, потом ему становится скучно, и он начинает думать о родной стороне, куда теперь возвращается он после пятилетней службы на Дальнем Востоке. Рисуется ему громадный пруд, занесенный снегом... На одной стороне пруда фарфоровый завод кирпичного цвета, с высокой трубой и с облаками черного дыма; на другой стороне — деревня... Из двора, пятого с краю, едет в санях брат Алексей; позади него сидят сынишка Ванька, в больших валенках, и девчонка Акулька, тоже в валенках. Алексей выпивши, Ванька смеется, а Акулькина лица не видать — закуталась.

Гусев. «Не ровен час, детей поморозит...»

Антон. Думает Гусев...

Гусев. Пошли им, Господи, ума-разума, чтоб родителей почитали и умней отца-матери не были...

Антон открывает глаза. Вздыхает.

Антон. И умней отца-матери не были.

Антон поднимает шляпу, оттирает пот со лба, опускает шляпу обратно, одергивает светлый льняной пиджак и удаляется в один из узеньких переулков.

ДАНЯ

Даня на пустынной улице Уханя. На нем маска, шапка и шарф. Вокруг довольно пустынно. В одной руке у Дани полиэтиленовые пакеты, он идет из магазина. В другой руке телефон.

Даня. Нет, мам, я не могу... Нет, не могу громче. Потому что на мне маска и шарф. Нет, я не могу снять маску, тут строго. Я на улице, тут периодически патруль ходит. Поэтому не могу. На улице! Нет, машин не слышно, потому что нет никого. Новый год у них. Нет, это китайский Новый год, он сейчас. Они все тут в принципе по домам сидят в это время. Нет, в магазин можно выйти. В другой район нельзя, в магазин мож... Нет, я не голодный, я говорю, я из магазина иду, я купил еду. Я нормально ем... Нет, горячее на завтрак в отеле. Нет, достаточно. Мам, нормально все. Мам... Мам, это Китай, это не Африка. Это высокотехнологичное государство. Они тут всюду телефонами платят. Вообще всюду. При том! Если они этот вирус не поборют, то я не знаю, кто, вообще. Нет, здесь не опаснее, чем дома... Да, я записался в посольстве. Я тоже тебя люблю. Нет, я сюда поехал не чтобы у тебя был инфаркт. Я сюда поехал, чтобы писать роман. Нет, из Москвы не могу. А отсюда могу.

Даня видит вдалеке клубы дыма и звук движущейся техники.

Мам, все, я тебе завтра позвоню. Нет, ничего тут не распыляют! Поливалка просто. Улицы чистят. Все, целую, пока!

АНТОН

Антон идет по узкой улочке, на входе в очередную лавку дежурит китаец. На лавке золотыми буквами (точно такими же, как на таганрогской лавке его детства), выведено "Tea&Coffee". Завидя европейца, китаец тут же кидается к возможному клиенту.

Китаец. Come in, sir! Come in! Not only tea and coffee, so much more.

Чехов. Да не нужен мне твой чай.

Китаец. So much more, sir. For the British! Best for the British!

Антон вяло сопротивляется, но китаец увлекает его за собой.

ДАНЯ

Даня быстро выходит онлайн и начинает снимать лайв-видео. По улице прямо на Даню идут четыре китайца в белых скафандрах, у каждого в руке по «пушке», из которой валят клубы дезинфекционного дыма.

Даня. Друзья, как и обещал, прямой эфир из Уханя. Прямо сейчас вышел из гостиницы в магазин за продуктами, а тут такое! Что-то распыляют на улицах, какую-то дезинфекцию. Я пока видел только грузовики из окна гостиницы, а тут вот четверо таких космонавтов с пушками, то есть, видите, распыляют и так, и так. Выглядит, конечно, жутковато, но в новый мой роман обязательно войдет. Чего не сделаешь ради хорошего материала!

Даня наставляет камеру на приближающихся «космонавтов», те что-то кричат, но из-за шума дезинфекционных пушек не разобрать. Даня продолжает снимать. Космонавты подходят все ближе и ближе. Один из них машет Дане рукой и что-то кричит, но Даню как будто заморозило — он больше не снимает, он стоит, замерев и опустив руку с телефоном, и смотрит на приближающиеся клубы белого дыма.

Лавка оказалась крошечным помещением, заставленным пыльными, никогда, казалось, не протиравшимися, ящиками с чаем. Китаец уверенно прошел вглубь лавки, в самый темный ее угол, и Антон последовал за ним. Провожатый открыл потайную дверцу, совершенно незаметную на ветхой деревянной стене, и скользнул внутрь. Десять ступеней вверх по скрипучей винтовой лестнице, и они оказались в узком коридоре. От коридора в обе стороны отходили узкие

отростки крошечных комнаток, украшенных шелковыми ширмами и завешанных тяжелыми драпировками. В каждой комнатке на пестрых низких кроватях — в одиночку, по двое, по трое, — лежали люди. В зубах у них были зажаты длинные трубки, а в воздухе висели плотные клубы сладковатого белесого дыма.

«Космонавты»-дезинфекторы подходят совсем близко.

Дезинфектор. Out of the way, out of the way, sir! Get away!

Один из космонавтов дает другому свою пушку, подбегает к Дане, хватается за рукав, толкает на другую сторону улицы. Даня приходит в себя, быстро перебегает дорогу. Космонавты проходят мимо.

АНТОН

Лавка оказывается крошечным помещением с пыльными ящиками с чаем, но китаец ведет Антона за собой. Он открывает потайную дверцу, и тот оказывается в длинном узком коридоре. По разные стороны от коридора — крошечные комнатки, украшенные китайскими ширмами и драпировками, в каждой комнатке по человеку или несколько. Они лежат на низких кроватях, зажав в зубах длинные трубки. В воздухе витает плотный белый дым.

Китаец. Follow me!

Китаец ведет Антона в самую дальнюю пустую комнатку.

Twenty per hour!

Китаец показывает пальцами двадцать, Антон растерянно хлопает по карманам, отсчитывает двадцатку. Китаец указывает ему на кровать. Антон замирает в нерешительности, потом снимает шляпу, пиджак, закатывает рукава рубашки. Здесь прохладнее, чем снаружи. Он ложится на кровать. Китаец раскуривает трубку, подносит ее Антону. Тот пробует вдохнуть, закашливается. Вдыхает еще раз.

Slow. Good? Good?

Антон кивает. Китаец уходит. Антон затягивается еще раз. Откидывается на подушки. Над головой у него покачивается желтая бумажная лампа — китайский фонарик. Он закрывает глаза.

ДЕТСТВО АНТОШИ

Лето, раннее утро, рассвет. Пустынная улица. Появляются четверо мальчишек. Они тащат огромные шары, склеенные из больших листов папиросной бумаги, приставную лестницу и резиновый шланг.

Антоша. Да тише вы! Всех перебудите!

Ваня. Не перебудим! Что, в первый раз что ли?

Коля. Ванька, не тащи на себя, порвешь! Переклеивать придется!

Алеша. Я второй раз клеить не буду!

Антоша. Да не порвется ничего, оно крепко сидит! Аккуратнее несите только!

Мальчишки подбегают к газовому фонарю, приставляют лестницу. Антоша забирается наверх, надевает шланг на рожок фонаря. Остальные подносят ему шары-фонарики, наполняют их газом. Шары медленно поднимаются в рассветное небо. Мальчишки заворуженно на них смотрят.

Вдруг на другом конце улицы появляется дворник. Он бежит к фонарю.

Дворник. Ужо я вам! Хулиганы!

Ваня. Пафнутьич!

Алеша. Дворник!

Коля. Атас, тикаем!

Антоша спрыгивает с лестницы, мальчишки кое-как тянут лестницу за собой, еле уносят ноги. Шланг, покачиваясь, остается висеть на фонаре. Дворник подбегает, сдергивает шланг с рожка.

Дворник. Опять мне фонарь загубили, поганцы. Ну ничаво, все до пристава дойдет. Ишь, забаву взяли!

Дворник задирает голову вверх, долго смотрит на улетающие шары. Сплювывает на пол.

ТЬФУ ты, оказия...

АНТОН

Антон в опиумной комнате. Затягивается еще раз, выдыхает, закрывает глаза.

Антон. А что если наш досадный Павел Иванович с этим вот самым воображаемым Гусевым вместе едут? Павел Иванович, положим, тоже болен, но денег у него на первый класс почему-то нет, вот он и прибился в третий, а оттуда прямо в лазарет к Гусеву. И вот он моего Гусева вопросами донимает...

Появляются персонажи рассказа Чехова «Гусев».

Павел Иванович. Ты в денщиках служил?

Антон. Спрашивает Павел Иванович у Гусева...

Гусев. Точно так, в денщиках.

Павел Иванович. Боже мой, боже мой!

Антон. Говорит Павел Иванович и печально покачивает головой.

Павел Иванович. Вырвать человека из родного гнезда, тащить пятнадцать тысяч верст, потом вогнать в чахотку, и... и для чего все это, спрашивается? Для того чтоб сделать из него денщика для какого-нибудь капитана Копейкина или мичмана Глинки...

Антон. Дырки.

Павел Иванович (*повторяет*). Для того, чтоб сделать из него денщика для какого-нибудь капитана Копейкина или мичмана Дырки. Как много логики!

Гусев. Дело нетрудное, Павел Иванович. Встанешь утром, сапоги почистишь, самовар поставишь, комнаты уберешь, а потом и делать нечего. Поручик целый день планты чертит, а ты хочешь — Богу молись, хочешь — книжки читай, хочешь — на улицу ступай. Дай бог всякому такой жизни.

Павел Иванович. Да, очень хорошо! Поручик планты чертит, а ты весь день на кухне сидишь и по родине тоскуешь... Планты... Не в плантах дело, а в жизни человеческой! Жизнь не повторяется, щадить ее нужно.

Гусев. Оно, конечно, Павел Иванович, дурному человеку нигде пощады нет, ни дома, ни на службе, но ежели ты живешь правильно, слушаешься, то какая кому надобность тебя обижать? Господа образованные, понимают... За пять лет я ни разу в карцере не сидел, а бит был, дай бог память, не больше одного раза...

Павел Иванович. За что?

Гусев. За драку. У меня рука тяжелая, Павел Иванович. Вошли к нам во двор четыре манзы; дрова носили, что ли — не помню. Ну, мне скучно стало, я им того, бока помял, у одного проклятого из носа кровь пошла... Поручик увидел в окошко, осерчал и дал мне по уху.

Павел Иванович. Глупый, жалкий ты человек... Ничего ты не понимаешь.

Антон. А Павел Иванович его еще спросит, немного погодя...

Павел Иванович. А за что ты четырех манз побил?

Антон. А Гусев ответит...

Гусев. Так. Во двор вошли, я и побил.

Антон. Из носа кровь пошла. Из носа кровь. Из носа. Скучно стало... Вот и побил.

ДЕТСТВО АНТОШИ

Ночь. Лавка. Антон стоит с разбитым носом, Ваня и Коля дрожат рядом.

Павел Егорович. Перед службой надобно покаяться. Помыслы очистить. Молодец, Антоша, что признал вину. Но коли еще раз повторится, все сечены будете. Чего выдумали! Казенный фонарь... А за бумагу папиросную каждый день после гимназии в лавке сидеть будете!

Мальчики кивают, глотая слезы.

Павел Егорович. До службы еще час, споемся.

Мальчики усаживаются вокруг стола на ящики из-под мыла. Павел Егорович достает скрипку. Кто-то из сыновей громко хлюпает носом.

Павел Егорович. На Афоне мальчики-канонархи по целым ночам читают и поют — и ничего им от этого не делается. От церковного пения детские груди только укрепляются. Я сам с молодых лет пою и, слава Богу, здоров. Для Бога потрудиться никогда не вредно. Нечего тут.

Павел Егорович начинает играть на скрипке, мальчики поют церковные гимны.

Павел Егорович (*останавливаясь*). Последний куплет — на коленях. Быстро, быстро! В церкви будете стоять, так и тут постоите, не сломаетесь.

Мальчики нехотя опускаются на колени. Павел Егорович играет, сыновья заводят последний куплет.

Коля (*шепотом, Антоше*). Антоша, ноги подверни. Дырку видно, в церкви засмеют!

Антоша оглядывается, действительно, в этой позе видны дырки на изношенных подошвах. Он подгибает ноги в совсем неудобную позу, так, чтобы дырки не было видно, и продолжает петь.

АНТОН

Антон. Тут нужны новые подметки, — бредит басом больной матрос. Да, да! У них там в лазарете еще двое или трое, и все бредят, бредят безостановочно. И Гусев тоже бредит. Мысли у Гусева обрываются, и вместо пруда вдруг ни к селу, ни к городу показывается большая бычья голова без глаз... Бычья без глаз...

Антон открывает глаза, перед ним в воздухе действительно парит огромная страшная бычья голова. Он вскакивает, бросает трубку, кое-как дрожащими руками натягивает на себя пиджак и выбегает из комнаты, забыв на кровати шляпу...

Антон выскакивает на улицу, почти бежит по улочкам к набережной.

(Бормочет.) Бычья голова без глаз, а лошадь и сани уж не едут, а кружатся в черном дыму. Но он все-таки рад, что повидал родных. Радость захватывает у него дыхание, бегают мурашками по телу, дрожит в пальцах.

Гусев. Привел Господь повидаться!

Антон *(Бормочет)*. Бредит он, но тотчас же открывает глаза и ищет в потемках воду...

Антон оглядывается, опять видит огромную бычью голову, парящую в раскаленном воздухе. Трясет головой, пытаясь стряхнуть наваждение.

(Бормочет.) Воду ищет, к воде, как же выйти к воде, это же рядом, где-то рядом совсем, черт его дерит!

Наконец, Антон выбегает на набережную. Здесь оживленно, ходят люди, качаются на воде лодки. Антон, не обращая ни на кого внимания, садится на парапет, достает из кармана фигурку божка, крепко сжимает его в руке. Он глубоко дышит. Медленный вдох, медленный выдох. Оглядывается. Никакой головы больше нет. Все развеялось, осталась только оживленная гонконгская набережная. Антон смотрит на свое отражение в воде. Приглаживает рукой всклокоченные волосы.

А Гусев не слушает. Он никого больше не слушает. Эти пусть дальше подметками бредят. Это им пусть головы кажутся. А Гусев, что ему? Гусев не слушает и смотрит в окошечко. На прозрачной, нежно-бирюзовой воде, вся залитая ослепительным, горячим солнцем, качается лодка. В ней стоят голые китайцы, протягивают вверх клетки с канарейками и кричат: Поет! Поет! О лодку стукнулась другая лодка, пробежал паровой катер. А вот еще лодка: сидит в ней толстый китаец и ест палочками рис. Лениво колышется вода, лениво носятся над нею белые чайки.

Гусев. Вот этого жирного по шее бы смазать...

Антон. Думает Гусев, глядя на толстого китайца и зевая. Он дремлет, и кажется ему, что вся природа находится в дремоте. Время бежит быстро. Незаметно проходит день, незаметно наступают потемки... Пароход не стоит уж на месте, а идет куда-то дальше.

УИЛЛИ

Ночь, гостиничный номер Моэма. Моэм быстро пишет что-то в записную книжку. За окном слышен шум волн, гостиница рядом с портом. Раздается одинокий гудок парохода. Дверь открывается, и в номер вваливается пьяный Хакстон, в руках у него открытая бутылка виски.

Хакстон. Уилли-нилли, кончай писать, новый роман подождет. Осталось еще полбутылки, предлагаю прикончить вместе!

Моэм. Тебе, по-моему, достаточно.

Хакстон. Это ты мне будешь говорить, когда мне достаточно? Пф-ф-ф. *(Отпивает из бутылки.)* Эта девица, как там ее, мисс Что-то-там, чуть не залезла ко мне в штаны. *(Прыскает.)* А жена банкира таки залезла!

Моэм. Джеральд!

Хакстон. Ну не ревнуй, папочка. Ты же знаешь, это все понарошку.

Моэм. Иди проспись.

Хакстон. У-у-у, как мы заговорили!

Моэм. Не устраивай мне тут сцену.

Хакстон *(пьяно грозит Моэму пальцем).* А ты со мной так не говори. Я тебе не Сири.

Моэм. Иногда мне кажется, что ты хуже.

Хакстон. Куда уж хуже? Как ты там ей писал? *(Передразнивает Моэма.)* «Мне кажется, я живу в атмосфере упреков, к которым я не привык и которые я не могу признать справедливыми». Все-таки вы, англичане, уморительны со своим этикетом.

Моэм. Джерри...

Хакстон *(продолжает издевательски передразнивать, входит во вкус, патетически цитирует, закатывая глаза и яростно жестикулируя).* «Знаешь ли ты, что никто за всю мою жизнь не говорил мне того, что говоришь ты? Никто на меня не жаловался, и не ныл, и не оскорблял меня так, как ты! Ты меня терроризируешь... Только подумать, что сильный, достаточно здоровый мужчина сорока шести лет должен идти в паб и выпивать по коктейлю просто чтобы мочь с тобой разговаривать!» А вот по коктейлю, Уилли, тебе стоило бы выпивать почаще. Авьось и заикаться бы перестал! «Всю свою жизнь ты жила среди людей, которые говорят друг другу самые отвратительные вещи, но я так не жил. Это меня унижает. Это делает меня несчастным!» *(Хохочет.)* Вот ты зануда!

Моэм. У тебя, я вижу, слишком хорошая память. Возможно, мне стоит прекратить показывать тебе свою личную переписку.

Хакстон. Ну же, Уилли, расслабься ты, наконец! Лучше скажи, хорош я? Могу играть в твоих пьесах? А на роль твоей демонической жены мы пригласим Глэдис Купер, ты же ее так любишь! Хотя она все-таки сильно красивее. Странно, что Сири тебя к ней не ревнует.

Моэм. Только к тебе.

Хакстон. Ну, это потому, что я неотразим. Давай поиграем — я буду тобой, а ты Сири. Я буду ныть и жаловаться, а ты будешь и дальше меня обижать.

Моэм. Прекрати сейчас же.

Хакстон. Мухлюешь, старина! Не выполняешь свою сторону соглашения!

Моэм. О чем ты?

Хакстон. Помнишь, когда мы познакомились, ты у меня спросил, чего я хочу?

Моэм. А ты ответил «От тебя или от жизни?»

Моэм и Хакстон (*хором*). «Возможно, и от того и от другого. Они, в конце концов, могут оказаться одним и тем же».

Хакстон. Красивая фраза, мистер литератор. Помнишь, что я ответил?

Моэм (*с болезненной гримасой*). «Игр и веселья. И чтобы кто-то обо мне заботился, дарил мне одежду и таскал по вечеринкам».

Хакстон. Игр и веселья, Уилли! Игр и веселья! А не твоего вечного нудежа!

Моэм. Джеральд! Знай, когда остановиться.

Хэксон. А то что? Что ты мне сделаешь, а, король драмы?

Моэм. Ты надо мной издеваешься.

Хакстон. А ты меня утомляешь, и что теперь? Пойти, что ли, погулять, найти хорошенького китайского мальчишку на ночь? Думаю, в Гонконге это не проблема.

Появляются свежепридуманные Моэмом герои «Разрисованной вуали» — Китти и ее любовник Чарли Таунсенд. Диалоги между Моэмом и Хакстоном и Чарли и Китти разворачиваются параллельно друг другу.

Мозм (*про себя*). У нее вырвался крик отчаяния. Какая мука — так страстно его любить и так в нем разочароваться. Нет, это невысказано, не может он не понимать ее состояния. (*Хакстону*.) Ты не понимаешь, что делаешь мне больно?

Китти. Чарли! Неужели ты не знаешь, как я люблю тебя?

Хакстон. Но, дорогой мой, я тебя люблю.

Чарли. Но, дорогая моя, я тоже тебя люблю. Только мы живем не на необитаемом острове, и надо мириться с обстоятельствами, когда они сильнее нас. Будь же благоразумна.

Мозм. Получается, я мечтаю об этой поездке, мечтаю сбежать наконец вместе с тобой из этого домашнего лондонского ада, вывожу тебя в Китай, представляю своим секретарем, плачу за все твои развлечения, а когда мне вполне закономерно не нравится, что ты надираешься как свинья и говоришь мне гадости, я неблагоприятен?

Хакстон. Не считай копейки, Уилли, тебе это не идет!

Мозм (*про себя*). Отчаяние овладело ею. Тяжелые слезы поползли по щекам.

Китти. О, как это жестоко! Как ты можешь быть таким бессердечным!

Мозм (*про себя*). Она истерически зарыдала. (*Хакстону*.) Вон, вон из моего номера! Я т-т-тебе...

Хакстон (*передразнивая*). Ч-ч-ч-то?

У Мозма дрожит губа. Он хочет что-то сказать, открывает рот, но закашливается тяжелым грудным кашлем.

Чарли. Постарайся взять себя в руки, милая.

Хакстон (*издевательски*). Постарайся взять себя в руки, милый.

Мозм, Китти (*хором*). Ты не знаешь, как я тебя люблю. Я не могу без тебя жить. Неужели тебе не жаль меня?

Хакстон отбрасывает бутылку, подходит к Мозму, обнимает его.

Хакстон. Ну что ты, Уилли. Ну что ты, что ты... Я же шучу! Это все маленькие пьяные шутки. Игры и веселье...

Мозм. Она прильнула к нему. Безвольно откинулась на его руку, изнывая от любви, как от боли. Последние его слова поразили ее: может быть, Уолтер любит ее до того, что готов принять любое унижение, лишь бы иногда она ему

позволяла любить ее. Это она может понять: ведь так она сама любит Чарли. В ней волной поднялась гордость и в то же время — смутное презрение к человеку, способному унизиться в любви до такого рабства. Она обвила рукой его шею.

Хакстон целует Моэма.

Китти. Ох, Чарли, отпусти меня.

Хакстон. Никогда в жизни.

Моэм (*про себя*). Она тихонько засмеялась, в этом смехе было и счастье любви, и торжество. Его взгляд отяжелел от желания. Он поднял ее на ноги и, не отпуская, крепко прижав к груди, запер дверь.

ДАНЯ

Поздний вечер. Панорамный бар на верхнем этаже гостиницы, в которой остановился Даня. В баре никого — только он и девушка-бармен Пан-пан. Даня сидит перед барной стойкой. Он допивает виски.

Даня. Повтори, пожалуйста.

Пан-пан. Конечно.

Пан-пан и Даня говорят по-английски, оба владеют им в достаточной степени, чтобы понимать друг друга.

Даня. Так пусто.

Пан-пан. Что?

Даня. Пусто. Нет никого. Один я.

Пан-пан. Ну да. Новый год.

Даня. И что, каждый год так?

Пан-пан. Нет, обычно пять-десять человек в это время по вечерам бывает. Но все, кто мог, уехали до того, как город закрыли.

Даня. Ну да. А я вот остался.

Пан-пан. Ты откуда?

Даня. Из Москвы.

Пан-пан. Ух ты. Всегда мечтала к вам приехать. Мне с детства церковь нравится. Которая на мороженое похожа.

Даня. Я всегда думал, что на леденцы.

Пан-пан. Ну да. И на леденцы. А почему не уехал?

Даня. Выпьешь со мной? Я угощаю.

Пан-пан. Я на работе.

Даня. Нет никого.

Пан-пан. Тут камеры.

Даня. Где?

Пан-пан. За моей спиной.

Даня. У тебя наверняка есть фальшивая бутылка. С чаем или еще чем-то. Когда тебе предлагают выпить гости, а ты не можешь отказать, ты пьешь из нее.

Пан-пан. Тоже за стойкой работал?

Даня. Не я, бывшая девушка. Налей себе как бы оттуда. А на самом деле по-настоящему. Новый год же.

Пан-пан достает стакан, наливает себе немного виски, разбавляет колой.

Даня. Давай за по-настоящему.

Они чокаются, пьют.

Даня. А чего ты в праздники работаешь? Такая смена выпала?

Пан-пан. Сама попросилась. Я должна была сейчас неделю отработать, а потом уехать в экспедицию. Хотела перед этим подзаработать. Но все закрыли, никуда уже не поеду, наверное. А семья в другом городе живет, так что никакого семейного празднования. Ну, хоть денег поднакоплю.

Даня. Ты геолог?

Пан-пан. Почему?

Даня. Ну, у меня слово экспедиция с геологами ассоциируется.

Пан-пан. Нет, я реставратор. У меня дипломный проект для магистерской. На юге обнаружили дом... Ну, то есть не обнаружили, дом всегда там был, когда-то частное английское владение, дубовые панели, обои Уильям Моррис, все дела. В прекрасном состоянии сохранился годов с пятнадцатых прошлого века. Там сейчас дом-музей. А тут начали реставрировать, а под дубом китайский храм

пятнадцатого века. Почти нетронутый. Просто забили его когда-то досками, и поверх викторианским стилем долбанули.

Даня. И что, теперь сдерут весь прекрасно сохранившийся викторианский стиль?

Пан-пан. Да. Но викторианское мы в музее сохраним. А храм на месте восстановим. Я затем туда и еду. То есть, должна была.

Даня. А не жалко?

Пан-пан. Старое всегда побеждает.

Даня. Я думал, наоборот.

Пан-пан. Если срубить лес, залить все бетоном и построить небоскребы, через десять лет появится первая травинка, через сто первый побег плюща, а через тысячу там будет снова лес.

Даня. Ты прямо поэт.

Пан-пан. Нет, просто реставратор.

Пан-пан смотрит куда-то за Даню в большое панорамное окно.

Смотри, смотри, фонарик!

В небо летит одинокий китайский фонарик. Пан-пан встает и подходит к большому панорамному окну. Даня встает с ней рядом.

Их нельзя запускать в городе, только на открытых площадках. Наверное, ребенок какой-нибудь с балкона...

Даня. Я таким однажды чуть сквер у дома не спалил. Мы на Новый год с друзьями зимой запускали, у них фонарики поднялись вверх, а мой на дерево отнесло. Я полез наверх, чтобы задуть, пока лез, фонарик сам потух. А какой-то мужик на нас с балкона орал, что, если мы пожар устроим, он спустится и фонарик этот мне в жопу засунет. Мне почему-то было очень грустно.

Пан-пан. Из-за мужика?

Даня. Из-за желания. Ну, это же вы в Китае эти фонарики придумывали с желаниями запускать. И я загадал, прям от души загадал, а оно вот так. Не долетело, потухло, а по дороге чуть сквер не спалило. Это как-то очень как всегда.

Пан-пан. Вообще-то их в древности во время войны использовали. Или секретные послания на них писали, или знак опасности подавали.

Даня. Все равно, значит, мое послание до адресата не долетело.

Пан-пан. И что ты загадал?

Даня. Можно я тебя поцелую?

Пан-пан (*отстраняется*). Не надо было спрашивать.

Даня. То есть, если бы я не спросил, было бы можно?

Пан-пан. В жизни нет никаких «бы». Только здесь и сейчас. А здесь и сейчас у меня заканчивается смена.

Пан-пан идет обратно к бару, прибирает стаканы.

С тебя...

Даня. Запиши на счет комнаты.

Пан-пан. Что-нибудь еще?

Даня. Чай.

Пан-пан. Зеленый?

Даня. Да. Какой ты любишь.

Пан-пан возится за стойкой, делает ему чай. Выставляет чашку с заваркой на стойку бара.

Пан-пан. Слушай, мне надо переодеться, а потом закрыть бар. Мне еще до дому добираться.

Даня. Я постою тут пять минут?

Пан-пан. Я тебя позову, когда буду запирать.

Даня берет чай, идет обратно к окну. Смотрит на пустой ночной город.

Даня. Загнутая вверх зеленая крыша пагоды, резные темно-красные наличники на просторных окнах, золотистые иероглифы прямо над входом — пожалуй, чайный домик, располагавшийся в самом сердце крошечного городка, на его центральной площади, был самым красивым из того, что Уилли и Джеральд видели за последние несколько дней монотонной тряски на носилках. Компанию на террасе чайной им составил мистер Уилкоккс — длинный, похожий на сушеного сверчка миссионер с добрыми, подслеповатыми, вечно слезящимися глазами. Бой расставил на столе крошечные расписные пиалы и разлил по ним пахнущий сеном, рассветом и, что удивительно, каким-то совершенно британским луговым духом травяной чай. Перед миссионером на столе лежала стопка газет — четыре номера «Сатердей ивнинг пост» и четыре «Литерари дайджест». Он зачем-то все

время нервно двигал эту стопку — сантиметр влево, сантиметр вправо. Джеральд, конечно же, это заметил, и указал Уилли глазами — мол, смотри, какой нервный.

УИЛЛИ

Маленький китайский городок, площадь в центре города, чайная. На террасе сидят Моэм, Хакстон и миссионер Уилкоккс. Они пьют чай из маленьких китайских чашек. Перед миссионером на столе лежит стопка английских газет.

Уилкоккс. Вот увидите, миссия — приятнейшее место в этом захолустье. Никакой жары, зелень, ели, а какие виды на реку с нашей горы открываются! А главное, никаких толп! Тихо, спокойно...

С другой стороны площади Уилкокксу начинает махать маленький плотный господин. Уилкоккс кривится, но поднимает руку в ответ.

Хакстон. Ваш приятель?

Уилкоккс. Знакомый. Доктор Сондерс. Живет тут, в самом центре. *(Уилкоккс поджимает губы.)* Среди китайцев. Не значится в медицинском реестре, хотя диплом в свое время получил. А затем за что-то его из реестра вычеркнули. О нем, знаете ли, ходит множество неприятных историй. Европейцы его услугами не пользуются, а вот местные доверяют. Впрочем, врач он, действительно, неплохой.

Сондерс через всю площадь идет к чайной.

Моэм *(про себя)*. Маленький, седой, с красным лицом и курносый носом, придававшим ему удивительно нахальное выражение. У него был широкий чувственный рот, и, смеясь — а смеялся он часто, — он показывал гнилые потемневшие зубы. Когда он смеялся, вокруг его голубых глазок складывались хитрые морщинки. В нем было что-то от фавна. Быстрые, неожиданные движения. Торопливая, подпрыгивающая походка, словно он все время куда-то спешил.

Сондерс. Уилкоккс, вы ли это?

Уилкоккс. Доброе утро, доктор.

Доктор поднимается на террасу, представляется, жмет руки Хакстону и Моэму.

Сондерс *(Уилкокксу)*. Что привело вас в город в такое время года?

Уилкоккс. Как видите, у миссии гости, я приехал их встретить. А кроме того, я хотел забрать почту.

Сондерс. На днях вас тут спрашивал какой-то неизвестный.

Уилкоккс. Меня?

Сондерс. Ну, не то чтобы лично вас. Он спросил, как пройти к американской миссии. Я сказал ему, но добавил, что он там никого не найдет. Он, казалось, удивился, и я объяснил, что в мае вы все уехали в горы и вернетесь только в сентябре.

Уилкокс. Иностранец? Но я ждал только мистера Моэма со спутником — они написали мне заранее.

Сондерс. Да-да, несомненно, иностранец! Тогда он спросил меня о других миссиях. Я сказал, что у лондонской миссии тут тоже есть отделение, но и туда ходить не стоит — все миссионеры сейчас в горах. В конце-то концов, в городе дьявольски жарко. «В таком случае я хотел бы посмотреть школы при миссиях», — сказал неизвестный. «Они все закрыты», — сказал я. «Ну, так я зайду в больницу». — «Да, там стоит побывать, — говорю я. — Американская больница располагает новейшим оборудованием. И операционная просто чудо». — «А как фамилия главного врача?» — «О, он в горах».

Моэм. А как же больные?

Сондерс. Вот именно это он у меня и спросил! «Больных, — отвечаю, — между маем и сентябрем не бывает. А если заведутся, придется им обойтись туземными лекарями».

Уилкокс досадливо морщится.

Уилкокс. Так и что же?

Сондерс. Неизвестный посмотрел на меня нерешительно, а потом сказал: «Я хотел, пока я здесь, побывать в миссиях». — «Загляните к католикам, — сказал я. — Они тут круглый год». — «А когда же они отдыхают?» — спросил он. «А никогда», — ответил я. Тут он ушел. По-моему, он направился к испанским монахиням.

Уилкокс. Так кто же это был?

Сондерс. Я спросил, как его имя. «А? Я Христос», — ответил он.

Уилкокс краснеет, неловко закашливается.

(Сухмылкой.) Что ж, хорошего дня, господа. А меня, пожалуй, пациенты заждались.

Сондерс раскланивается и уходит.

Уилкокс *(запинаясь)*. Нет, нет, ну, разумеется, мы уезжаем с мая по сентябрь. Жара кладет конец всякой полезной деятельности, а горький опыт показывает, что миссионеры лучше сохраняют здоровье и силы, если проводят жаркие месяцы в горах. Больной миссионер — только обуза. Все решает практика, и, вне всяких сомнений, труды на ниве Господней оказываются плодотворнее,

если некая часть года отводится для отдыха и здоровых развлечений. А этот его намек на католиков... Они не вступают в брак! Им не надо заботиться о семье! А смертность среди них просто ужасающа. Особенно когда сюда приходит холера. Да ведь в этом самом городе из четырнадцати монахинь, приехавших в Китай десять лет назад, живы еще только три! Им-то легко! Им просто удобнее жить в центре города и оставаться там весь год — удобнее для их работы. У них нет никаких уз. У них нет обязанностей перед близкими и любимыми. Нет, абсолютно нечестно приплетать сюда католиков!

Уилкокс встает, у него трясутся руки, он перекладывает стопку журналов.

Уилкокс. Прошу извинить, я всего на минуту.

Уилкокс уходит.

Хакстон. Спорить готов, он сидит в уборной и придумывает задним числом, как надо было отбрить нахала. А доктор-то ничего! Молодец! Ловко он его!

Моэм. Я даже знаю, что Уилкокс мог бы возразить.

Хакстон. Что же?

Моэм. Любезный сэръ, — следовало ему сказать, — на всем протяжении своего земного служения Господь наш ни разу не утверждал, что он — Христос!

Хакстон хохочет.

Хакстон. Уилли, милый, простой американский пастор физически не способен на ходу сочинить такой иезуитский ответ. Ты просто обязан с ним поделиться! Вон он обратно идет!

Моэм. Тихо ты! Еще услышит!

Хакстон. Ему полезно! А то когда он в следующий раз решится со своей горы спуститься в город, его добрый доктор, чего доброго, на завтрак с потрохами сожрет!

Уилкокс. Нам пора, господа. Видите, какие тучи собрались? Быть грозе. Тут всегда погода резко меняется, тропики. Если выдвинемся прямо сейчас, может быть, успеем убежать от бури и доберемся в миссию засветло.

АНТОН

Борт парохода «Санкт-Петербург». Ночь. Шторм. Сильная качка.

На палубе, держась за поручни, стоят Антон, мичман Глинка и пассажир Павел Иванович.

Мичман Глинка. Ветер с цепи сорвался.

Павел Иванович. Ветер зверь, что ли, чтобы с цепи срывать?

Мичман Глинка. Няня моя, женщина деревенская, в детстве так говорила.

Павел Иванович. Ерунду какую деревенские говорят. Надо свою голову иметь на плечах и рассуждать. Бессмысленный народ!

Павел Иванович перегибается через перила, его тошнит.

Антон. Павел Иванович, вы явно подвержены морской болезни. Может, не стоит вам на палубе...

Павел Иванович закашливается.

Павел Иванович. Ничего-ничего. Легкие у меня здоровые, а кашель это желудочный. Я могу перенести ад, не то что Индийский океан.

На палубе показывается капитан Гутан.

Антон. Рудольф Егорыч?

Гутан. Пароход пустой, мы из Гонконга без груза идем. Крен 38 градусов. Входим в тайфун. Опасно. Валять будет. Мичман, пройдемте со мной. А вам, господа...

Павел Иванович делает икающий звук, подносит руки ко рту и убегает вниз в каюты.

А вам, Антон Павлович, я бы тоже посоветовал спуститься вниз в каюту. Есть у вас револьвер?

Антон. Есть. Да зачем же?

Гутан. Положите в карман и держите наготове. Если опрокинемся, поверьте, лучше самому, чем в воду...

Гутан и Глинка уходят. Антон, шатаясь, спускается в каюту. Он достает из чемодана револьвер. Проверяет заряд. Достает из тумбочки фигурку китайского божка. Антон ложится на койку, сжимая в одной руке револьвер, а в другой фигурку.

В соседней каюте громко кашляет Павел Иванович. Его продолжает укачивать.

Антон закрывает глаза.

Антон. Вот досада! Эк его разобрало, громко как... ну ничего, переживет. Всех нас еще переживет. Бессмысленный народ у него, видишь ли. А у Гусева Павел Иванович бы помер. Не выдержал бы качки. Дальше его в мешок, и в море, а Гусев

бы попросился наверх, на палубу, воздухом подышать. И вот стоит Гусев на палубе и молча смотрит то вверх, то вниз. Наверху глубокое небо, ясные звезды, покой и тишина — точь-в-точь как дома в деревне, внизу же — темнота и беспорядок. Неизвестно для чего, шумят высокие волны. На какую волну ни посмотришь, всякая старается подняться выше всех, и давит, и гонит другую; на нее с шумом, отсвечивая своей белой гривой, налетает третья, такая же свирепая и безобразная. У моря нет ни смысла, ни жалости. Будь пароход поменьше и сделан не из толстого железа, волны разбили бы его без всякого сожаления и сожрали бы всех людей, не разбирая святых и грешных. У парохода тоже бессмысленное и жестокое выражение. Это носатое чудовище прет вперед и режет на своем пути миллионы волн; оно не боится ни потемок, ни ветра, ни пространства, ни одиночества, ему все нипочем, и если бы у океана были свои люди, то оно, чудовище, давило бы их, не разбирая тоже святых и грешных.

Пароход трясет. Антон сжимает фигурку божка посильнее.

УИЛЛИ

Крошечная комната в китайской гостинице. Моэм и Хакстон лежат на кроватях, болтают.

Хакстон. Ты уже придумал, что там дальше? С этой твоей Китти?

Моэм. Муж ловит ее на измене.

Хакстон. И?

Моэм. Предлагает ей два варианта — либо развод, либо ехать с ним в очаг холеры.

Хакстон. А муж, значит, святой безумец?

Моэм. Принципиальный человек.

Хакстон. И развод, конечно же, невозможен.

Моэм. Конечно же. Ее любовник Чарли не может потерять свое положение из-за дурацкой интрижки.

Хакстон. Ну, в чем-то он даже прав. Я бы на его месте воспользовался моментом, чтобы избавиться от надоедливой дурочки.

Моэм. Да?

Хакстон. Я бы сказал: По-моему, это очень благородно с его стороны, ты не находишь?

Появляются Чарли и Китти.

Чарли. По-моему, это очень благородно с его стороны, ты не находишь?

Китти. Благородно?!

Чарли. Ну как же, сам вызвался ехать в такое место. Я бы, прямо скажу, не рискнул. Конечно, по возвращении ему обеспечен орден Михаила и Георгия.

Китти. А я-то, Чарли!

Чарли. Что ж, если он хочет взять тебя с собой, в данных обстоятельствах отказываться как-то некрасиво.

Моэм. Не слишком ли топорно?

Хакстон. В самый раз. Эта овца влюблена в него по уши.

Китти. Но это смерть, верная смерть.

Чарли. Это уж ты, черт возьми, преувеличиваешь. Не повез бы он тебя туда, если б так думал. И для тебя там меньше риска, чем для него. Риска вообще, можно сказать, никакого — надо только соблюдать осторожность. При мне здесь была одна вспышка, ну и ничего. Главное — не есть ничего в сыром виде: ни фруктов, ни салатов из овощей...

Моэм. И воду пить только кипяченую.

Хакстон. Точно!

Чарли. ...и воду пить только кипяченую. Как-никак это его специальность. Он интересуется микробами. В сущности, для него это редкая удача.

Китти. Но я-то, Чарли!

Чарли. Чтобы понять человека, нужно поставить себя на его место. С его точки зрения, ты вела себя далеко не примерно, и он хочет оградить тебя от соблазнов. Мне с самого начала казалось, что разводиться с тобой он не хочет, не в его это характере, и он предложил тебе выход, по его мнению, великодушный, а ты отказалась, вот он и взбеленился. Я не хочу тебя обвинять, но мне кажется, что ради нас всех тебе следовало бы отнестись к этому не так опрометчиво.

Китти. Но как ты не понимаешь, что это меня убьет? И разве не ясно, что он потому и тащит меня туда, что знает это?

Чарли. Да перестань ты, девочка. Положение наше хуже некуда, и, право же, сейчас не время разыгрывать мелодраму.

Китти. А ты нарочно не желаешь ничего понять. Не можешь ты послать меня на верную смерть. Пусть у тебя нет ко мне ни любви, ни жалости, но должно же быть какое-то человеческое отношение.

Чарли. Ты, пожалуй, ко мне несправедлива. Сколько я могу понять, твой муж поступил очень великодушно. Он готов тебя простить, а ты отказываешься. Он хочет тебя увезти, и вот представилась возможность увезти тебя в такое место, где ты на несколько месяцев будешь ограждена от соблазнов. Я не утверждаю, что...

Хакстон. Как там ты его назвал?

Моэм. Мэй-дань-фу.

Хакстон. Тьфу, язык сломаешь.

Чарли. ...что Мэй-дань-фу — курорт. Этого ни про один китайский город не скажешь. Но это еще не причина для паники. Поддаться панике — самое опасное дело. Я уверен, что во время эпидемий столько же людей умирает от страха, сколько и от самой болезни.

Китти. А мне уже сейчас страшно. Когда Уолтер об этом заговорил, я чуть в обморок не упала.

Чарли. Ну понятно, в первую минуту ты струхнула, но потом посмотришь на это трезво, и все обойдется. Такое захватывающее приключение мало кому доводится пережить!

Моэм. И вот тут она и понимает весь замысел своего мужа Уолтера. Тот-то видит Чарли насквозь. Знает, что тот откажется разводиться со своей женой ради любовницы и терять тепленькое место.

Хакстон. Твой Уолтер — мерзавец похуже Чарли.

Моэм. Мой Уолтер — человек, которого оскорбили нелюбовью.

Хакстон. Твой Уолтер — эгоист, который тащит эту дурочку на верную смерть. Кстати, чем все закончится? Она там умрет?

Моэм. Не знаю.

Китти. Теперь я знаю все, что Уолтер знал давно. Знаю, что ты черствый, бессердечный. Что ты эгоист до мозга костей, что храбрости у тебя как у кролика, что ты лжец и притворщик, презренный человек! И самое ужасное, самое ужасное то, что все-таки я люблю тебя без памяти.

Хакстон. «Лжец и притворщик». Ну надо же.

Моэм. Она говорит правду.

Хакстон. Я, конечно, рискую нарваться на очередной скандал, но тебе не кажется, что Китти начала говорить хорошо знакомыми нам обоим фразами?

Моэм. К черту Китти. Джеральд, скажи мне, если я прямо сейчас сорвусь и поеду... где там сейчас вспышка? В Ханькоу. Да, в Ханькоу, ты поедешь вместе со мной?

Хакстон. Не пори чушь, Уилли. Зачем тебе в Ханькоу? Ты не Уолтер — у того хотя бы было оправдание в виде врачебного призвания.

Моэм. Я писатель. Мне нужна фактура для романа. Как я буду писать выдуманный холерный город? Ну же! Поедешь? Мне важно знать.

Хакстон. Нет уж, извини. Все, на что я подписывался, — романтическое путешествие на восток, прекрасное бегство от прозы жизни, приключение, о котором годами можно рассказывать. Самоубийство, как ты видишь, в этот список не входит.

Моэм. Ну хорошо, чисто теоретически. В рамках мысленного эксперимента, ты поехал бы за мной в Ханькоу?

Хакстон. В жизни, Уилли, не существует никаких «бы». Только здесь и сейчас. Никакой теории. Одна грубая практика. И, кстати о грубости, я от этой бесконечной тряски на носилках устал, как скотина. Так что, если ты не против, вместо Ханькоу, я лучше отправлюсь спать. А завтра с утра ты мне расскажешь, что случится с твоей влюбленной дурочкой и ее маньяком-мужем.

Хакстон дует на свечу рядом с собой, та гаснет. Моэм несколько минут лежит в темноте. Хакстон начинает храпеть. Моэм тихо берет вторую свечу, которая горит у его кровати, и подходит к окну. За окном звездная ночь, поют цикады. Рядом с окном на стене Моэм замечает выполненный тушью рисунок птички. Он подносит к рисунку свечу, долго его рассматривает.

Моэм. Не знаю, был ли он мандарином, державшим путь в столицу провинции, или студентом, направлявшимся к тому или иному источнику учености, как не знаю причины, почему он задержался в самой скверной из всех скверных гостиниц Китая. Быть может, кто-то из его носильщиков спрятался, чтобы выкурить трубочку опиума (опиум в тех местах дешев, а с носильщиками всегда хлопот не оберешься), и его не удалось найти. Или его вынудил задержаться хлынувший ливень. И здесь, чтобы скоротать невольный досуг, он достал свою каменную плитку, капнул воды, потер это место палочкой туши, взял тонкую кисточку, которой рисовал красивые китайские иероглифы и твердой рукой нарисовал на стене цветущую ветку сливы и сидящую на ней птичку. Нарисованы они были скупыми штрихами, но восхитительно. Не знаю, какая милость судьбы водила рукой художника, но птичка трепетала жизнью, а цветки сливы, казалось, покачивались на своих стебельках.

Моэм подносит к стене дрожащие пальцы, гладит нарисованную птичку по крылышкам. Громко всхрапывает Хакстон. Моэм закусывает губу, по его щекам текут слезы.

Благоуханный воздух весны веял с наброска в эту грязную каморку, и на краткое мгновение вы соприкасались с Вечностью.

ДАНЯ

Комната отеля. Даня стоит у открытого окна и опять пытается курить так, чтобы дым не попал в датчик на потолке. Курить в номерах нельзя. Он смотрит на то, как четыре человека в защитных костюмах вывозят из подъезда дома напротив отеля каталку с телом. Мешок закрывает голову, человек в мешке мертв. Каталку погружают в машину скорой помощи, включаются сирены, она уезжает. Под звуки удаляющейся сирены Даня подходит к ноутбуку. Набирает в скайпе Таню. Она не отвечает. Даня звонит еще раз, нет ответа. Тогда он берет телефон и записывает Тане сообщение.

Даня. Тань, я тебе звонил, ты трубку не берешь. Я это, я просто сказать хотел... Тут у нас из дома напротив человека увезли. Ну, мертвого. Совсем. От вируса. Я чего-то подумал... Я не знаю, зачем я сюда приехал, зачем тут торчу. Зачем пишу этот роман... Надо что-то делать, пока все это имеет хоть какое-то значение. Не знаю, зачем тебе звоню. Надо как-то поменять все, изменить. Чтобы все было по-другому. Потому что если завтра в мешке увезут меня, то ... А, ладно. Ничего. Пока, Тань. Прости, что грузу.

Сообщение отправляется в мессенджер. Даня переслушивает его еще раз и стирает из чата.

АНТОН

Нежный теплый закат. Борт парохода. Штиль.

На палубе Антон и мичман Глинка. Глинка с аппетитом взгрызается в апельсин.

Антон. Вижу, сегодняшние похороны чахоточных матросов вам никак аппетит не испортили.

Мичман Глинка. Да разве же в первый раз? Тем более, не лежать же им и дальше в трюме. Вы доктор, лучше меня знаете. А на море ко всему привыкаешь.

Антон. Не знаю, Гриша, не знаю. Когда глядишь, как мертвый человек, завороченный в парусину, летит, кувыркаясь, в воду, и когда вспоминаешь, что до дна несколько верст, то становится страшно и почему-то начинает казаться, что сам умрешь и будешь брошен в море.

Мичман Глинка. Ерунда.

Появляется Павел Иванович, он бледен, плохо выглядит. Он слабо машет пассажирам рукой и идет к себе в каюту.

Так и не полегчало ему.

Антон. Ничего, до Одессы полегчает.

Появляется капитан Гутан.

Гутан. Антон Павлович, ежели не передумали купаться, сейчас самое время. Штиль, красота.

На палубе видно какое-то движение. Матросы тащат к борту два холщовых мешка, с трудом перекидывают через перила, бросают в воду.

Антон. А это что же? Неужто еще кто-то...

Гутан. Помните, я вас с доктором Щербаком про рогатый скот спрашивал? Последовали вашему совету, забили три головы, чтобы других не заражать.

Антон. Повсюду эта зараза...

Гутан. Ежели решите купаться, не тяните. Скоро снимемся с якоря.

Антон раздевается до подштанников. Матросы по приказу Гутана спускают с кормы парохода конец толстого каната.

Антон. Зачем же канат? Плаваю я хорошо.

Гутан. Вы, главное, не отпускайте конец и далеко не отплывайте. Всякое бывает.

ДАНЯ

Даня. Антон прыгает в теплую, как парное молоко воду. Он хватается одной рукой за конец каната, хотя очевидно, что это ощущение — грубой, шершавой веревки, скребущей ладонь — сейчас лишнее... Да какой, к херам, канат, какой Антон, какая шершавая веревка, человека из дома напротив взяли и увезли. Может, когда позавчера я пил чай в баре и смотрел в окно, он из своей квартиры смотрел на мой силуэт и гадал, что за идиот все еще живет в гостинице и не уехал домой. А теперь его нет. И Пан-пан больше не приезжает, парень на ресепшене сказал, что ее общагу закрыли на карантин, и бар закрыт, и ресторан со шведским столом, и завтрак приносят теперь в номер. И все это так глупо, так глупо и грустно, и если на этом все закончится, если вдруг в Ханькоу действительно невозможно приехать, а уж если приехал, то все, пропала птичка, увязли лапки в болоте, теперь не уедешь, как ни пытайся... Если вдруг все действительно так, то зачем я, действительно, пишу роман о мертвых писателях, когда мог бы о все еще живом себе. Переписать все так, чтобы стало по-другому, не жалко, не обидно, чтобы в вечности на бумаге не осталось никакой глупости, никакой жалости, никакой болезненной неловкости... Пан-пан смотрела куда-то за его плечо на то, что происходило за стеклом большого панорамного окна бара...

Пан-пан. Смотри, смотри, фонарик!

Даня. В черное ночное небо, подрагивая и колыхаясь на ветру, поднимался одинокий оранжевый огонек китайского фонарика...

Пан-пан. Их нельзя запускать в городе, только на открытых площадках. Наверное, ребенок какой-нибудь с балкона...

Даня. Он вспомнил другой зимний вечер десять лет назад, когда в летних, наспех нацепленных на ноги кроссовках хлюпал свежий первоянварский снег, шею сводило от ветра, а красные костяшки рук без перчаток отогревались в пламени пластмассовой голубой зажигалки...

Я таким однажды чуть сквер у дома не спалил. Мы на Новый год с друзьями зимой запускали, у них фонарики поднялись вверх, а мой на дерево отнесло. Я полез наверх, чтобы задуть, пока лез, фонарик сам потух. А какой-то мужик на нас с балкона орал, что, если мы пожар устроим, он спустится и фонарик этот мне в жопу засунет. Мне почему-то было очень грустно.

Пан-пан. Из-за мужика?

Даня. Из-за желания. Ну, это же вы в Китае эти фонарики придумывали с желаниями запускать. И я загадал, прямо от души загадал, а оно вот так. Не долетело, потухло, а по дороге чуть сквер не спалило. Это как-то очень как всегда.

Пан-пан. Вообще-то их в древности во время войны использовали. Или секретные послания на них писали, или знак опасности подавали.

Даня. Все равно, значит, мое послание до адресата не долетело.

Пан-пан. И что ты загадал?

АНТОН

Антон прыгает в воду, хватается за конец каната. Вода прозрачная, он видит, как холщовые мешки с телами животных медленно уходят на дно. Один из них развязывается, из него показывается огромная бычья голова.

Антон. Вот и бедный мой Гусев так же. Его зашивают в парусину и, чтобы он стал тяжелее, кладут вместе с ним два железных колосника. Зашитый в парусину, он становится похожим на морковь или редьку: у головы широко, к ногам узко... Он быстро идет ко дну. Дойдет ли? До дна, говорят, четыре версты. Пройдя сажень восемь-десять, он начинает идти тише и тише, мерно покачивается, точно раздумывает, и, увлекаемый течением, уж несется в сторону быстрее, чем вниз. Но вот встречает он на пути стаю рыбок, которых называют лоцманами. Увидев темное тело, рыбки останавливаются, как вкопанные, и вдруг все разом поворачивают назад и исчезают. Меньше чем через минуту они быстро, как стрелы, опять налетают на Гусева и начинают зигзагами пронизывать вокруг него воду...

С палубы раздается крик.

Матросы. Акула! Акула! Вира! Вира!

Матросы, держащие канат, начинают быстро вытягивать Антона из воды. Он повисает на канате, не может отвести взгляд от прозрачной воды.

Антон. Но после этого показывается другое темное тело. Это акула. Она важно и нехотя, точно не замечая Гусева, подплывает под него, и он опускается к ней на спину, затем она поворачивается вверх брюхом, нежится в теплой, прозрачной воде и лениво открывает пасть с двумя рядами зубов. Лоцманы в восторге; они остановились и смотрят, что будет дальше. Поигравши телом, акула нехотя подставляет под него пасть, осторожно касается зубами, и парусина разрывается во всю длину тела, от головы до ног; один колосник выпадает и, испугавши лоцманов, ударивши акулу по боку, быстро идет ко дну.

ДАНЯ

Даня. Он поцеловал ее — резко, неожиданно, она дернулась, как будто от удара током, но не отстранилась. Она была другая на вкус, из какого-то совсем иного, чем Таня, вещества. В голове всплыл стишок из детства — «Из чего только сделаны девочки? Из чего только сделаны девочки? Из конфет и пирожных, из сластей всевозможных. Вот из этого сделаны девочки!» В Пан-пан не было ни грамма сахара. Только свежий, мшистый, лесной дух — дух облупившейся, но не стершейся под лучшими британскими дубовыми панелями, тысячетней краски, шершавой влажной поверхности камня, когда-то воскуренных у фигурки китайского божка благовоний, дух жизни, которая, вопреки всему, побеждала притаившуюся зеленоглазую смерть неизвестным науке способом.

АНТОН

Антон вытягивают обратно на палубу. Матросы переводят дыхание. Глинка подбегает к нему с полотенцем.

Мичман Глинка. Какая удача! Акула, и так близко. Когда еще такое увидишь?

Гутан. Удача — что вы, Антон Павлович, за канат держались. Говорю вам, всякое на моем веку случалось.

ДАНЯ

Даня. Он путался в завязках ее черного барменского фартука, мягкий ноготь большого пальца зацепился за железную пуговицу джинсов, она прикусила его губу и, не прерываясь, засмеялась. Мозг машинально отмечал эти маленькие боли, а тело — тело уже ничего не замечало, устремившись к единственной цели — к простой радости, к птичке на стене паршивой гостиницы, к ее песне,

угадываемой с первых звуков, к каплям соленой океанской воды на не знавшей загара бледной коже, к счастью, которое вдруг оказалось простым и понятным, именно таким, как о нем писали другие.

АНТОН

Антон кутается в полотенце. Он отворачивается от своих собеседников смотрит на продолжающую виться у борта акулу, на закат, на обманчиво спокойный Индийский океан.

Антон. А наверху в это время, в той стороне, где заходит солнце, скучиваются облака; одно облако похоже на триумфальную арку, другое на льва, третье на ножницы... Из-за облаков выходит широкий зеленый луч и протягивается до самой середины неба; немного погодя рядом с этим ложится фиолетовый, рядом с ним золотой, потом розовый... Небо становится нежно-сиреневым. Глядя на это великолепное, очаровательное небо, океан сначала хмурится, но скоро сам приобретает цвета ласковые, радостные, страстные, какие на человеческом языке и назвать трудно.

КОНЕЦ

ЛЮБОВЬ СТРАХОВА

ХОЛЕРА ОКАЯННАЯ

(Из жизни санитарного врача)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Антон Павлович Чехов — врач и писатель.

Мария Павловна Чехова — его сестра.

Павел Егорович Чехов — их отец.

Толоконников Иван Тимофеевич — фабрикант.

Татьяна — молодая женщина.

Игнат.

Федор.

Осип.

Катерина.

Мужчина.

Народ.

Лето 1892 г.

Сцена 1

Мелихово. Усадьба Чехова.

Раннее утро. Собирается народ, все негромко переговариваются, шепчутся. Рассаживаются на лавочки. Мария Павловна помогает пришедшим найти место. Павел Егорович сидит на пеньке отдельно. Из дома выходит Антон Павлович.

Голос 1. Доброе утро, доктор!

Антон Павлович (*приветственно кивает всем*). Здравствуйте! Здравствуйте! Приветствую всех! Ну что? Начинаем? Все собрались?

Голос 2. Запрудные не пришли!

Антон Павлович. Их оповестили о сходе?

Мария Павловна. Ни одного двора не пропустили. Стучали под каждое окно!

Антон Павлович. Тогда начинаем. Кого нет, тем передадим. Разговор у нас будет короткий, но серьезный. И очень важный. С юга идет «азиатская» холера. Эпидемия холеры. Она надвигается, и ничем ее не остановить. Гибнут люди всех возрастов: и стар, и млад. Умирает каждый второй заболевший. Земских врачей не хватает на все участки. Поэтому я, как доктор, должен предупредить вас об опасности данного заболевания. О том, как важно вовремя выявить болезнь и начать лечение. О том, как важно выполнять дезинфекцию помещений и соблюдать меры предупреждения.

Голос 3. Придумали эту напасть! Нет никакой холеры!

Голос 4. Стоило из-за этого собираться! У меня коровы недоенные мычат!

Голос 5. Давайте лучше про дороги поговорим! Лошади в ненастье тонут! До станции не добраться!

Антон Павлович. Про дороги я тоже скажу. Вы заметили, что собрал я вас у себя в саду? Вы пришли ко мне — здоровые, полные сил. А когда уезд накроет холера, придется мне ходить к вам, приносить лекарства, оказывать помощь. В период эпидемии холеры я буду осматривать и лечить 25 деревень, четыре фабрики и монастырь... Придется ездить по нашим разбитым дорогам. Тяжелая степень холеры длится ровно сутки. И в эти сутки у меня может быть несколько вызовов. К кому-то я успею доехать, а к кому-то нет. Чтобы спасти холерного больного мне надо не менее 5 часов.

Голос 3. Завелись доктора, так и холера пошла!

Антон Павлович. Больных холерой начнем свозить в специальные бараки, чтоб не заражали других. Один барак уже закончили строить, скоро примемся за второй.

Голос 7. Какие еще бараки! А семьи наши кто кормить будет?

Антон Павлович. Если один член семьи заболит холерой, то спасать надо будет всю семью. Речь пойдет уже не о том, что есть. А о том, как выжить. Как спасти. В Мелихове откроем специальный медицинский пункт — «холерную» амбулаторию. Холера — это не просто недомогание, как многие думают, это кишечная антропонозная инфекция.

Голос 8. Остропоносная?

Антон Павлович. Можно и так сказать. Основные симптомы: слабость, повышенная жажда, понос и рвота. Если вам стало хуже и появились данные симптомы, сразу посылайте за врачом. Медлить нельзя. Но давайте поговорим о мерах профилактики, как можно в эпидемию не заболеть. Одна из главных причин эпидемии холеры — грязь. Мыть руки после работы и прочего. Воду — даже из колодца — обязательно кипятить. Любую пищу принимать после горячей обработки. Даже овощи с грядки необходимо обдавать кипятком. Мыть полы и другие поверхности в доме каждый день. Дезинфицировать отхожие места. Известь для дезинфекции буду выдавать бесплатно. Под запретом купание в водоемах. Это касается и взрослых, и детей. Даже в жаркие дни. Давайте на время отменим дружеские посиделки, если в этом нет острой необходимости. Не призываю к полной изоляции, но предлагаю выходить со двора только по необходимости.

Голос 8. Только по большой нужде? Или по малой тоже можно?

Голос 9. Так мы от скуки порем, а не от холеры!

Голос 3. А работать кто будет? Кто будет работать?

Голос 5. Слишком много запретов!

Антон Павлович. Запретить я вам ничего не могу, но рекомендовать обязан.

Голос 1. Можно вопрос? А много ли больных у нас в уезде? Не на юге, не где-то там, а в нашем, Серпуховском, уезде много больных?

Антон Павлович. Пока нет ни одного.

Всеобщий гул.

Голос 10. Так о чем разговор? Холера вас дерит!

Голос 3. Идите к чертовой матери со своей холерой!

Антон Павлович. Если холера выявится хотя бы у одного, то весь уезд будет закрыт на карантин. И тогда я не буду призывать вас мыть руки и поддерживать чистоту. Тогда явится становой, оцепят уезд и начнут наказывать всех нарушителей.

Голос 5. Вот только не пугайте!

Антон Павлович. А если заболит доктор на соседнем участке, я буду вынужден обслуживать и его участок, вызовов будет очень много, кто-то попросту останется без помощи.

Голос 3. Неужели вы верите в эту чушь?

Антон Павлович. Можно верить или не верить во что угодно. А я знаю статистику. Сколько погибло человек в первую эпидемию и сколько гибнет сейчас. Это страшные цифры. Я могу прочитать вам данные медицинской статистики... По Астрахани, Саратову, Самаре, Тамбову...

Голос 4. Много слов, но мало дела. Если это все, то я пошел.

Народ начинает расходиться.

Антон Павлович. Спасибо, что пришли и выслушали. Не смею больше задерживать. Да, кого сегодня не было, к ним надо будет зайти. Оповестите, что я зайду сегодня или завтра около полудня.

Голос 7. Из-за такой чепухи народ созывать.

Голос 1. Спасибо, доктор!

Голос 6. Я и так руки мою всегда, да минует нас холера!

Голос 2. Антон Павлович, а приема больных сегодня не будет?

Павел Егорович. Прочь идите, печенег! Никакого приема нет! Приходите завтра!

Антон Павлович. Я приму. Если у кого-то что-то болит, милости прошу. Всех приму. Заходите по одному в порядке очереди.

Антон Павлович уходит в дом.

Павел Егорович. Принимаем только с болью! С соплями идите прочь! Неча заразу в саду распускать! Ишь моду взяли — сморкаться в щавель!

Мария Павловна. Оставь, пусть ожидают. Не надо вмешиваться.

Павел Егорович. Вот они надоели со своими болячками! Чеснок на шее ношу — и не болею ничем! Ешьте чеснок! И на шею вешайте! С чесноком и холера не страшна!

Мария Павловна. Не от всех болезней чеснок спасет. И с переломами, и с ранами открытыми к Антоше привозят.

Павел Егорович. У нас тоже рана! Нам скоро жить будет не на что! Антоша — писатель! Антоше стихи писать надо, а не царапины карболкой смазывать! За писательство хотя бы платят, а тут и лекарства за свои деньги раздает.

Мария Павловна. Антоша не пишет стихов, он пишет рассказы.

Павел Егорович. Да хоть бы что писал! Запасы кончатся, лапу сосать начнем. И ведь работникам платить надо! У нас такое хозяйство!

Мария Павловна. Он не может писать, когда гибнут люди. Врач призван спасать.

Павел Егорович. А мы не гибнем? Мы без его гонораров гибнем! Он не жалеет нас?

Мария Павловна. Ни к чему этот разговор. Если Антоша услышит, то рассердится.

Павел Егорович. Холера окаянная!

Павел Егорович уходит в сад, Мария Павловна — в дом. Больные ожидают своей очереди.

Сцена 2

Мелихово. Усадьба Чехова.

Кабинет Антона Павловича. Мария Павловна готовит растворы.

Антон Павлович. Говорю, говорю. По домам хожу, разъясняю... А понимания у народа нет. Как раньше жили, так и живут. И сами в прудах плещутся, и детей купают. Хоть огораживай забором каждый двор. И приставляй к каждому двору урядника.

Мария Павловна. Сразу понимание не придет. Нужно время для понимания.

Антон Павлович. Надо разъясняющие плакаты напечатать в типографии.

Мария Павловна. Бесплезная затея. Крестьяне сплошь неграмотные.

Антон Павлович. А мы картинки напечатает. Грязные руки перечеркнем, чистые — в круг обведем.

Мария Павловна. Земство не выделит денег на плакаты.

Антон Павлович. На свои деньги напечатаю. Не надо мне от земства ни копейки. Все сделаю сам. И лекарства закуплю, и средства для дезинфекции, и плакаты напечатаю.

Входит Федор.

Федор. Здр...грл...бл...

Антон Павлович. Доброго здравия! На что жалоба?

Федор (*показывая*). Вт...грл...бл...

Антон Павлович. Зуб болит? (*Федор мотает головой.*) Горло болит? (*Федор кивает.*) Простудился? Переохладился? (*Федор мотает головой, вытирает рукавом слюни.*) Открывай рот. Сейчас разберемся. Шире, шире.

Федор. Ааа...

Антон Павлович. Кость! Кость в гланде. Рыбу ел? (*Федор кивает.*) У меня в пруду тоже караси водятся. Костлявые черти! (*Маше.*) Маша, пинцет. И приготовь раствор для полоскания.

Мария Павловна. С ромашкой?

Антон Павлович. Первый с солью, второй — с ромашкой и календулой.

Антон Павлович вытаскивает из горла Федора кость.

Мария Павловна приносит кружки с растворами.

Федор. Ай...

Антон Павлович. Полощи горло!

Федор. Рррр... Проглотил...

Антон Павлович. Не отравишься. Еще полощи!

Федор. Рррр...

Антон Павлович. Кость огромная... Какую рыбу ел?

Федор. Щуку.

Антон Павлович. Щуки в моем пруду не водятся. Дома полощи рот с ромашкой. Если завтра боль не утихнет, приходи на осмотр.

Федор. Спасибо, доктор... Низкий вам поклон от сапожника Федора! Если сапоги чинить потребуется, я к вашим услугам!

Антон Павлович. Рыбой костлявой не увлекайся, Федор! Следующего зови.

Федор уходит.

Антон Павлович. Сколько я костей из горла вытащил — не сосчитать. Любит рыбку народ. И любовь эта костью в горле встает. Как и любая другая любовь...

Входит, немного прихрамывая, Осип.

Осип. Можно?

Мария Павловна. Садитесь, пожалуйста.

Антон Павлович. Здравствуй! Слушаю внимательно.

Осип. Нога болит. Уж ходить не могу. Дай лекарство какое, чтоб меньше болело.

Антон Павлович. Задирай штанину.

Осип. Да мне бы пилюлю какую от боли. Есть ведь такие! Я слыхал! Съешь и не чувствуешь ничего.

Антон Павлович. Задирай! Покажи, где болит.

Осип задирает штанину.

Осип. Болячка простая. На делянке цепанул. И не проходит зараза.

Антон Павлович. Гнойник — не простая болячка. От гнойника может сепсис случиться, а там уже летальный исход. Хорошо, если кость не задета... *(Маше.)* Маша, скальпель! *(Осипу.)* Поднимай ногу сюда.

Антон Павлович подставляет под ногу Осипа кушетку. Мария Павловна приносит инструмент.

Осип. Нешто ножом ногу резать?

Антон Павлович. Смотри в окно!

Осип. У меня скотина, хозяйство... Я потом смогу ходить? Мне работать надо!

Антон Павлович. Смотри в окно! Ну же!

Осип смотрит в окно. Антон Павлович ополаскивает ногу, разрезает гнойник, обрабатывает рану, делает перевязку. Мария Павловна протирает пол, убирает инструменты.

Осип. Ай... Жгет чего-то...

Антон Павлович. Завтра утром придешь ко мне на перевязку. Поноет немного, потерпи, к вечеру пройдет.

Осип. Замотал, не видать ниче.

Антон Павлович. Опусти штанину, нечего там смотреть пока. Через неделю будешь смотреть, следа от болячки не останется.

Осип. Спасибо, фельшер! Скажи, скоко должен.

Мария Павловна. Антон Павлович не фельдшер, а доктор.

Антон Павлович. Иди домой — к скотине и хозяйству. За лечение денег не беру.

Осип. Спаси Бог тебя, доктор! Осип я, запомни. Осип. Если кто тебя обидит, приходи! Мужиков за тебя подниму. Всех подниму!

Антон Павлович. Обязательно, Осип. Не забудь завтра на перевязку. И позови там следующего.

Осип (*кричит*). Эй! Кто следующий?

Осип хромая уходит.

Антон Павлович. Мужик всегда поблагодарит за помощь. Уважает чужой труд. А купца лечил, так молча денег сунул и отвернулся. Но я не взял его подачку. Пусть задумается. Ведь «спасибо» дороже денег.

Мария Павловна. Ох, Антоша. Деньги — тоже благодарность.

Входит Катерина.

Антон Павлович. Входи, не стесняйся. Садись сюда. Слушаю.

Катерина. Чего?

Антон Павлович. У тебя что-то болит?

Катерина. Не-а.

Антон Павлович. Что-то болело?

Катерина. Не-а.

Антон Павлович. С чем тогда пожаловала?

Катерина. Стошнило. Вчера.

Антон Павлович. Сегодня не тошнит?

Катерина. Не тошнит. Живот опух.

Антон Павлович. Вот как. Вчера опух или раньше?

Катерина. В Фомину неделю.

Антон Павлович. Почему же пришла только сейчас?

Катерина. Думала — само пройдет.

Антон Павлович. Думала, что сдуется? Подними кофту, живот посмотрю...

Катерина. Не больно?

Антон Павлович. Не больно. Больно тебе уже было. Ну что я могу сказать... Через пару месяцев рожать. Готовься матерью стать.

Катерина. Нет! Убери его.

Антон Павлович. Кого — его?

Катерина. Живот! Холера там!

Антон Павлович. Как же я уберегу? Не холера, а ребенок у тебя там! Сердечко у ребенка бьется.

Катерина. Матка убьет!

Антон Павлович. А ты подумай, как найти слова, чтоб не убила. Приди и в ноги упади.

Мария Павловна. Материнское сердце все простит, а внуку только обрадуется. Любить больше тебя будет.

Антон Павлович. И не забывай, что холера надвигается. Руки мой, воду кипяти! И будет счастье, когда младенец в руках окажется!

Катерина уходит.

Мария Павловна. Батюшки, ей лет 15 от роду...

Антон Павлович. Телосложение крупное, бедра широкие... Родит, ничего страшного...

Мария Павловна. Лишь бы мать поняла...

Антон Павлович. На то она и мать. Проглядела дочь, так что теперь...
Пусть за внуками глядит.

Вбегает мужчина.

Мужчина. Доктор! Где доктор? Там Степка помирает!

Антон Павлович. А где Степка?

Мужчина. Три версты отсюда!

Антон Павлович. Прямо помирает? Или голова с похмелья раскалывается?

Мужчина. Вилами его проткнули! Лежит в стогу! Кровь течет!

Мария Павловна. Вилами! Бог ты мой!

Антон Павлович. Маша, лошадей пусть запрягут!

Мужчина. Я вас сам быстрее довезу! Я с телегой!

Антон Павлович. Так что же мы медлим? Медлить нельзя! Маша, остальным скажи, вернись после обеда. Или пусть ждут, или завтра с утра приходят.

Антон Павлович собирает свой чемоданчик: складывает в него инструмент, пузырьки.

Выбегают. Мария Павловна смотрит вслед.

Входит Павел Егорович.

Павел Егорович. Куда Антоша поехал?

Мария Павловна. Вилами кого-то прокололи. В трех верстах отсюда.

Павел Егорович. Когда же это кончится? Рожь надо готовить к продаже, а помощи нет. Вот холера какая!

Мария Павловна. Все будет хорошо, скоро кончится эпидемия... А мы справимся. Урожай этим летом богатый!

Павел Егорович. Справимся! Все, что народили, съедим. А что потом?

Мария Павловна. Он писал сегодня ночью. Про остров Сахалин...

Павел Егорович. Еще одна напасть! Кому этот Сахалин нужен! Не пойми зачем

поехал и не пойми зачем пишет о нем. Все здоровье в поездке растерял. И весь талант изведет на каторжников! На Богом забытый край!

Мария Павловна. И не пишет — плохо, и пишет — плохо. Сколько можно ворчать! Пойдем в сад! Гусениц искать!

Павел Егорович. Эти черви весь крыжовник поели...

Мария Павловна и Павел Егорович уходят в сад.

Сцена 3

Угрюмово. Перчаточная фабрика.

Кабинет Толоконникова Ивана Тимофеевича — владельца перчаточной фабрики.

Входит Антон Павлович.

Толоконников. Рад видеть, Антон Павлович!

Антон Павлович. Здравствуй, Иван Тимофеевич!

Толоконников. Чай с угрюмовской смородиной или аравийский кофе?

Антон Павлович. Ничего не имею против угрюмого чая, но я приехал с важным делом к вам.

Толоконников *(с улыбкой)*. Денег больше не дам. Но и за потраченные отчета не потребую.

Антон Павлович. Да, я очень благодарен вам за помощь в строительстве холерного барака и обустройстве амбулатории.

Толоконников *(протягивая сверток)*. А вот вам еще сюрприз!

Антон Павлович. Что здесь?

Толоконников. А вы посмотрите! Ну же! Смелей!

Антон Павлович *(развернув сверток)*. Перчатки?

Толоконников. Перчатки для вашей прекрасной Марии Павловны!

Антон Павлович. Спасибо, я передам! Маше будет приятно.

Толоконников. Так чай или кофе?

Антон Павлович. Давайте сначала о деле.

Толоконников. Что же за дело такое? Вы меня пугаете...

Антон Павлович. Жалобы поступают от жителей Угрюмова на вашу перчаточную фабрику.

Толоконников. Мало перчаток произвожу? Или что? Помилуйте! Да никто столько денег Угрюмову не жертвует, как я! И дорогами, и строительством, и прочим приходится заниматься. И денег неимущим подаю. Безвозвратно. На что им еще жаловаться? Ноги мне целовать должны! Молиться на меня в пору! В пору Угрюмово в Толоконниково переименовать!

Антон Павлович. К нашему уезду подступает холера, и мы вынуждены проводить ряд мероприятий по ее предупреждению.

Толоконников. Я же дал денег на холеру вам! Неужели мало? Или это какая-то другая холера?

Антон Павлович. Основной путь заражения холерой — через воду. Земство занимается ремонтом и чисткой колодцев. Но главный источник воды для многих хозяйств — река. Ваша фабрика стоит на Люторке. Фабричные воды сильно загрязняют реку. А далее она ведь впадает в Лопасню, загрязняя и ее. А Лопасня впадает в Оку. А Ока в Волгу... И так далее. Через всю Россию течет ваша грязь.

Толоконников. Вы это серьезно сейчас?

Антон Павлович. Земство обязало меня проводить разъяснительные беседы с народом. И почти все жалуются на воду. Я был вынужден довести их жалобы до санитарной комиссии земства. И обязан довести до вашего сведения.

Толоконников. Мне интересно, кто именно жалуется?

Антон Павлович. Имен называть не стану.

Толоконников. Помилуйте! Я требую список жалобщиков! Они на фабрике моей работали? Похоже на месть уволенных работников.

Антон Павлович. Давайте лучше о проблеме.

Толоконников. Не вижу проблемы. Или бабам, которые стирают тряпье там, не нравится вода? Так они сами ее загрязняют своим грязным бельем.

Антон Павлович. С естественными отходами несравнимы отходы фабрики. Вода в реке стала смердящей, с химическими примесями. непригодной для питья даже в прокипяченном виде. Вода отравляет луга, болеет скот.

Толоконников. Сколько надо вам денег, чтобы вы оставили меня в покое?

Антон Павлович. Мне?

Толоконников. Не вам именно. А земству, полиции, кто там еще у вас есть... Жалобщикам вашим. Взятку хотят? Я готов заплатить. Называйте сумму.

Антон Павлович. Иван Тимофеевич, я знаю, что вы человек щедрый и понимающий. Взятка проблему не устранил. Она позволит о ней умолчать. А проблему надо решать.

Толоконников. Проблема в чем состоит? В том, что у меня есть деньги, а у других — нет? В зависти проблема? Так работать надо! Я работаю с утра до ночи!

Антон Павлович. Проблема в загрязненной реке. И ваша фабрика продолжает ее загрязнять.

Толоконников. Предлагаете закрыть фабрику? Тогда жалоб еще больше будет. Без работы останется сотня человек.

Антон Павлович. Предлагаю установить очистные сооружения. Это известная практика. Контроль за отходами фабрики. И река будет чиста, и совесть.

Толоконников. Антон Павлович, нельзя идти на поводу у мужиков. Я установлю очистные сооружения, так они жаловаться на небо начнут. Что я им небо загрязняю. Воздух грязный им будет! Завидуют они мне, понимаете! Все Угрюмово у меня работает, и все они мне завидуют!

Антон Павлович. Вчера исследовали берег около фабрики. Не жалобам поверили, а своим глазам. Трава серая, вода черная. Фабрика калечит природу.

Толоконников. Ой, вот не надо мне этого... Лирики этой вашей... Природу... Что будет этой природе? Для того и существует природа, чтобы обслуживать нужды человека. Пустой разговор. Хотите денег — я заплачу, а поучать меня не надо.

Антон Павлович. Очистные сооружения — это единственный способ нам договориться. Земство извещено о данной проблеме. Меня послали к вам с предварительными разъяснениями.

Толоконников. Хорошо, что с вами поделаться. Будут вам очистные сооружения. Если это все, с чем вы пришли, то давайте разойдемся. У меня много работы сегодня.

Антон Павлович. Спасибо за понимание, Иван Тимофеевич. Хорошо, что вы меня услышали.

Толоконников. Перчатки не забудьте. И привет Марии Павловне передавайте.

Антон Павлович. Будьте здоровы!

Толоконников (*вслед*). Антон Павлович, может, как-нибудь поохотимся вместе? Я недавно приобрел отличных гончих! Лучшие места покажу! Я ведь родился здесь, с каждым зверем лично знаком.

Антон Павлович. Не до охоты мне сейчас. Каждое утро очередь из пациентов под окном... Да и звери, они не в лесу, они внутри нас живут. На своего бы зверя сначала охоту открыть. С собой бы справиться... Через неделю приедем с комиссией инспектировать очистные сооружения. Будьте готовы.

Антон Павлович уходит. Толоконников наливает себе чаю.

Толоконников. Будут вам очистные сооружения. Ироды! Лишь бы деньги из меня тянуть...

Сцена 4

Мелихово. Усадьба Чехова. Сад.

Собираются больные, переговариваются. Выходит Павел Егорович.

Павел Егорович (*собравшимся больным*). Не шумите под окнами доктора! Доктор Чехов почивает! Приходите завтра утром!

Больные уходят. Павел Егорович идет вглубь сада.

Из дома выходит Антон Павлович. Он осматривает грядки, выдергивает сорняки.

Приближаются Мария Павловна с Татьяной.

Мария Павловна. Антоша, к тебе гости!

Антон Павлович (*не оборачиваясь*). Я устал. И гостей не жду.

Мария Павловна. Антоша, так нельзя. Гостья приехала из Москвы!

Антон Павлович. Гостья? Это меняет дело. Главное, чтоб не азиатская! (*Татьяне.*) Как я рад гостям из Москвы! Особенно гостьям! Редко они появляются в наших местах! Раньше мы принимали гостей каждый день! Кормили, поили, развлекали, спать укладывали, а по утрам сразу в сад выгоняли и работать заставляли. А иных принуждали навоз по полю раскидывать! Большая экономия на наемных работниках. Вот теперь приходится самому полоть грядки.

Мария Павловна. Танечка, Антоша всегда шутит!

Татьяна. Дорогой Антон Павлович! Я так рада вас видеть! Вы наверняка меня помните... Мы встречались на ужине одного известного писателя...

Антон Павлович. Не помню. Честно говорю. На этих ужинах столько случайных людей! Ну, что же вы молчите? Рассказывайте!

Татьяна. Что именно рассказывать?

Антон Павлович. Как там в Москве? Сколько случаев холеры зафиксировано в этом месяце? Есть ли смертельные исходы?

Татьяна. Холеры? Я не знаю... Откуда я могу знать о холере?

Антон Павлович. Ну как же? Ведь пишут об этом в газетах! Да и говорят, наверное, обсуждают... На спад идут случаи заболевания или очаг болезни разгорается?

Татьяна. Да нет, ничего подобного не слышала. Ну что-то слышала... Но ничего конкретного. Я предпочитаю не слушать и не говорить про всякие болезни. Чтобы к себе не притягивать плохое и неприятное...

Антон Павлович. А дороги в Москву разве не перекрыли?

Татьяна. Пока только пугают, что оцепят военным кордоном и никого не пустят, но я спокойно выехала. Остановили, правда, и спросили, куда и по каким делам еду... Но всех пропускают.

Мария Павловна. Антоша, ты можешь хоть на день забыть об этой холере? Неужели больше не о чем нам поговорить... Танечка, расскажите, о чем хотите. А то мы живем в глуши, вдали от интересных событий!

Антон Павлович. Татьяна, милая Татьяна... «С тобой теперь я слезы лью...»

Татьяна. В Москве совсем стало тихо и скучно. Ничего грандиозного... Будто все вымерли. Все как-то кучками-кучками...

Антон Павлович. Где раньше горланили, теперь шепчутся?

Татьяна. Даже на бенефисах есть свободные стулья... Но говорят, что театры скоро закроют. Тогда от скуки совсем с ума сойдем.

Антон Павлович. Главные шутники сбежали от холеры в Европу, потому и скучно.

Мария Павловна. Расскажите о себе! Да ну ее, эту холеру!

Татьяна. Я ведь не такой известный человек, как Антон Павлович... Ваш брат — мой кумир! Но я тоже писательница!

Антон Павлович. Не может быть!

Мария Павловна. В самом деле? Вы шутите! Я помню, вы играли на пианино.

Собственно, на музыкальном вечере мы и познакомились...

Татьяна. Музыка в прошлом. Музыка мне стала неинтересна. Я теперь отдаю себя только литературе.

Антон Павлович. Музыка наскучила, и литература наскучит.

Мария Павловна. Как странно... И как жаль. Я надеялась, что вы сегодня в зале сыграете для нас...

Татьяна. Нет-нет. Но я могу вслух почитать свои рассказы!

Антон Павлович. Очень интересно, но, к сожалению, вечером мне надо будет уехать по врачебным делам. Мысленно буду с вами, конечно.

Мария Павловна. А я с удовольствием послушаю ваши рассказы, Танечка!

Татьяна. Но я бы хотела, чтобы Антон Павлович тоже послушал...

Антон Павлович. Я уже отвык от литературы. А Маша — самый благодарный слушатель!

Татьяна. Но я ради вас приехала! Вы должны мне помочь, Антон Павлович. Я написала несколько рассказов. О любви. И мне нужно, чтобы кто-нибудь поправил их, подсказал, что не так... А если все так, то помогли бы мне пристроить их в какое-нибудь издание.

Антон Павлович. Вам нужен редактор. В подобном деликатном вопросе я не помощник. Я сам давно не пишу. И забыл, как выглядят русские буквы. Если и пишу, то на латыни. И только рецепты. Ах нет! Полгода назад я начал писать роман о любви. Неплохо развивал сюжет. Потом правил, правил, правил... И совсем недавно закончил. Закончил править. От романа осталось только одно предложение: «Он и она полюбили друг друга, женились и были несчастливы...» Вот такой я никудышный редактор!

Татьяна. Вы думаете, что я никудышный писатель?

Антон Павлович. Я думаю о гнойниках, отеках, фонарях, поносах, соринках в глазу и о прочей благодати.

Татьяна. Антон Павлович, вы должны прочесть мои рассказы!

Антон Павлович. К сожалению, сегодня я должен прочесть «Практическую фармакологию по рецептам современных клиницистов». А на завтра запланирован к изучению «Каталог Шнейдеровской медицинской библиотеки».

Мария Павловна. Наш Антоша — лучший доктор в уезде!

Татьяна. Вы счастливый человек! Вы состоялись в обеих профессиях!

Антон Павлович. Это действительно счастье. Не принадлежать себе, думать только о поносах, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота (*не за мной ли приехали?*), ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры и в то же время быть совершенно равнодушным к сей болезни и к тем людям, которым служишь, — это такая окрошка, от которой чувствуешь себя особенно счастливым. Ну, мне пора.

Мария Павловна. Антоша, ты обещал сегодня отдыхать!

Антон Павлович. Я отдыхаю. Я все утро с удовольствием чистил ружье. Нет ощущения слаще, чем предвкушение осенней охоты... Скоро я забуду про клистиры из танина и буду думать только о вечерних высыпках вальдшнепов. Но сейчас надо съездить на ситценабивную фабрику с разъяснительной беседой. Татьяна, приятно было с вами познакомиться. Простите меня за отсутствие времени. Холера, сами понимаете...

Татьяна. Вы меня простите. Антон Павлович, что приехала не вовремя...

Антон Павлович. Прощайте.

Татьяна. Хорошей дороги вам!

Антон Павлович уходит.

Мария Павловна. Дорог у нас нет. Как и везде, впрочем.

Татьяна. Антон Павлович меня обманул? Никуда он вечером не поедет? Он улыбался мне ровно до того момента, пока я не сказала, что занимаюсь литературой.

Мария Павловна. Отчего же?! Антоша действительно участковый врач при земстве. И медицина его выматывает пуще любой другой работы. Постоянные разъезды. Похудел — смотреть страшно.

Татьяна. Так зачем же ему эта медицина? Ему литературой надо заниматься! Творчество — то единственное, что отличает нас от животных.

Мария Павловна. Все мы знаем, как надо, а живем, как считаем нужным. Пойдемте в дом, я послушаю ваши рассказы! И познакомлю с нашей большой семьей! Марышка испекла на ужин пирог! Как чувствовала, что будут гости...

Татьяна. Ну что вы! Я совсем начинающий автор...

Мария Павловна. Давайте без ложного кокетства, Танечка! Будьте смелее! Литература трусости не прощает.

Мария Павловна и Татьяна уходят в дом.

Сцена 5

Мелихово. Усадьба Чехова.

Антон Павлович в кабинете перебирает бумаги, что-то записывает, помечает. В стороне на стене висит ружье. Входит Мария Павловна.

Мария Павловна. Известь и купорос привезли фабриканты. Денег не взяли.

Антон Павлович. Наконец-то хорошая новость. Что там с больными?

Мария Павловна. Ты уже всех принял. Затишье пока.

Антон Павлович. Лишь бы не перед бурей... Тогда я займусь медицинским отчетом...

Мария Павловна. А отдыхать когда? На завтра уже четыре деревни.

Антон Павлович. Поносы от немых рук. Но лучше на поносы выезжать, чем на вскрытие. Завтра в Крюково поеду, потом в Васькино, потом в Давидову пустынь... Архимандрит отказывался участвовать в «холерных» мероприятиях, а теперь зачем-то зовет. Надеюсь, ничего серьезного...

Антон Павлович пишет отчет, Мария Павловна пересматривает лекарства.

Вбегает Игнат.

Игнат. Доктор! Мне нужен доктор!

Мария Павловна. Садитесь и ожидайте.

Игнат. У меня мужская болезнь. Можно нам с доктором вдвоем поговорить? Без женских ушей.

Мария Павловна. Хорошо. Я подожду в саду...

Мария Павловна выходит.

Игнат. Ну, доктор, что смотришь? Давай лечи меня!

Антон Павлович. Что у вас болит?

Игнат. Желудок!

Антон Павлович. Как давно?

Игнат. С тех пор, как ты командовать в Мелихове начал и трактир мой закрыл! Жрать мне стало нечего! Вот и болит желудок!

Антон Павлович. Как вас зовут, напомните?

Игнат. Игнатом.

Антон Павлович. Так вот, Игнат... Эту эпидемию придумал не я. И меры для предупреждения ее распространения тоже не мной придуманы. В земстве создан специальный санитарный совет, который разрабатывает и контролирует те или иные мероприятия по защите населения от предстоящей угрозы. Обратитесь с вашей проблемой больного желудка прямиком в земство.

Игнат. Ты на земство-то вину не вали. Где мы, а где земство! Земству дела нет, что у нас тут! А ты ходишь, вынюхиваешь и докладываешь!

Антон Павлович. Это моя работа. Ваша работа — ублажать яствами и алкоголем, а моя работа — спасти жизнь. И если для спасения придется отказываться в удовольствиях, я вынужден принимать это решение.

Игнат достает нож.

Игнат. Ты говори, говори, я слушаю...

Антон Павлович. Уберите нож, пожалуйста.

Игнат. Мне уже все равно, что ты говоришь! Трактир мой не откроют. Значит, всей моей семье светит гибель. Ты думаешь, что ты подписал приговор моему трактиру и моей семье, но ты подписал приговор себе! Думаешь, ты заколотил досками мой трактир? Нет, ты вбил гвозди в свой будущий гроб!

Антон Павлович. Врача ножом не испугаешь. Скольких я сам перерезал. Гнойники, грыжи, пули...

Игнат. А я не пугать тебя пришел! Я тебе прямо говорю: если не откроешь мой трактир сегодня, то я вскрою тебя!

Вбегает Павел Егорович.

Павел Егорович. Где этот мерзавец, подлец, печенег! Ты все наши розы помял! По клумбе — сапожищами! Для кого калитка отперта? Чего через забор лез?

Игнат. Иди ты!

Павел Егорович. Я тебе уши оборву, анафема!

Игнат поворачивается к Павлу Егоровичу, Антон Павлович выбивает из его рук нож. Завязывается борьба.

Игнат. А ну отдай!

Павел Егорович. Он убить тебя хотел? Антоша!

Антон Павлович. Нет, просто нож предложил купить. Но в медицине такие ножи не применяются.

Игнат. Отдай нож!

Антон Павлович хватается ружье и направляет дуло на Игната.

Антон Павлович. Это уже не нож, а улика. (Павлу Егоровичу.) Крикни Маше! Надо послать за становым! Пусть разбирается с больным желудком трактирщика!

Павел Егорович. Он нам все цветы сгубил! Сапожищами своими перемял! Пусть возмещает ущерб!

Павел Егорович выходит.

Игнат. Доктор, ты давай... Без станового разберемся. Я к тебе поговорить пришел.

Антон Павлович. С ножом разговаривать не приходят.

Игнат. Но нет мне жизни без трактира! На что мне жить?

Антон Павлович. А на что другие живут? Ведь живут же!

Игнат. Давай по-хорошему разойдемся...

Антон Павлович. Уже не получится. Посидишь в арестантской, подумаешь о жизни.

Игнат. Не я, так другие тебя прирежут, так и знай. Многим ты дорогу перешел.

Антон Павлович. Нет ни одного дома, кому бы я помощь не оказывал. Но хорошее быстро забывается, правда? И ты меня вызывал, когда у сына твоего жар был. И жену твою лечил.

Игнат. Когда ты понимал нас, и мы тебя понимали. А теперь перед земством выслуживаешься! А им разорить нас надо! Почему одним торговать разрешают, а другим запрещают?

Антон Павлович. В трактире вашем — грязь, полная антисанитария. И предупреждали вас не однажды, и замечания делали. Пришлось закрыть. Мера временная и необходимая. Эпидемия холеры закончится, и все ограничения будут сняты.

Игнат. Отпусти меня, доктор. Если меня арестуют, мужики придут мстить за меня.

Антон Павлович. Пусть приходят.

Игнат. Отпусти, говорю. У меня семья: жена, дети.

Антон Павлович. Поздно ты про них вспомнил.

Возвращается Павел Егорович с мужиками.

Павел Егорович (*Игнату*). А ну, пошли! (*Антону Павловичу*.) Привяжем его в сарае, пока становой не приедет!

Игнат. Зачем нам становой? Простил меня доктор уже! Доктор, скажи! Скажи, что простил!

Антон Павлович молчит. Игната уводят, входит Мария Павловна.

Мария Павловна. Антоша! Он чуть не убил тебя! Это я виновата, не надо было уходить! А я ему поверила. Что мужская болезнь у него, что смущаю его... Меня до сих пор трясет... Я так испугалась.

Антон Павлович. Знаешь, о чем я думал, когда ружье на него направил?

Мария Павловна. Жалко стало?

Антон Павлович. Лишь бы он не вынудил меня стрелять. Об этом думал. Жалко стало, но не его. А труда своего. Я же вчера все утро это ружье чистил. К охоте готовил. А если бы пришлось стрелять, то потом снова чистить?

Мария Павловна. Не смешно. Вот правда — не смешно.

Антон Павлович. А я не смеюсь, я только об этом и думал.

Мария Павловна. Распоряжусь стол накрывать и обед подавать. Хватит нам на сегодня переживаний.

Мария Павловна уходит. Антон Павлович заворачивает нож в бумагу. Потом берет ружье, прицеливается в окно.

Антон Павлович. Холерный бунт? Ну, кто следующий? Доктор Чехов открывает охоту! Пиф-паф!

Сцена 6

Мелихово. Усадьба Чехова. Кабинет. Ночь. Горят свечи.

Антон Павлович пишет. Входит Мария Павловна.

Мария Павловна. Смотрю — свет под дверью. Решила, что уснул, не погасив свечи. А ты не ложишься, Антоша?

Антон Павлович. Жестокий ветер гонит меня в старость. Я, как старый хрыч,

просыпаюсь в 3 часа утра. Встанешь, оденешься и не знаешь, что делать с жизнью...

Мария Павловна. Это не старость, а усталость. Днем лечишь, ночью пишешь.

Антон Павлович. «Русские ведомости» планируют благотворительный сборник издать к осени. В помощь голодающим. Готовлю к публикации главу «Беглые на Сахалине». Отрывок из будущей книги.

Мария Павловна. Ты же отказывался издавать ее частями.

Антон Павлович. Ты не расслышала, Маша. Это в помощь голодающим. За это я не получу ни копейки. И мне важно привлечь к каторжному острову внимание в этом сборнике.

Мария Павловна. Какой ты...

Антон Павлович. Какой?

Мария Павловна. Хороший. Самый-самый...

Антон Павлович. Ничего особенного. Голодающим надо помогать. Когда-нибудь в России не будет бедных! Я верю, что так и произойдет. А если не будет бедных, то и больных не будет. Все станут счастливыми и здоровыми! И нам некого будет лечить, Маша. Я вернусь к литературе, потолстею, разбогатею...

Мария Павловна. А я каждый вечер молю — подольше бы утро не наступало. Опять эти работы-заботы, очередь из твоих больных... Иногда думаю о жизни нашей — и слезы сами льются. Не об этом мы мечтали. Антоша... Так и проплачу до утра. Чувствительная стала. Может, заболела нервной болезнью какой. Но мы все преодолеем, все трудности переживем.

Антон Павлович. Студенты-медики твою болезнь зовут мерлехлюндией. Без причины сопли-слюни распускать нам не дозволено, Маша. Пока угроза холеры висит над уездом, мы не имеем права расслабляться, мы должны быть готовы каждому прийти на помощь. По первому зову.

Мария Павловна. Мы должны — кому? И почему нам никто ничего не должен? Это не мурли... мирли...

Антон Павлович. Мерлехлюндия.

Мария Павловна. Да! Это желание жить по-человечески. А не так, как мы живем...

Антон Павлович. Ты просто устала, Маша. Я заразил тебя усталостью.

Мария Павловна. Нет, я буду помогать тебе всегда, чем бы ты ни занимался.

И за хозяйством следить, и скальпели твои чистить... Просто позволь мне иногда быть слабой... хотя бы по ночам... Позволь мне по ночам болеть мурли... мирли...

Антон Павлович. Мерлехлюндией!

Мария Павловна. Да, именно.

Антон Павлович. Это популярная болезнь московской интеллигенции. Хотя Москве сейчас не до душевных страданий. Там буйствует холера.

Мария Павловна. Как надоели плохие новости. Хоть совсем писем не читай...

Антон Павлович. Есть и хорошие. Мне обещали, Маша, аванс перевести. За будущие рассказы. Так что не все так плохо. Пока литература нас кормит.

Мария Павловна. Но ты же литературу совсем забросил! Откуда возьмутся рассказы?

Антон Павлович. Я им старые подсуну. Которые не издавались нигде. Есть у меня такие в пыльном сундучке. Жертвы цензуры. А когда кончится холера, так и новые напишу. И пьесу для театра задумал. Сюжет в голове готов, только конец пока не дается. Про земского уездного врача. Который хотел спасти свой уезд от холеры, но никому, кроме него самого, это не было нужно... Кто изобретет новые концы для пьес, тот откроет новую эру. Не даются подлые концы! Герой или женись или застрелись, другого выхода нет.

Мария Павловна. Пообещай не стреляться, Антоша!

Антон Павлович. Обещаю! Планов у меня на две жизни вперед!

Мария Павловна. Эту бы жизнь одолеть. Я вчера видела красные пятна на твоей подушке.

Антон Павлович. Пил «Цимлянское» перед сном и пару капель пролил, видать...

Мария Павловна. Это не вино, Антоша, а кровь. Ты снова кашляешь с кровью?

Антон Павлович. Совсем немного, когда зябко по ночам.

Мария Павловна. Давай топить больше! Что же ты молчал!

Антон Павлович. Дрова нужно экономить, пока лето на дворе.

Мария Павловна. На себе нельзя экономить. Будем топить круглый год! И больше отдыхай! Завтра сделаем выходной?

Антон Павлович. Завтра снова на перчаточную фабрику поеду. С Толоконниковым разговаривать.

Мария Павловна. Он до сих пор не установил очистные сооружения?

Антон Павлович. Установил. Только качество воды не изменилось. Эти сооружения — фикция, обман. Для отвода глаз. Последнее предупреждение ему вынесем. Не послушает — закроем фабрику.

Мария Павловна. Ладно, крестьяне необразованные не понимают тебя, но владелец фабрики... Он же образованный человек.

Антон Павлович. Его род тоже крестьянский. Предки из ямщиков. Да и мы с тобой не голубых кровей, Маша. Уверен, что понимание не зависит от происхождения и образованности человека. Опасность эпидемии понимают только врачи. Которые знают статистику смертности. Которые сами стоят в шаге от смерти, пытаюсь спасти больных... Но полно нам грустить! Завтра после фабрики поеду в город. Надо составить список из самого необходимого для покупки в амбулаторию: термометры, карболовую кислоту, касторовое масло, каломель...

Мария Павловна. Шприцы Кантани для подкожных инъекций, танин и клистиры для дезинфекции кишечника.

Антон Павлович (*записывает*). Да-да, надо записать...

Мария Павловна. Так быстро светает. Давай выпьем горячего чаю. С вишневым вареньем!

Антон Павлович. Не буди никого, не надо.

Мария Павловна. Я сама заварю, я тихонько. Да и пора вставать, самовар ставить.

Антон Павлович. Как здорово, что мы купили имение! Что мы здесь хозяева! До сих пор не верится, что нам никто не дерет уши за сорванные ягоды!

Мария Павловна. Да, лучше места не придумаешь. Чтоб почувствовать себя счастливыми! И тебе уединение, чтоб заниматься литературой, и мне раздолье, чтоб учиться живописи... Если бы не холера эта...

Антон Павлович. Окаянная!

Антон Павлович и Мария Павловна улыбаются.

Из-за дверей слышен голос Павла Егоровича:

«Не спится им! Свечей не напасешься! Ни свет ни заря!»

Антон Павлович и Мария Павловна задувают свечу и замирают.

КОНЕЦ

НАСТЯ ТРАВКИНА

ЗА ОТСУТСТВИЕМ ДОКТОРА...

(Один день из жизни чеховских персонажей)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Семен, Петр, Павел, две дамы — сотрудники
«Большой Московской гостиницы».

Персонаж — фигура загадочная, отчасти фантастическая.

Дучинский — начинающий литератор с Сахалина.

Ярцев — доктор.

(Все чеховские сюжеты разыгрываются этими же лицами.)

«Большая Московская гостиница». «Читальная зала» в бельэтаже.

*На дверях цифры: 4, 5. В углу — ширма, за ней рояль. Стол, книжные полки.
На стене — календарь 1904 года, реклама гостиницы на фоне Кремля.*

Входит Семен, отмечает число в календаре (2 июля), наводит порядок.

Семен. Опять книги перепутали! Это у нас Лермонтов. Его — к Пушкину поближе. Лев Толстой — к ним. Максим Горький, его без конца спрашивают, — сюда его. Лопе де Вега... Испанец, должно быть. Мольер — точно француз. Пусть рядом стоят. «Остров Сахалин». Эту сразу на чеховскую полку. А это кто? Шекспир-батюшка, «Гамлет».

*Звук лопнувшей струны. Появляется Персонаж в темных очках.
(Когда Персонаж в очках — он никому не виден. Таков авторский прием.)*

(Листает.) А ведь я этого «Гамлета» и не читал. Слышал только...

Персонаж *(негромко)*. Быть или не быть? Вот в чем вопрос.

Семен *(оглядывается)*. Кто здесь? Никого. Фу ты, опять примерещилось. Что за вопрос, конечно, быть, куда деваться? *(Листает.)* А что за листок вложен? Почерк Чехова. *(Читает.)* «В Москве. Я московский Гамлет. Живу в мебелированных комнатах...» Вот тебе и Антон Павлович. Кто бы мог подумать... И куда теперь этот листок? Оставим все, как было. Вот вернется из Германии — сам и разберется.

Семен уходит в № 4.

Персонаж снимает очки, находит в книге листок, читает.

Персонаж. «Я — московский Гамлет. Я живу в мебелированных комнатах. Из своего номера изучаю я жизнь, пишу про пьяниц и оскотинившихся идеалистов. Я — гнилая тряпка, дрянь, кислятина, я — московский Гамлет. Тащите меня на Ваганьково! А лучше отправьте меня на Северный полюс или забросьте на Луну!..» И это все?.. Старик что-то говорил про Чехова. *(Вынимает блокнот.)* Чехов Антон Павлович. Русский беллетрист. Обращений к Шекспиру — 117, упоминаний Гамлета — 89. Искать 2 июля 1904 г. в «Большой Московской гостинице». *(Смотрит в календарь.)*

В календаре — год 1904-й,
Июль. Второе. Кажется, успел.
Все сходится: я наконец на месте,
И имя мне теперь — Московский Гамлет.
К тому же, по желанью моему
Я быть могу невидимым, как призрак.

(Читает рекламу.) «Большая Московская гостиница (grand hotel de Moscou). Размещается на Иверской площади, вблизи Кремля. Имеются: ресторан, ванны по всем этажам, электрическое освещение, подъемная машина, музыкальный салон, читальная зала, почтово-телеграфная контора, omnibusы от всех вокзалов».

Ну что же, проживем денек в комфорте.

Недаром мой отец, вернее, тень его,
Сюда послал меня из Эльсинора:

«В Московии живет писатель Чехов.
Он непрерывно в опусах своих
Род Гамлетов тревожит. Сын мой,
Ты стал давно бродячим персонажем,
Прокочевал по тысячам театров,
Заметно истрепался, постарел.
Пора остепениться, стать на полку.
Ступай и выясни, достойный ли сюжет

Тебе к финалу приготовил этот Чехов».
И вмиг в Московии я очутился.

Так далеко меня еще не заносило.

Персонаж надевает очки и уходит за ширму.

Ярцев входит через зал.

Ярцев. Семен!

Семен (*выносит стулья из № 4*). Здесь я, Викентий Платонович!

Ярцев. Поставь пока к стене. Где же Петр и Павел?

Семен. Сейчас будут.

Ярцев. Так... Дамы на месте?

Семен. Давно здесь. Одеваются к первому сюжету.

Ярцев. Черт знает что! Как всегда, ничего не готово!

Семен. Да успеем, Викентий Платонович!

Через зал входят две дамы, одна из них с гитарой.

Ярцев. Ну, слава богу!.. Целую ручки. (*Целует.*) Выглядите бесподобно!

Первая дама. Ах, какой вы льстец!..

Ярцев. Умоляю, сразу же настройте инструмент!

Вторая дама. Да не волнуйтесь вы так!.. Как всегда, все будет хорошо.

Дамы идут за ширму, начинают настраиваться под рояль.

Семен. А вот Петр и Павел!

Петр и Павел выносят из № 5 носилки с реквизитом и ставят на стол.

Ярцев. Вас только за смертью посылать! Раскладывайте!

Помещение преобразуется. Расставляют мебель, вешалку, стелют скатерть, ставят вазы под цветы, раскладывают книги, газеты, журналы. Пустые носилки уносят в № 5.

Павел, вы дуэты с Аннушкой повторили?

Павел. Да мы их с Аннушкой, почитай, каждый день повторяем...

Вторая дама *(из-за ширмы)*. Что вы говорите! Могут подумать незнамо что...

Ярцев. Господа, не отвлекайтесь! Напоминаю: скоро ждем постояльца в пятый номер. *(Смотрит на часы.)* Поезд из Одессы приходит в 9.15. Омнибус от Курского вокзала отправился в 9.40. Сейчас четверть одиннадцатого. Вот-вот прибудет... Петр, стань у окна! Смотри не прогляди!

Петр. Не сумлевайтесь. Как слышу бубенцы — враз крикну.

Павел. Ну, вроде бы все, Викентий Платонович...

Ярцев *(оглядевшись)*. Ружье!

Семен. Сей момент!

Семен бежит в № 5, выносит ружье, вешает на стену.

Слышен звон бубенцов.

Петр *(глядя в окно)*. Омнибус подъезжает!

Ярцев. Бегом встречать! Да, Петр! Скажи там, внизу: как станут регистрировать, так пусть внимательнейшим образом паспорт рассмотрят. Вдруг поддельный.

Петр. Все произведем наилучшим образом, Викентий Платонович!.. *(Убегает.)*

Ярцев. Все по местам! Музыка!

Дамы и Павел скрываются за ширмой. Негромко звучит романс.

(Публике.) С середины XIX века в самом центре Москвы, на Иверской площади стоит «Большая Московская гостиница», или «Гранд-отель», оснащенная по

последнему слову техники. Цена номерам — от 1 до 15 рублей в сутки. Омнибусы...

Семен. Это... такие... крытые повозки на конной тяге, типа дилижанса.

Ярцев. Спасибо, Семен. Так вот, омнибусы сюда — регулярно ото всех вокзалов.

Семен (*читает по тетрадке*). Антон Павлович частенько наведывался по делам в Москву и из Мелихова, и из Ялты. Он писал: «В Москве проживаю, по обыкновению, в “Большой Московской гостинице”, в бельэтаже, в пятом номере».

Ярцев. Место было удобно еще и тем, что обслуживал бельэтаж коридорный Семен Ильич Бычков, ставший для Чехова человеком близким и доверенным. Именно сюда и прибыл утром 2 июля 1904 года новый постоялец.

Оба уходят за ширму.

Через зал проходит Петр с чемоданом и саквояжем. За ним — Дучинский.

Петр. Вот мы и пришли. (*Ставит вещи.*)

Дучинский. Это мы где же?

Петр. В бельэтаже. А это место называется «читальная зала».

Дучинский. Где поют?

Петр. Это в музыкальном салоне.

Дучинский (*оглядываясь*). А где же номер Чехова?

Петр. Антон Павлович завсегда останавливается вот в этом номере. В пятом.

Дучинский. Все правильно, его я и заказывал. Веди, что ж ты остановился?

Петр. Я швейцар, мое дело — доставить постояльца, поднести вещи... А в номер поселяет коридорный лакей. Таков порядок.

Дучинский. Ну, так найди этого коридорного.

Петр (*пожимает плечами*). Все равно номер еще занят. В 12.00 освободится, так вас и поселят. А пока уж не обессудьте.

Дучинский. Что-о?.. Прикажешь (*смотрит на часы*) почти 2 часа тут торчать?

Петр. Обычное дело. У нас введен единый расчетный час — 12.00. Вот постоялец съедет, приберут номер, тогда — милости просим. Так что придется переждать здесь.

Дучинский. Гм... Переждать...

Петр. А можете по Москве прогуляться. Хоть в Кремль, хоть в Александровский сад, хоть к Иверской иконе...

Дучинский. Да нет уж, уволь. Посижу здесь... Почитать тут, смотрю, есть что. А уж Чехов-то представлен во всех видах!

Через зал входит Павел с букетами, ставит их в вазы, уходит за ширму.

А ружье тут зачем?

Петр. Это, так сказать, для антуражу. Сказывают, художник Левитан из этого ружья ту самую чайку подстрелил.

Дучинский. Какую чайку?

Петр. Ну... которая теперь в этом... в Художественном театре.

Дучинский. Пьеса «Чайка», хочешь сказать? Понятно...

Через зал торопливо входит Семен.

Семен. С приездом, ваше благородие. Я — коридорный Бычков. Тут такое дело...

Дучинский. Мне уже разъяснили про пятый номер. Я подожду.

Семен. Ну и слава богу! *(Петру.)* Ступай, Петр.

Петр уходит. И тут же раздается резкий звук лопнувшей струны.

Из-за ширмы тихо выходит Персонаж в очках.

Дучинский *(снимает пальто)*. Как зовут-то тебя?

Семен. Семен я. *(Принимает пальто, вешает.)* Семен Ильич Бычков.

Дучинский. Присядь, Семен.

Семен. Нам при господах сидеть не приходится.

Дучинский. Вот ведь, рабское племя.

Семен. Просто понимаем свое место.

Дучинский вынимает револьвер, кладет на стол и прикрывает газетой.

Господи, что же это...

Дучинский. А скажи мне, Семен Бычков, давно ты здесь служишь?

Семен. Так ведь... С одна тысяча восемьсот девяностого года.

Дучинский. Значит, четырнадцать лет... А до этого?

Семен. Был и фабричным, и черным дворником... Служил также в балагане, в пантомимах, и кем только не был... Состоял потом у разных господ...

Дучинский. То есть был настоящим пролетарием. Дальше.

Семен. Ну, наконец, попал в официанты в эту самую гостиницу. А уж потом — в коридорные при номерах. Сперва, конечно, наверх, там номера подешевле будут, а уж после — сюда, в бельэтаж.

Дучинский. Вот это карьера!.. Сверху вниз. Из пролетариев — в лакеи!

Семен. Да-с, в лакеи-с. Что ж? Многие завидуют.

Дучинский. Еще бы! Теплое место. При господах. А Чехов часто здесь бывает?

Семен. Раньше-то часто, покуда в Мелихове жил. Но потом в Ялту переехал: так врачи настояли. Но и оттуда наезжал.

Дучинский. А сейчас?

Семен. Сейчас с женой — в Германии. Поехал от чахотки лечиться.

Дучинский. Да... Мне уж доложили... И давно он уехал?

Семен. Третьего июня.

Дучинский. Погоди! Сегодня — второе июля. Значит, ровно месяц назад. Эх, знать бы... Гм... Скажи: он тебе про Сахалин не рассказывал?

Семен. Так он же целую книжку написал «Остров Сахалин». На полке стоит.

Дучинский. Это хорошо. Ну, а теперь про пятый номер поговорим. Туда что же, всякий может поселиться?

Семен. Да как сказать... Кого попало, конечно, не поселяют. Лишь благородную публику, вроде вас. Но при этом всегда упреждают: мол, номер за Чеховым. Так что, если потребуется, придется перейти в другой. Но пока ничего такого не было. У нас все заранее известно.

Дучинский. Известно... Значит, про мой приезд тоже?

Семен. Само собой. У нас насчет этого строго.

Дучинский. Ну и кто же они, эти благородные?

Семен. Ну... доктора... Также благодарные пациенты. Главное же — литераторы одолели. Спасу нет!.. Все что-то листают, читают, выписывают...

Дучинский. Смешно... Как думаешь, почему они именно в пятый поселяются?

Семен. Ну... потому, что он — чеховский.

Дучинский. И что из этого?

Семен. Они считают так: пока автор жив, тут сохраняется дух его персонажей.

Дучинский. Как ты сказал? Дух его персонажей — жив?

Семен. Да нет... Пока автор жив... Честно говоря, я сам что-то запутался.

Дучинский. Не важно. Ты, я гляжу, во всех этих духов-персонажей веришь?

Семен. Да ведь как сказать? Может, так оно и есть... Я и сам иной раз что-то такое замечая. Только боюсь, как бы ненароком не свихнуться.

Дучинский. Немудрено. Ну, ладно, ступай.

Семен. Слушаю-с.

Семен уходит. Дучинский берет книгу, листает.

Персонаж берет со стола револьвер, кладет его в карман и уходит.

Дучинский (*читает оглавление*). «Беседа пьяного с трезвым чертом»... «Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало»... «Житейская мелочь»...

Из-за ширмы раздается крик: «Человек!..» Выбегают полковница Нашатырина и ее дочь Мила. На Дучинского они не обращают внимания.

Из рассказа А.П. Чехова «В Номерах»

Нашатырина. Человек!

Семен (*вбегают*). Что прикажете?

Нашатырина. Послушайте, милейший! Или дайте нам другой номер, или же мы уедем из вашей проклятой гостиницы! Это вертеп! Помилуйте, у меня дочь взрослая, а тут день и ночь одни только мерзости слышишь! На что это похоже? День и ночь! Иной раз он такое выпалит, что просто уши вянут! Просто как извозчик! Хорошо еще, что моя бедная девочка ничего не понимает, а то хоть на улицу с ней беги...

Мила. Ах, мама, оставьте!

Нашатырина. Молчи! (Семену.) Он и сейчас что-то говорит! Вы послушайте!

Нашатырина приоткрывает № 4. Видны Кикин и компания.

Кикин. Я, братец ты мой, еще лучше случай знаю. Помнишь ты поручика Дружкова? Так вот этот самый Дружков делает однажды клапштосом желтого в угол и, по обыкновению, знаешь, высоко ногу задрал... Вдруг что-то: тррресь! Думали сначала, что он на бильярде сукно порвал, а как поглядели, братец ты мой, у него Соединенные Штаты по всем швам! Ха-ха-ха... А тут в это время дамы были... между прочим, жена подпоручика Окурина... Окурин взбеленился... Как он, мол, смеет вести себя неприлично при его жене? Слово за слово... Посылает Окурин к Дружкову секунданта, а Дружков не будь дурак и скажи: «Пусть он посылает не ко мне, а к портному, который шил мне эти штаны. Он ведь виноват!» Ха-ха-ха...

Нашатырина. Теперь вы слышали? И это, по-вашему, ничего? Я, милостивый государь, полковница! Муж мой воинским начальником! Я не позволю, чтобы почти в моем присутствии какой-нибудь извозчик говорил такие мерзости!

Семен. Он, сударыня, не извозчик, а штабс-капитан Кикин... Из благородных-с.

Нашатырина. Он забыл свое благородство, он извозчик! Одним словом, не рассуждайте, а извольте принять меры!

Семен. Но что с ним сделаешь, сударыня? Не вы одни жалуетесь, все жалуются... Придешь к нему в номер: «Ганнибал Иваныч! Бога побойтесь! Совестно!» — а он сейчас к лицу с кулаками и разные слова: «На-кося выкуси» — и прочее. Проснется утром и давай ходить по коридору в одном, извините, нижнем. А то вот возьмет револьвер в пьяном виде и давай садить пули в стену. Днем винище трескает, ночью в карты режется... А после карт драка... От жильцов совестно!

Нашатырина. Что же вы не откажете этому негодяю?

Семен. Да нешто выкуришь такого? Задолжал за три месяца, уж мы и денег не просим, уходи только, сделай милость... Господи, а человек-то какой! Молодой, красивый, умственный... Когда не выпивши, лучше и человека не надо. Намедни пьян не был, так весь день родителям письма писал.

Нашатырина. Бедные родители!

Семен. Известно, бедные! Нешто приятно иметь такого сына?

Нашатырина. Бедная, несчастная жена!

Семен. Он, сударыня, не женат.

Нашатырина. Не женат, вы говорите?

Семен. Никак нет, сударыня.

Нашатырина. Гм!.. Не женат... Гм!.. Мила, не сиди у окна — сквозит!

Мила. Мне жарко.

Нашатырина. Как жаль! Молодой человек и так себя распустил! А все отчего? Влияния хорошего нет! Нет матери, которая бы... Пожалуйста, будьте так добры, сходите к нему и от моего имени попросите, чтобы он... воздержался от выражений... Скажите: полковница Нашатырина просила... С дочерью, скажите, в соседнем номере живет... из своего имения приехала...

Семен. Слушаю-с.

Нашатырина. Так и скажите: полковница с дочерью. Пусть хоть придет извиниться... Мы после обеда всегда дома.

Семен. Слушаю-с.

Семен уходит в № 4.

Нашатырина. Ах, Мила, закрой окно!

Мила. Да жарко мне, говорю... Ну, на что вам, мама, сдался этот... забулдыга? Нашли кого приглашать! Пьяница, буян, оборванец!

Нашатырина. Ах, не говори, та chere!.. Вечно так говоришь, ну и... сидишь вот! Что ж? Какой бы он ни был, а все же пренебрегать не следует... Кто знает? Может быть, тут твоя судьба. Пойдем-ка переоденемся на всякий случай.

Обе уходят за ширму.

Дучинский. Человек!.. Человек, черт подери! Эй, кто там!..

Через зал входит Ярцев.

Ярцев. Что прикажете, господин хороший?

Дучинский. А где Семен? Впрочем, все равно. Объясните мне, что это значит?

Ярцев. Это вы о чем?

Дучинский. Простите, с кем имею честь?

Ярцев. Позвольте представиться. Ярцев Викентий Платонович. Готов скрасить ваш невольный досуг. Состою, некоторым образом, владыкой сей скромной обители.

Дучинский. То есть... Вы что — владелец гостиницы?..

Ярцев. Ни боже мой. Я же лишь гостиничный доктор. А «владыка» — в совсем другом смысле. Можно сказать, в метафизическом.

Дучинский. Час от часу не легче...

Ярцев. Видите ли, читальная зала пользуется у жильцов популярностью. К тому же тут постоянно музицируют. Ну, а мы с Семеном приглядываем за всем этим. Так что можно считать, что я здесь как бы... от доктора Чехова.

Дучинский. Это уже какая-то «Палата номер шесть» получается. Может быть, хоть вы объясните мне, что тут только что происходило?

Из № 4 выходит Семен.

Ярцев. Семен, что тут было?

Семен. Опять этот Кикин, да полковница Нашатырина с дочерью...

Ярцев. Все понял! Ничего особенного, просто сюрприз в вашу честь. Честно говоря, мы вас с нетерпением поджидали...

Дучинский. С нетерпением?.. Меня?

Ярцев. Именно вас. Ведь в № 5 со всего света стремятся поклонники Чехова. И у нас установилась традиция: в честь каждого нового постояльца давать небольшое представление. Для вас был разыгран чеховский рассказ «В номерах».

Дучинский. Разыгран? Кем?

Ярцев. Ну, не артистами, конечно. Кое-кто из нашего персонала увлекся. Да и некоторые жильцы пристрастились. Так что, можно сказать, составила труппа.

Дучинский. То есть?

Ярцев. Как это объяснить... Простите, рюмочку коньячку пропустить не желаете?

Дучинский. Гм... Что ж, не откажусь.

Ярцев. Семен, организуй, пожалуйста.

Семен выносит из-за ширмы графинчик, рюмки, наливает.

Как говорится, со знакомством.

Дучинский. Простите, не представился. Коллежский регистратор Эдуард Дучинский. Недавно с Сахалина. *(Выпивают.)* Хороший коньяк.

Ярцев. От Шустова. Прямые поставки. Значит, вы к нам с Сахалина?

Дучинский. Ну как... Весной подал в отставку, распродал имущество, взял билет на пароход и повторил обратный путь Чехова: Южно-Китайское море, Гонконг, Цейлон, Суэцкий канал, Одесса, Москва... И главное, все точно рассчитал, но опоздал! На месяц. Но я его дождусь!.. Непременно. Не век же он будет лечиться в этой Германии...

Семен. Так, получается, это о вас Антон Павлович написал в своем очерке «Остров Сахалин»?

Дучинский. Ну да, обо мне. Коллежский регистратор «Д» — это я самый и есть. Дучинский. Я ему тогда даже свою поэму посвятил. «СахалинО» называется.

Ярцев. «СахалинО»?.

Дучинский. Ну да, на манер «БородиноО». Начиналась она так:

Скажи-ка, доктор, ведь недаром
СахалинО, объят кошмаром,
Проснулся ото сна!
Здесь будут схватки боевые,
Увидите еще, какие!
Недаром вздрогнет вся Россия
На день СахалинА!

Ярцев. Да... С чем же вы в Москву прибыли?

Дучинский. Сочинил пьесу и привез сюда. Надеялся, что Чехов поможет ее на сцену пристроить. Уж он-то в любом театре свой человек.

Ярцев. Это так. И все ждут от него пьесы.

Дучинский. Ну, про театры понятно... Но в рассказах у него черт знает что! Вот, к примеру, «Житейская мелочь»... Именно! Все это мелочь и есть!..

Ярцев. А лично вы что ищете в книгах?

Дучинский. Настоящих, возвышающих страстей! Литература должна поднимать массы на борьбу, вести к свободе, к свету. «Безумству храбрых поем мы песню...» Как у Горького. А тут? «Как у Дездемонова 25 рублей пропало»... Смех, да и только.

Семен. Вообще-то Максим Горький очень высоко ставит Чехова в литературе.

Дучинский. Да? Не знал. Вот и хочу понять, с чего весь этот шум вокруг Чехова.

Ярцев. Да вы, часом, не социалист ли? Вот — Горького поминаете...

Дучинский. А вы, случаем, не из охранки?

Ярцев. Я?.. Ну что вы! Я — из Чехова. Вот вам крест.

Дучинский. Этот Чехов, как я погляжу, для вас прямо икона какая-то.

Ярцев. Что ж, каждый молится своему богу.

Дучинский.

«Никто не даст нам избавленья
Не бог, не царь и не герой.
Добьемся мы освобожденья
Своей мозолистой рукой».

Мы стоим за революционное изменение общественного строя.

Ярцев. А Чехов — за изменение человека. Только человека. Это не так эффектно, как «безумство храбрых», зато бескровно.

Звук лопнувшей струны. Все оглядываются.

Из-за ширмы выходит Персонаж в очках.

Дучинский *(смотрит на часы)*. Гм... Я так понимаю, что персонажи Чехова здесь как бы... оживают?

Ярцев. Дело в том... Они не столько его персонажи, сколько пациенты. Но... за отсутствием доктора.

Дучинский. Пойдите... *(Вынимает блокнот.)* Кажется, именно этими словами «За отсутствием доктора» начинается какой-то его рассказ...

Семен. И не один, а целых два рассказа. Сейчас... *(Листает.)* Вот. *(Читает.)* «Земская больница. За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер Курятин»...

Дучинский. Что за рассказ?

Семен. «Хирургия».

Дучинский. *(записывает)* А второй?

Семен. «Сельские эскулапы». *(Ищет в книге.)* Вот, нашел. «За отсутствием доктора, уехавшего на охоту...»

Дучинский. погоди. Ты сказал «доктор уехал жениться»?..

Семен. Так точно-с.

Дучинский. А что же сам Антон Павлович так долго не женился?

Ярцев. Тут как раз понятно. Он — врач. И диагност прекрасный. Все понимал — и про чахотку свою, и что брат Николай от нее умер. Видимо, не хотел обременять.

Семен. И свободу потерять боялся. Бывало, говорил: «Дайте мне такую жену, которая, как луна, являлась бы на моем небе не каждый день». Во как!

Дучинский. «Жена должна быть как луна...» Как там?.. Я запишу.

Семен. «Дайте мне такую жену, которая, как луна, являлась бы на моем небе не каждый день».

Дучинский (*записывает*). Сказано в точку. (*Смотрит на часы*.) Господи, еще почти час. Пройтись, что ли, размяться, покурить на свежем воздухе...

Ярцев. Если вы не против, и я с вами.

Дучинский. Буду рад. Я в Москве впервые, тут заблудиться можно.

Ярцев и Дучинский уходят.

Семен снимает со стены ружье и уносит его в № 5.

Семен (*на ходу*). От греха подальше. От этих революционеров жди, чего хочешь.

Персонаж снимает очки, берет с полки книгу, открывает на закладке.

Персонаж (*читает*). «Я, здоровый, сильный человек, обратился не то в Гамлета, не то в Манфреда ... сам черт не разберет! Есть жалкие люди, которым льстит, когда их называют Гамлетами, но для меня это — позор!» (*Смотрит на обложку*.) Чехов, пьеса «Иванов». (*Надевает очки*.)

К несчастью моему, я снова не у дел.
В который раз за долгие четыре века.
За это время всяк, кому не лень,
Поупражнялся на моем герое.

Артисты всех систем на сотне языков
Мусолили мое «ту би ор нот ту би»,
А сотни авторов вплели меня в свои сюжеты.
И мне, блуждающему персонажу,
Покоя нет, как нет.

Входит Семен. Персонаж снимает очки. Звук лопнувшей струны.

Семен вздрагивает и оглядывается.

Семен. Простите, а... как вы сюда...

Персонаж. Много будешь знать... (*Достает револьвер, кладет на стол*.)

Семен. Господи, и вы туда же...

Персонаж. Гм. Так, значит, Дучинский — из книги Остров Сахалин? Найди.

Семен. Сию минуту. *(Находит в книге.)* Вот, пожалуйста.

Персонаж *(читает)*. «На Сахалине я встретил некоего Д., почтового чиновника. Он всегда таскал с собой в кармане револьвер и сильно зашибал муху. Это был сахалинский Лермонтов». Все верно, и револьвер этот — его. Мне надо бы с ним переговорить.

Семен. Вот они с Ярцевым вернутся, тогда...

Персонаж. Нет, ты Ярцева под благовидным предлогом немного задержи.

Семен. Слушаю-с.

Персонаж. Погоди. Обо мне пока ни слова. Понял?

Семен. Понял-с.

Персонаж. Ничего ты не понял. *(Показывает на револьвер.)* Мне ведь терять нечего. Теперь правильно понял?

Семен. Теперь-с правильно понял-с.

Персонаж. Вот и иди.

Семен. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Персонаж берет с полки пенсне, надевает его и садится у стола.

Входит Дучинский.

Персонаж. Мое почтение, господин Дучинский.

Дучинский. Что, вернулись? Наконец-то!

Персонаж *(снимает пенсне)*. Что вы имеете в виду?

Дучинский. Простите, обознался... Мне показалось, что...

Персонаж. Что вам показалось?

Дучинский. Да нет, померещилось... Четырнадцать лет назад на Сахалине Чехов выглядел примерно так. Ему тогда было ровно тридцать. А вам?

Персонаж. Около того.

Дучинский. Простите... С кем имею честь?..

Персонаж. Как бы это объяснить... Если выразиться кратко, то я — Персонаж.

Дучинский. Персонаж?.. Не понимаю.

Персонаж. Видите ли, существуют вечные, так сказать, «бродячие» сюжеты.

Дучинский. Что-то такое слышал...

Персонаж. Ну, а если есть такие сюжеты, то, соответственно, должны быть и «бродячие» персонажи. Так сказать, герои на все времена. К примеру, Прометей, Эдип, Дон Жуан, Наполеон, Жанна д'Арк, Дон Кихот и прочие. Вот и я — Персонаж. То есть не совсем обычный человек, а, в некотором роде... вымышленное лицо.

Дучинский. Вымышленное?.. Кем вымышленное?

Персонаж. Автором, разумеется.

Дучинский. И кто этот автор?

Персонаж. Хотелось бы узнать... Может быть, Эсхил. Может быть, Шекспир. Может быть, Чехов... А может быть, и вы. Как думаете?

Дучинский. Я?.. Ну что... я тоже понемногу сочиняю.

Входит Семен.

Персонаж (*Семену*). Ярецв где?

Семен. Я его уговорил позавтракать, а то он с утра — как белка в колесе.

Персонаж. Ну, вот и хорошо. (*Дучинскому*.) Итак, вы тоже сочинитель?

Дучинский. Между прочим, если хотите знать, на Сахалине Чехов предлагал мне даже пьесу написать совместно с ним. Все шутил: «Гонорар — пополам». Уже и сюжет придумал, очень даже смешной: в одном дорогом отеле богатые постояльцы собираются в столовой, предвкушают изысканный ужин. Но они еще не знают, что повар неожиданно скрылся в неизвестном направлении.

Персонаж. Любопытно... И что же, написали?

Дучинский. Да нет, так разговорами и кончилось. Правда, я потом по этому сюжету все-таки сделал водевиль. И назвал его: «За отсутствием... повара». Ну, как бы поклон знаменитому соавтору.

Семен. Ну да, у него в двух рассказах есть: «За отсутствием доктора».

Персонаж. А вот тут ошибка. «За отсутствием доктора» — в трех рассказах.

Семен. В трех?.. Третьего я не знаю.

Персонаж. Еще узнаете. Так что же с водевилем?

Дучинский. Водевиль я тогда отослал издателю Суворину.

Семен. И что же ответил вам Суворин?

Дучинский. Смешно!.. Посоветовал учиться у Чехова. А чему учиться-то? «Небо в алмазах»?.. «Я — Чайка, я — Чайка»?.. Или — «В Москву, в Москву»?.. Прямо зло берет! И я решил разгадать секрет его успеха. Четырнадцать лет рвался в эту самую Москву, к Чехову. И так позорно опоздал!.. Зато теперь поселюсь в его номере... В том самом номере, где он сочинял про своих нытиков, которых теперь все почитают «героями нашего времени»... Хотя, с другой стороны, я ведь тоже его «герой». Он меня довольно зло прохватил в своем «Острове Сахалине».

Семен. Между прочим, он и меня вывел в рассказе.

Дучинский. В каком это?

Семен. Рассказ называется «Мужики». Там описан коридорный лакей Николай Чикильдеев. Антон Павлович сам подтвердил, что списал его именно с меня.

Дучинский. Что говорить, «Мужики» — вещь сильная. Скажи, Семен, а как вообще Чехов с людьми общался? С тобой вот, с таким... как разговаривал, о чем?

Семен. Он один говорил со мной... просто, по-человечески, без гордости, без всякого, так сказать, свысока. А потом я стал читать его сочинения, и... словно совсем новый свет озарил меня.

Дучинский. Ишь как сказанул: «новый свет»... С кем я ни заговорю про него, все мне про какой-то свет твердят. Я им толкую: Чехов — самый жестокий писатель, самый безжалостный! Никого не щадит. А они — опять про какой-то свет!.. Впрочем, однажды... *(Персонажу.)* Третий рассказ «За отсутствием доктора» вы читали?

Персонаж. Нет. Знаю только, что рассказ неоконченный. А начинается он так: «За отсутствием доктора, уехавшего на Северный полюс...»

Дучинский *(после паузы)*. Я почему-то так и подумал.

Персонаж. Что подумали?

Дучинский. Дело в том... Как-то вечером стояли мы с Чеховым на берегу океана. Было холодно и очень ветрено. Шумел прибой, истошно кричали чайки... Так они кричат только на Сахалине... Чехов долго смотрел вдаль, а потом вдруг стал рассказывать мне странную историю. Какую-то прямо шекспировскую. *(Пауза.)*

Персонаж. Что же вы замолчали?

Семен. Какую историю?

Дучинский. Про экспедицию на Северный полюс. Громадный корабль затерли арктические льды. Все пассажиры обречены. А в небе полыхает северное сияние. И чего там только не было: и друзья-соперники, и безответная любовь, и дикая ревность, и даже стрельба... А в конце сюжета над этой ледяной равниной появляется белый призрак...

Персонаж. Что за призрак?

Дучинский. Призрак любимой женщины. Она скончалась далеко на родине, на материке, и только ее вольная душа скользит по арктическим льдам.

Семен. Вот это картина!

Дучинский. Вот-вот, я же говорю: Шекспир! И я вдруг увидел, будто воочию: страшный холод, люди обречены, но кто-то при этом безумно тоскует, страдает, ревнует... И на всех равнодушно изливается невероятный, неземной свет. Гм... Может, тот самый свет, который всем мерещится в Чехове?

Персонаж. И что же дальше?

Дучинский. Я был потрясен. Пришел домой и тут же записал весь рассказ. На другой день дал ему прочитать. Он сделал несколько исправлений, а в конце приписал: «С моих слов записано верно», поставил число и подпись. Потом уехал.

Персонаж. Где же этот текст?

Дучинский. У меня.

Персонаж. Покажите.

Дучинский. Не могу.

Семен. Почему? Только что вы сказали, что он у вас!

Дучинский. Да, у меня. В голове.

Персонаж. А тот... что Чехов подписал?..

Дучинский. Ту тетрадку я сжег.

Семен. Как это сожгли?

Персонаж. Почему?

Дучинский. С досады. Когда прочитал то, что он напечатал про меня.

Семен. Как жаль.. Сжечь такой сюжет!

Дучинский. Он не пропал. Я из него тоже сделал пьесу. Только у меня, в отличие от Чехова, главный герой выживает. Единственный.

Персонаж. Выживает... доктор?

Дучинский. Именно доктор. Как вы догадались?

Персонаж. Не важно. А у Чехова все погибают?

Дучинский. Абсолютно. У него — вообще одни трупы. Как у Шекспира. А моего героя спасают алеуты, он излечивает их вождя, они помогают ему добраться до Сахалина, и там он поднимает восстание. Как Гарибальди! Каков сюжет?! И вот эту пьесу я решил показать Чехову. Все точно рассчитал, и... опоздал. Всего-то на месяц! Но я его дождусь!..

Входит Ярцев.

Ярцев. Ого! А у нас, как я вижу, прибавление. (*Семену.*) Что, тоже писатель?

Семен. Нет, но весьма интересуется пятым номером.

Ярцев (*Персонажу.*) Простите, может быть, вы доктор?

Персонаж. Не исключено. Но в любом случае я — персонаж, как и остальные.

Ярцев. Гм, персонаж... Если уж на то пошло, то и я в вашей компании: у Чехова есть повесть «Три года», а в ней — ученый по фамилии Ярцев, к которому Антон Павлович явно питает симпатию. Но продолжим наш разговор. Так вам, господин Дучинский, как я понял, в литературе недостает сильных страстей. Тогда вот вам сюжет. Давайте-ка вместе и разыграем. Семен, попрошу текст рассказа «О драме». Семен — это наш коридорный мифотворец! Подозреваю, что воспоминания пишет. Что-нибудь такое: «Прогулки с Чеховым по коридору».

Семен подает переписанные роли.

Из рассказа А.П. Чехова «О Дrame»

Ярцев (*читает*). «Два друга, мировой судья Полуехтов и полковник генерального штаба Финтифлеев, сидели за приятельской закуской, пили кахетинское и рассуждали об искусствах». Давайте я — за Полуехтова, а вы — за Финтифлеева. Заодно и выпьем, как наши герои. (*Наливает*).

Дучинский. Да нет, я как-то...

Ярцев. Просто подчитайте. Там немного. Не робейте, вы же революционер!

Дучинский. При чем тут это?

Ярцев. При том, что революционер не может не быть лицедеем: спрятаться, уйти в подполье, бежать из тюрьмы, изменить голос, внешность... Ну-ка, для храбрости!

Дучинский. Гм... Что ж, давайте попробуем. *(Выпивают.)*

Полухтов (Ярцев). Молодость провел я среди артистов, сам пописывал и многое понимаю... Знаешь, я не художник, не артист, но у меня есть нюх этот, чутье! Сердце есть! Сразу, брат, разберу, ежели где фальшь или неестественность. Меня не надуешь, будь ты хоть Сара Бернар или Сальвини! Сразу пойму, ежели что-нибудь этакое... фокус какой-нибудь.

Финтифлеев (Дучинский). Что драма наша, как ты говоришь, пала, это верно. Сильно пала!

Полухтов. Конечно! Да ты сам посуди, Филя! Нынешний драматург и актер стараются быть жизненными, реальными... На сцене ты видишь то, что ты видишь в жизни... А разве нам это нужно? Нам нужна экспрессия, эффект! Жизнь тебе и так уж надоела, ты к ней пригляделся, привык, тебе нужно такое... чтобы все твои нервы повыдергало, внутренности переверотило! Прежний актер говорил неестественным гробовым голосом, бил себя кулачищем по груди, орал, сквозь землю проваливался, но зато он был экспрессивен! Он говорил о долге, о гуманности, о свободе. В каждом действии ты видел самоотвержение, подвиги человеколюбия, страдания, бешеную страсть! А теперь?! Теперь, видишь ли, нам нужна жизненность... Глядишь на сцену и видишь... поганца какого-нибудь... жулика... А сегодня считают этого паршивца героем!.. А я бы, попадись он мне в мою камеру, взял бы его, прохвоста, да, знаешь, не по статье, а по внутреннему убеждению, месяца этак на три, на четыре!..

Входит Дама, что-то шепчет на ухо Полухтову, указывая на дверь.

Сейчас, душенька *(целует ей руку)*. Пойдем. Извини, Филя, я оставлю тебя на секундочку.

Полухтов и Дама выходят в дверь. Оттуда раздаются странные звуки. Детский голос о чем-то умоляет. Потом — визг и раздирающий душу рев: «Дяденька, я не буду!.. Голубчикек, я не буду! А-я-я-яй!!! Родненький, не буду!»

Полухтов возвращается.

Финтифлеев. Что это у тебя сейчас было?

Полухтов. Сестра просила посечь мальчишку. «Двойку» по греческому получил.

Финтифлеев. А ты чем порешь?

Полухтов. Ремнем... самое лучшее... Ну так вот... на чем я остановился? Да. Прежде, бывало, сидишь в кресле, глядишь на сцену и чувствуешь! Сердце твое работает, кипит! Ты слышишь гуманные слова, видишь гуманные поступки... видишь, одним словом, прекрасное и... веришь ли?.. я плакал! Бывало, сижу

и плачу, как дурак. «Чего ты, Петя, плачешь?» — спрашивает, бывало, жена. А я и сам не знаю, отчего я плачу... На меня, вообще говоря, сцена действует воспитывающее... Да, откровенно говоря, кого не трогает искусство? Кого оно не облагораживает? Кому, как не искусству мы обязаны присутствием в нас высоких чувств, каких не знают дикари, не знали наши предки! У меня вот слезы на глазах... Это хорошие слезы, и не стыжусь я их! Выпьем, брат! Да процветают искусства и гуманность!

Финтифлеев. Выпьем... Дай бог, чтоб наши дети так умели чувствовать, как мы... чувствуем.

Ярцев. Примите поздравления с дебютом!

Семен. Очень убедительно. А в конце даже с пафосом! Bravo!

Дучинский. Да полно... А мальчишку страсть как жалко. Свое детство вспомнил.

Семен. Антона Павловича в детстве тоже нещадно драли.

Персонаж. Скажи-ка, Семен, он тебе случаем не пояснил, почему это всегда останавливается исключительно в пятом номере?

Семен. Да кто ж его знает... Может, потому, что номер угловой, светлый, в два окна... Потом, вид-то какой: Кремль, Манеж, Иверская Божья мать...

Персонаж. Гм. Но не может быть, чтобы писатель как-нибудь не проговорился. Нет ли у него еще таких рассказов, чтобы в гостинице дело происходило?

Дучинский. А вот меня интересует, что же за таинственный постоялец сейчас в пятом номере? Когда наконец он выйдет и начнется приборка? Битый час прошел.

Ярцев. Думаю, уже совсем скоро. Тс-с...

За ширмой звучит романс «Только раз бывают в жизни встречи...»

Из-за ширмы выходят Колпаков и Паша.

Из рассказа А.П. Чехова «Хористка»

Колпаков. Пашенька, милая, тяни ноту. Это тебе не в хоре молча рот разевать! Теперь умница! Вот тебе за это пирожок.

Паша. Сладенький? Коленька! Какой же ты у меня милый и смешной! *(Целует.)*

Звонок. Колпаков прячется за ширму.

Паша. Кто это может быть?

Входит Колпакова

Паша. Что вам угодно?

Колпакова. Мой муж у вас?

Паша. Какой муж... Какой муж?!

Колпакова. Мой муж — Николай Петрович Колпаков.

Паша. Не... нет, сударыня... Я... я никакого мужа не знаю.

Колпакова. Так его, вы говорите, нет здесь?

Паша. Я... я не знаю, про кого вы спрашиваете.

Колпакова. Гадкая вы, подлая, мерзкая... Очень рада, что наконец могу высказать вам это! Где мой муж? Впрочем, здесь он или нет, мне все равно, но должна я вам сказать, что обнаружена растрата и Николая Петровича ищут... Его хотят арестовать. Вот что вы наделали! Сегодня же его найдут и арестуют. Я знаю, кто довел его до такого ужаса! Гадкая, мерзкая! Отвратительная, продажная тварь! Я бессильна... слушайте вы, низкая женщина!.. я бессильна, вы сильнее меня, но есть кому вступить за меня и моих детей! Бог все видит! Он справедлив! Он взыщет с вас за каждую мою слезу, за все бессонные ночи! Будет время, вспомните вы меня!

Паша. Я, сударыня, ничего не знаю.

Колпакова. Лжете вы! Мне все известно! Я давно уже знаю вас! Я знаю, в последний месяц он просиживал у вас в номере каждый вечер!

Паша. У меня бывает много гостей, но я никого не неволю. Вольному воля.

Колпакова. Я говорю вам: обнаружена растрата! Он растратил на службе чужие деньги! Ради такой... как вы он решился на преступление. Послушайте, у вас не может быть принципов, вы живете для того только, чтоб приносить зло, но нельзя же думать, что у вас не осталось и следа человеческого чувства! У него есть жена, дети... Если его осудят и сошлют, то я и дети умрем с голода... Поймите вы это! А между тем есть средство спасти его и нас от нищеты и позора. Если я сегодня внесу девятьсот рублей, то его оставят в покое. Только девятьсот рублей!

Паша. Какие девятьсот рублей? Я... я не знаю... Я не брала.

Колпакова. Я не прошу у вас девятисот рублей... у вас нет таких денег, да и не нужно мне вашего. Я прошу другого... Мужчины обыкновенно таким, как вы, дарят драгоценные вещи. Возвратите мне только те вещи, которые дарил вам мой муж!

Паша. Сударыня, они никаких вещей мне не дарили!

Колпакова. Где же деньги? Он растратил свое, мое и чужое... Куда же все это девалось? Послушайте, я была возмущена и наговорила вам много неприятного. Вы должны меня ненавидеть, я знаю, но если вы способны на сострадание, то войдите в мое положение! Умоляю вас, отдайте мне вещи!

Паша. Я бы с удовольствием, но, накажи меня бог, они ничего мне не давали. Впрочем, правда ваша: они как-то привезли мне две штучки. Извольте, я отдам, ежели желаете... *(Достает дутый браслет и колечко с рубином.)* Извольте!

Колпакова. Что вы мне даете? Я не милостыни прошу, а того, что принадлежит не вам... что вы, пользуясь вашим положением, выжали из моего мужа... слабого, несчастного человека... В четверг, когда я видела вас с мужем на пристани, на вас были дорогие броши и браслеты. Стало быть, нечего разыгрывать передо мной невинного барашка! Я в последний раз прошу: дадите вы мне его вещи или нет?

Паша. Какие вы, ей-богу, странные... Заверяю вас, что от вашего Николая Петровича я, кроме этой браслеты и колечка, ничего не видела. Они привозили мне только сладкие пирожки.

Колпакова. Сладкие пирожки... Дома детям есть нечего, а тут сладкие пирожки. Вы решительно отказываетесь возвратить вещи? *(Села, уставясь в одну точку.)* Что же теперь делать? Если я не достану девятисот рублей, то он погиб, и я с детьми погибла. Убить эту мерзавку или на колени стать перед ней, что ли? *(Рыдает.)* Я прошу вас! Вы же ведь разорили и погубили мужа, спасите его... Вы не имеете к нему сострадания, но дети... дети... Чем дети виноваты?

Паша. Что же я могу сделать, сударыня? Вы говорите, что я мерзавка и разорила Николая Петровича, а я вам, как перед истинным богом... заверяю вас, никакой пользы я от них не имею... В нашем хоре только у одной Моти богатый содержатель, а все мы перебиваемся с хлеба на квас. Николай Петрович образованный и деликатный господин, ну, я и принимала. Нам нельзя не принимать.

Колпакова. Я прошу вещи! Вещи мне дайте! Я плачу... унижаюсь... Извольте, я на колени стану! Извольте!

Паша. Хорошо, я отдам вещи! Извольте. Только они не Николая Петровичевы... Я их от других гостей получила. *(Достает брошку с алмазами, коралловую нитку, несколько колец, браслет.)* Возьмите, ежели желаете, только я от вашего мужа никакой пользы не имела. Берите, богатейте! А ежели вы благородная... законная ему супруга, то и держали бы его при себе. Я его не звала, он сам пришел...

Колпакова *(сквозь слезы).* Это не все... Тут и на пятьсот рублей не будет.

Паша *(вышвыривает золотые часы, портсигар и запонки).* А больше у меня ничего не осталось... Хоть обыщите!

Гостья завернула вещи в платочек и, даже не кивнув головой, вышла.

Из двери вышел Колпаков.

Какие вы мне вещи приносили? Когда, позвольте вас спросить?

Колпаков. Вещи... Пустое это — вещи! Боже мой! Она перед тобой унижалась...

Паша. Я вас спрашиваю: какие вы мне вещи приносили? *(Ложится и плачет.)*

Колпаков. Боже мой, она, порядочная, гордая, чистая... даже на колени хотела стать перед... перед этой девкой! И я довел ее до этого! Я допустил! *(Стонет.)* Нет, я никогда не прощу себе этого! Не прощу! Отойди от меня прочь... дрянь! Она хотела стать на колени и... перед кем? Перед тобой! О, боже мой!

Колпаков уходит. Паша ложится и плачет. Свет меняется.

Уже другой голос продолжает романс «Только раз...»

Ярцев. Замечательно! Bravo!

Дучинский *(аплодируя)*. Восхитительно!

Семен. Вот это театр!..

Колпаковы выходят на поклонь.

Паша лежит. К ней подходит Персонаж.

Персонаж. Прямо Офелия... Четыре века миновало, а мне все мерещится...

Ярцев. Что-то не так? Вас не устроил сюжет?

Персонаж. Да нет... Что говорить, сюжет вечный. Но не тот. Не мой...

Семен. Это бывает... Пока автор жив, тут сохраняется дух его персонажей...

Персонаж. Пока автор жив... Дух его персонажей... И вы во все это верите?

Семен. Да ведь как сказать? Оно, может, так и есть... Я и сам иногда что-то такое замечаю... Особенно по ночам. Только боюсь, как бы ненароком не свихнуться.

Ярцев. Немудрено. За отсутствием доктора Чехова.

Семен. Позвольте... Кажется, такой разговор недавно у меня уже с кем-то был...

Персонаж. Дежа вю.

Семен. Чево-с?

Персонаж. Я говорю: все когда-то уже было. И авторы были, и персонажи в поисках авторов. Помогите ей.

Семен уводит плачущую Пашу.

Ярцев (*Дучинскому*). Вот и скажите мне после этого, кто тут прав, кто виноват? И что хотел сказать автор? И кого должна покарать революция?

Дучинский. Не надо... Я не так глуп, как кажется. (*Смотрит на часы.*) Семен!

Входит Семен

Семен. Вызывали?

Дучинский. Это похоже на издевательство!.. Когда наконец освободится мой номер? Я уже сомневаюсь, что там кто-то есть!.. (*Порывается войти в № 5.*)

Семен (*заслоняет собою дверь*). Простите великодушно, но сейчас вам туда никак нельзя!..

Дучинский. Почему, черт возьми?..

Семен. Потому что еще не время.

Дучинский. А если я все-таки войду?

Ярцев (*значительно*). Боюсь, сами будете... сожалеть.

Дучинский. Ну, хорошо. (*Смотрит на часы.*) Пять минут еще есть.

Ярцев. Как раз на один маленький сюжет. Разыграем — и все. Обещаю.

Дучинский. Но учтите, я уже на пределе.

Ярцев. Это быстро. Семен, раздай текст рассказа «Марья Ивановна» господину Дучинскому и... (*Смотрит на Персонажа.*) Да нет, от автора, пожалуй, я сам.

Из рассказа А.П. Чехова «Марья Ивановна»

Ярцев. В роскошно убранной гостиной, на кушетке, обитой темно-фиолетовым бархатом, сидела молодая женщина лет двадцати трех. Звали ее Марьей Ивановной.

Дучинский. Какое шаблонное, стереотипное начало! Вечно эти господа писатели начинают роскошно убранными гостиными! Читать не хочется!

Ярцев. Извиняюсь перед читателем и иду далее. Перед дамой стоял молодой человек лет двадцати шести, с бледным, несколько грустным лицом.

Дучинский. Ну, вот, вот... Так я и знал. Молодой человек и непременно двадцати шести лет! Ну, а дальше что? Известно, что... Он попросит поэзии, любви, а она

ответит прозаической просьбой купить браслет. Или же наоборот, она захочет поэзии, а он...

Ярцев. Но все-таки я продолжаю. Молодой человек не отрывал глаз от молодой женщины и шептал: «Я люблю тебя, чудная, даже и теперь, когда от тебя веет холодом могилы!»

Дучинский. Черт подери! Угощаете публику разной чепухой, роскошно убранными гостиницами да какими-то Марьями Ивановнами с могильным холодом! Лучше не пишите!

Ярцев. В таком случае, чем прикажете наполнять номера газет и журналов? Не теми ли произведениями, которые ежедневно пудами приходят в редакции? Если бы мы послушались вашего «не пишите», то тогда хоть закрывай всю текущую литературу. А ее нельзя закрывать ни на один день, читатель. Хотя она и кажется вам маленькой и серенькой, но все же она есть и делает свое дело. Без нее нельзя... Ведь, если мы, профессиональные литераторы, так сказать, литературные поденщики, уйдем и оставим наше поле хоть на минуту, то нас тотчас же заменят дилетанты: плохие профессора, плохие адвокаты да юнкера, описывающие свои любовные похождения. Так что я должен писать, как могу и как умею, ни на минуту не переставая. Нас мало, нас можно пересчитать по пальцам. А где мало служащих, там нельзя проситься в отпуск, даже на короткое время.

Дучинский. Но все-таки могли бы хоть сюжет избрать посерьезнее! Ну что толку в этой Марье Ивановне, право?..

Ярцев. Но позвольте, однако, закончить рассказ. Долго стоял молодой человек перед прекрасной женщиной. Наконец он снял сюртук, стащил с себя сапоги и прошептал: «Прощай, до завтра!» Затем растянулся на диване и укрылся плюшевым одеялом.

Дучинский. При даме? Да это чушь! Это возмутительно! Городовой, цензура!

Ярцев. Да постойте, не спешите, строгий, глубокомысленный читатель. Дама в роскошно убранной гостиной была написана масляными красками на холсте и висела над диваном. Вот теперь можете возмущаться сколько угодно.

Дучинский. И как это терпит бумага?!.. Если печатают такой вздор, то очевидно, потому что нет более ценного материала. Это очевидно.

Ярцев. Так что ж вы медлите, читатель? Садитесь поскорее, излагайте ваши глубокие, великолепные мысли, напишите три пуда и пошлите в редакцию. И вам все это возвратят назад.

Дучинский. Что, и это все?

Ярцев. Ну да. И на этом наша сегодняшняя культурная программа исчерпана. Семен, пожалуйста, проверь состояние номера пять. Надеюсь, уборка закончена.

Семен, постучавшись, входит в № 5.

Дучинский. Напоследок объясните смысл фразы Чехова: «Если в первом акте на стене висит ружье, то в третьем оно непременно должно выстрелить».

Ярцев. Думаю, это закон сцены. Впрочем, это относится не только к ружьям. Иные персонажи таскают в карманах револьверы, но не знают, в кого стрелять. В таком случае это — драма. А уж если персонаж прозревает...

Дучинский. То есть находит врага?.. Ну, ну... Что тогда?

Персонаж. У Чехова он чаще всего стреляет в самого себя. Тогда выходит классическая трагедия.

Ярцев. Впрочем, автор по ряду соображений вправе назвать пьесу как угодно, даже комедией.

Персонаж. Да вот, например. *(Передает револьвер Дучинскому.)* Берите и радуйтесь. Но постарайтесь больше не терять.

Дучинский. Благодарю. Как же это я...

Ярцев. Желаю вам никогда им не воспользоваться.

Семен выходит из № 5.

Семен. Все чисто.

Ярцев *(Дучинскому)*. Ну вот, видите? Теперь можете занимать номер.

Дучинский. Слава богу, дождался. *(Двинулся к № 5.)*

В № 5 раздается выстрел.

Ярцев стремительно заходит в № 5, но тут же возвращается.

Что это было? Выстрел?

Ярцев. Как говорил коллега Дорн, в походной аптечке лопнула склянка с эфиром.

Семен. Вот чего мы боялись. *(Уходит в № 5.)*

Дучинский. Что случилось?

Ярцев. Сейчас сами все поймете. *(Уходит в № 5.)*

Дучинский *(Персонажу)*. Вы что-нибудь понимаете?

Персонаж. Пока не очень.

Звучит марш Шопена. Петр и Павел из-за ширмы пробегают в № 5.

Семен выдвигает стол на середину. Петр и Павел выносят носилки.

На них — контур человеческого тела, накрытого белой простыней.

Носилки торжественно водружают на стол.

Ярцев (Дучинскому). Вот теперь номер окончательно свободен.

Семен. Можете заселяться.

Дучинский. Как это прикажете понять?..

Ярцев. А вы до сих пор не поняли? Дело в том, что в пятом номере выживают только настоящие писатели. Впрочем, дверь открыта. Входите, если уверены...

Дучинский. Нет уж... Увольте. Я, пожалуй, отправлюсь на другой этаж.

Ярцев. Заметьте, это ваш свободный выбор.

Дучинский. Я все понял. Спасибо за науку. Стало быть, похороны графомана.

Петр и Павел снимают простыню. На носилках — сервированный стол.

Первая дама. Ну, что? За здоровье Антона Павловича! И диагноз поставил, и лекарство прописал. Все в лучшем виде.

Персонаж. Если так пойдет и дальше, то в этот номер никто не поселится.

Ярцев. И славно. Не может же каждый месяц появляться настоящий писатель.

Все наливают, чокаются, пьют.

Семен. Я вот что думаю: этот рассказ был написан здесь, в пятом номере.

Ярцев. Из чего ты это заключаешь?

Семен. Из того, что там, аккуратно над диваном, висит такая картина.

Ярцев. Ну да, висит. И что из этого?

Персонаж. Ффу-у... Вот вам и отгадка.

Дучинский. Вы о чем?

Персонаж. Это же банальная литературная мистификация. Не исключено, что за этой картиной скрыты какие-то чеховские сюрпризы.

Дучинский. Вот это поворот!

Ярцев. Семен, посмотри. Вдруг правда, за картиной что-нибудь...

Семен уходит в № 5.

Дучинский (*Ярцеву*). На прощанье откройтесь. Кто же вы на самом деле?

Ярцев. Странная у меня должность. И трудная. Я отвечаю за судьбы чеховских персонажей. Особенно безнадзорных.

Дучинский. В каком смысле?

Ярцев. В смысле их психической вменяемости.

Дучинский. Вы — психиатр?

Ярцев. Я был сотрудником психиатрической клиники в Покровском-Мещерском. (*Достаёт письмо.*) В письме к Суворину Чехов писал: «В 17 верстах от меня есть небольшой театр, освещаемый электричеством. Это в клинике профессора Яковенко. Сюда 4 июня соберутся доктора со всей губернии, около 100 человек, не считая членов их семейств. Будут разыграны мои водевили “Предложение” и “Медведь”. В дальнейшем хочу поставить здесь свою новую драму, в которой уже согласилась участвовать известная московская актриса О.М. Озерова».

Дучинский. Что?.. Театр в сумасшедшем доме?

Ярцев. А почему бы нет? Профессор Яковенко, считает, что театротерапия — это прогрессивный и эффективный метод возвращения больных к нормальной жизни.

Дучинский. Тогда еще вопрос. Как узнать: кому надо писать, а кому не стоит?

Ярцев. Для этого надо выработать вкус. Чтобы не ошибиться. А то один автор заявил, что пишет не хуже Чехова. Знаете, что про него сказал Григорович?

Дучинский. Любопытно, что?

Ярцев. Григорович выразился так: «Да он не достоин поцеловать след той блохи, которая укусит Чехова».

Дучинский. А что на это сам Чехов?

Ярцев. А Чехов, узнав про паломничество в свой пятый номер, попросил нас по возможности помочь этим страждущим. Что, по мере сил, мы и делаем.

Входит Семен с пачкой бумаг и какими-то табличками.

Дучинский. Ну что? Есть?

Семен. Вот... Кто бы подумал! Тексты я разобрал. Но тут целая пьеса... И уже по ролям. И еще какие-то таблички...

Персонаж. Дай-ка... *(Берет бумаги.)* Здесь явно не хватает одного листка... *(Достаёт из книги листок.)* Вот он. Теперь здесь точно все. И называется это сочинение «В Москве».

Дучинский. Раньше все: «В Москву, в Москву!» Вот и приехали — уже в Москве.

Персонаж *(разглядывает таблички).* Горацио. Офелия. Гамлет. *(В зал.)*

Выходит, он придумал пьесу,
Ту самую, что мне необходима!

Ярецв *(Семену).* Надо принести пюпитры и разложить роли. А я буду раздавать таблички. Начнем, конечно с дам.

«Гертруда». *(Даме.)* Разумеется, это Вы, Гликерия Львовна.

«Офелия». *(Барышне.)* Это Наденька, кто же еще.

«Клавдий». Тут, я думаю, справится только господин Дучинский.

«Полоний». *(Семену.)* Это точно вы, Семен Ильич.

«Горацио». Верный друг Гамлета. Значит, это мое.

«Розенкранц» и «Гильденстерн». Это, конечно, Петр и Павел.

«Гамлет». *(Персонажу.)* Тут у меня нет выбора. Рискните.

Участники вешают таблички на грудь и становятся к пюпитрам.

Петр и Павел выносят гитару, бубен, дудку, трещотку и проч.

Последующий текст сопровождается их же музыкой.

По рассказу А.П. Чехова «В Москве»

Персонаж-Гамлет *(вешает себе на грудь табличку «Гамлет»).*

Я — московский Гамлет.
Я играю роль в какой-то пьесе,
Но содержания ее не знаю...

Офелия. Ах, все это «слова, слова, слова...»

Гертруда.

В Москве он ходит по театрам,
По ресторанам и редакциям,
Гостиницам, притонам и домам

И всюду говорит:

Гамлет. Кругом такая скука!..

Клавдий. Ему сочувственно все отвечают:

Полоний, Гертруда. Действительно, ужасно скучно.

Горацио. Но это днем и вечером.

Гамлет. А ночью я припоминаю, как неделю тому назад в одном доме, когда я стал спрашивать, что мне делать от скуки, какой-то господин сказал раздраженно:

Клавдий. Ах, возьмите вы кусок телефонной проволоки и повесьтесь вы на первом попавшемся телеграфном столбе! Больше вам ничего не остается!

Гамлет. И всякий раз ночью сдается мне, что я начинаю понимать, отчего мне так скучно.

Розенкранц. Начать с того, что он ровно ничего не знает.

Клавдий. Когда при нем говорят о театре и современной драме, он ничего не понимает, но не затрудняется с ответом:

Гамлет. «Так-то так, господа... Но идея же где? Где идеалы?»

Клавдий. Или же, вздохнув, восклицает:

Гамлет. «О, бессмертный Мольер, где ты?!»

Розенкранц. Есть еще какой-то Лопе де Вега.

Гамлет. Никогда его не читал.

Гильденстерн. Кажется, датский драматург.

Гамлет. Так вот я и им иногда ошарашиваю публику. «Скажу вам по секрету: эту фразу Кальдерон позаимствовал у Лопе де Веги...» И все мне верят...

Гильденстерн. Оттого, что он ничего не знает, он совершенно некультурен.

Розенкранц. Принц, москвичи жалуются, что в Москве была одна только порядочная картинная галерея, да и ту закрыл Третьяков.

Гильденстерн. Не закрыл, а открыл!

Гамлет. Открыл... Закрыл... Ну и пусть себе.

Горацио. Как вас понять, принц?

Гамлет. Есть многое такое, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам.

Офелия. Девицы и дамы, с которыми он знаком, также необыкновенно умны.

Гамлет. Да, каюсь, была у меня она. Помню наше объяснение в любви. Она сидит на диване. Губы сердечком. Беру за талию — корсет хрустит; целую в щеку — щека соленая.

Полоний. Она сконфужена, ошеломлена и озадачена...

Офелия. О нет, никогда! Оставьте меня! Я предлагаю вам свою дружбу!

Гамлет. Но я говорю, что мне мало одной дружбы...

Горацио. Тогда она кокетливо грозит пальцем и говорит:

Офелия. Я буду любить вас, но с условием, что вы будете высоко держать знамя.

Гамлет. И когда я держу ее в своих объятиях, она шепчет:

Офелия. Будем бороться вместе...

Гамлет. И я бегу! Бегу! Мой роман летит к черту, а она, умная, презирающая, всюду ходит и пищит про меня:

Офелия. Он изменил своим убеждениям!

Клавдий. Еще одна причина скуки — его неистовая, чрезмерная зависть.

Розенкранц. Когда ему говорят, что пьеса такого-то имела успех, то глаза его начинают косить.

Клавдий. Итак, ничего не знающий, некультурный, очень умный и важный, косой от зависти, с громадной печенкой, желтый, серый, плешивый, бродит он по Москве из дому в дом, задает тон жизни.

Розенкранц. И всюду вносит что-то желтое, серое, плешивое...

Гертруда. Боюсь, не сегодня-завтра заболеет инфлуэнцей и умрет, и потащат его на Ваганьково...

Гамлет. Да, я гнилая тряпка, дрянь, кислятина, я московский Гамлет. Тащите меня на Ваганьково! А лучше отправьте меня на Северный полюс, или забросьте прямо на Луну.

Розенкранц. Придет время — и на Северный полюс отправим,

Гильденстерн. И на Луну забросим.

Розенкранц, Гильденстерн (*вместе*). Не сомневайтесь.

Гамлет. И все-таки, отчего же так мучительно скучно?..

Клавдий. Возьми кусок телефонной проволоки и повесься на телеграфном столбе! Больше тебе ничего не остается!

Офелия. Но вспомните: ведь он играет роль...

Офелия уходит.

Дучинский–Клавдий. Это все?

Персонаж–Гамлет (*перевернул листок*). Нет, тут еще что-то. (*Читает.*) «Мнение профессора: не Шекспир главное, а примечания к нему». Что ж, не так уж и не прав профессор. Шекспир — все еще большая загадка. (*Передает листок.*)

Ярцев–Горадио. Впрочем, как и Чехов. (*Читает.*) Самолюбие и самомнение у нас европейские, а поступки азиатские. Если бы я совлек с себя азиата, то мог бы бороться с невежеством, развратом и со всякою мерзостью, которая так мешает нам жить; мог быть скромным, приветливым, радушным; мог бы изучить и полюбить европейскую культуру, ремесла, гигиену; я мог бы уменьшить процент смертности; я мог бы искренно радоваться чужому успеху, так как всякий, даже маленький, успех есть уже шаг к счастью и правде. Мог бы...

Входит Офелия с телеграммой в руках.

Персонаж. Что тебе, Офелия?..

Офелия. Я чайка... Нет, не то... Вот телеграмма.

Персонаж (*вскрывает телеграмму, читает, возвращает Офелии*).

Все рухнуло! Я вновь осиротел.
Но тень отца — мой вечный жребий!
Пущусь опять бродить по свету,
Чтоб обрести свой подлинный сюжет,
И автора, который жив покуда.

Офелия, иди в монастырь. Иди и помни обо мне. Ведь я... как сорок тысяч братьев...

Офелия. Я знаю, принц.

Персонаж уходит в № 5. Звук лопнувшей струны. Семен бросается в № 5.

Горадио. Он был московский Гамлет.

Теперь скажите мне: зачем
Ему нужны виденья после смерти,
Когда при жизни посещают нас
Виденья не в пример страшнее?..

Входит Семен.

Семен. Там никого нет.

Ярцев. Как это нет?

Дучинский. Бред какой-то. Он, ведь, только что...

Семен. Было же сказано: пока автор жив...

Дучинский. А что за телеграмма? Кому?

Офелия. Бычкову. Семену Ильичу.

Семен (*читает телеграмму*). «Извещаем вас, что сегодня, 2 июля 1904 года, в Германии, в городе Баденвейлере, скончался русский писатель Антон Чехов».

Входит Персонаж, он в длинном пальто и шляпе.

Персонаж. Шекспир. «Гамлет». Пятый акт. Финал. Фортинбрас со свитой.

Пусть Гамлета к помосту отнесут,
Как воина, четыре капитана.
Будь он в живых, он стал бы королем
Заслуженно. Переносите тело
С военной музыкой, по всем статьям
Церемоньяла.
Скомандуйте дать залп.

Звук лопнувшей струны.

КОНЕЦ

ЕЛЕНА МАНН

ЧЕХОHtech

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Антон Чехов/Чехонте — 24–27 лет.

Николай Лейкин — за 40 лет.

Александр Амфитеатров — 22 года.

Номер Лейкина:

Лев Самоглот-Загребаев — 40 лет.

Лариса Самоглот-Загребаева — 35 лет.

Николай Самоглот-Загребаев — 23 года.

Приказчик — 60 лет.

Сонечка Бучкова — 25 лет.

Кинд, Сыроедов — диктор новостей.

Мария Чехова — 21 год.

Николай Чехов — 26 лет.

Мария Киселева — около 40 лет.

Янова — молодая девушка (тень).

Мать Яновой (тень).

В эпизодах роли без слов: танцовщицы салона — 8–10 человек, отец — Павел Егорович, мать — Евгения Яковлевна, братья Михаил, Иван, Александр, массовка: родственники, гости, репортеры, прохожие, пациенты, конференсье (голос).

Пьеса создана по документальным материалам (с некоторыми авторскими допущениями) и охватывает период жизни великого писателя с 1884 по 1887 г.

Сцена 1.

Москва. Время, как известно, плоский круг, поэтому оно очень условно (1884–1887). Место действия — комеди-салон «Осколки» (надпись неоновая «Осколки»).

Антураж клуба-ресторана-салона, за столиками сидят, выпивают, едят люди. Свет приглушен. Выходит упитанный молодой мужчина — поэт Александр Амфитеатров. Одет по последней моде. На нем жилет на голое тело, галстук-бабочка, манжеты, мешковатые джинсы. Волосы ниспадают на его лицо, он приглаживает их уверенным движением руки. Амфитеатров встает перед микрофоном в луче света.

Амфитеатров *(выразительно шепотом).*

Наш век — таинственный и пестрый маскарад, —

Такого не найти ни в песне нам, ни в сказке! —

Где ум давно надел дурачества наряд,

А глупость с важностью гуляет в умной маске!

(Громко.) Дамы и господа! Рад приветствовать вас снова в самом либеральном из юмористических и самом юмористическом из либеральных комеди-салонов «Оооооосколкиииииии!»

Оглушающе гремит музыка танца Cake Walk в современной аранжировке, ослепляюще вспыхивает свет, публика взрывается овациями, вскакивает с мест, присвистывает. Выходит группа девушек-танцовщиц танцевать нечто среднее между Cake Walk и канканом (впрочем, без откровенной пошлости), на головах шапокляки. Одеты в блестящие топы, на шее бабочки-галстуки, обтягивающие кожаные брюки, каблуки. Пританцовывая, выходит Лейкин. Прилизанный и «скользкий». Одет по последней мужской моде (жилет на голое тело, галстук-бабочка, джинсы, манжеты, но все ужасно в кричащих цветах, фриково). Делает несколько смелых и вызывающих па с танцовщицами. Амфитеатров и Лейкин совместно с танцовщицами также делают пару симметричных движений. Танец заканчивается. В финале танца танцовщицы срывают со своих голов шапокляки и подкидывают вверх. Публика бурно приветствует обоих.

Счастлив представить вам! Наш главный продюсер Николай Лейкин! Прошу!

Лейкин *(довольно высоким тенорком).* Добрый вечер, друзья! Александрrrrrr Амфитеатрррров!

Амфитеатров. Краткий роман в документах «Самоглот-Загребаевы», Николай Лейкин.

Лейкин. Благодарю-с.

Танцовщицы и Амфитеатров удаляются со сцены.

На сцену тем временем выносят письменный стол со стулом. На столе много документов, разбросанных хаотично, калькулятор. Лейкин садится за стол и в роли Льва Самоглот-Загребаева участвует в сценке по своему произведению.

Номер Лейкина. Важным является динамичное прочтение ролей актерами, краткие письма-сценки должны отыгрываться одно за другим словно друг за другом поступающие смс-сообщения. Соответственно, красноречиво должно нарастать напряжение для Льва Самоглот-Загребаева.

Лев Самоглот-Загребаев сидит и озабоченно почесывает затылок. Что-то записывает, считает на калькуляторе, читает документы. Быстрым и нетерпеливым шагом входит Лариса Самоглот-Загребаева — жена.

Лариса Самоглот-Загребаева (обращается к мужу, но смотрит в зал. Говорит взволнованно). Пишу тебе это письмо, неисчерпаемо добрый Лев Викторович, и сгораю от стыда за свой прошлый грех. Простите вашу блудную жену и позвольте ей по-прежнему поселиться под одним с Вами кровом. Увлечения мои кончились печально. Мне скоро сорок лет, а я говорю об увлечениях! Ненавистный Вам человек теперь и мне ненавистен. Я навсегда покончила с ним. Он оказался мерзавцем. Я бросила его в Гамбурге, переехала в Ниццу и на днях еду в Петербург. Я в нищете. Больше писать не смею... Умоляяю...

Лев Самоглот-Загребаев (зло, обиженно, сквозь зубы). Лариса Петровна... Приезжайте и живите в моем доме... Но простить вас я пока не могу. Мерзавец Заксмиллер слишком еще жив в моей памяти. Шлю переводом через банкира триста рублей.

Лев Самоглот-Загребаев ставит печать на документе. Лариса Самоглот-Загребаева, вырвав бумагу чуть ли не из-под руки мужа, отходит поодаль, ближе к авансцене и украдкой записывает голосовое сообщение на смартфон.

Лариса Самоглот-Загребаева. ...В Париже Вы ничто, а в Петербурге вы можете сделать себе карьеру. Вспомните меня и приезжайте. Нам нужен для детей гувернер-француз. Муж не может предоставить вам большого жалованья, но 1000 р. в год вы получать будете. Да и жить у нас на всем готовом. Приехав, вы не должны показывать вида, что мы были знакомы раньше...

Входит приказчик.

Приказчик. Счет ее превосходительству Ларисе Петровне Самоглот-Загребаевой из магазина торгового дома Баволе...

Лариса Самоглот-Загребаева (шикает на него, чтобы говорил тише, забирает счет, прогоняет приказчика. Прищурившись, бегло читает счет, бормочет и возмущается). Так-так-так... цветы на платье — 78 р.! Шубка ...

с соболями — 730... Осталось доплатить 3750 рублей 50 копеек?! Грабеж, право, грабеж какой-то!... (Уходит.)

Лев Самоглот-Загребаев прислушивается, присматривается к жене, привстает со стула. Но тотчас входит Сонечка Бучкова — энергичная молодая дамочка, обращается к нему обиженно. Тот вздрагивает и сжимается от каждого ее слова.

Сонечка Бучкова. Вы, Лев Викторович, не являетесь ко мне более недели и забыли ваши обязанности! Ко мне пристают извозчик, портниха... Прислуга требует жалованье... Управляющий ходит каждый день и просит, наступи на горло, уплаты за квартиру. И вы еще после этого смеете меня ревновать! Приезжайте завтра же и привезите денег, иначе поссоримся! (Убегает.)

Вбегает сын Николай, обращается ко Льву Самоглот-Загребаеву. Тот, увидев его, машет на него руками.

Николай Самоглот-Загребаев. Добрый папаша! Не знаю, как и просить вас... Я в ужасном положении. Я поставил чужой бланк на векселе, и 7 ноября срок... Спасите... вышлите тысячу рублей... Не погубите ваше и вашего сына доброе имя. Я пробовал перехватить у товарищей по полку, но у всех безденежье полное, поэтому бога ради поспешите. Ваш покорный сын Николай.

Лев Самоглот-Загребаев активно отмахивается от наследника. Не получив ответа, Николай обиженно уходит.

Лев Самоглот-Загребаев (вскакивает, прохаживается из стороны в сторону словно разъяренный лев (записывает аудиосообщение на смартфоне)). Французскому подданному Анри Тюрбо. Вещи Ваши вышвырнуты из квартиры в сарай. Дабы мне не марать рук о Вашу физиономию, советую Вам самому за ними не являться. Медальон с Вашим портретом, сорванный мною с шеи той, которую я имею несчастье называть женою, при сем препровождаю. Надпись на портрете «подлец» сделана моей рукой!

К нему с заискиванием подходит Сонечка Бучкова. Гладит его по плечам и успокаивает. Лев Самоглот-Загребаев, не ожидая прикосновения, вздрагивает.

Сонечка Бучкова. Левушка, мой старенький, но миленький! Я опять без денег. За квартиру нужно, за лошадей, портнихе. Вчера привезли новую коляску, и тоже требуют денег... Привези.

Приводит его к креслу, усаживает за стол, заставляет поставить печать на бумаге, затем хватает ее, быстро уходит.

Входит Лариса Самоглот-Загребаева.

Лариса Самоглот-Загребаева (возмущенно). Вы можете по неделям не видеться с вашей женой, но все-таки, пока вы с ней не разведены, обязаны заботиться о том, чтобы она не терпела лишений хоть в своих мелких нуждах. Пришлите хоть пятьсот рублей!

Вчитывается в бумаги на столе, заставляет поставить Льва печать на каком-то чеке, который вырывает с трудом у него из рук, быстро уходит.

Входит некто Кинд.

Кинд (*напоминает*). Осмелюсь вам напомнить, уважаемый Лев Викторович, о карточном долге в 1800 р. Веря вашему слову, я не записал тогда в клубе вашего имени в книгу, но вот уже прошло три дня, а уплаты я не получал.

Лев Самоглот-Загребаев в это время сминает один за одним листы бумаги, швыряет их в лицо Кинду. Тот с невозмутимым видом уходит.

Вбегают снова сын Николай Самоглот-Загребаев.

Николай Самоглот-Загребаев. Папаша! За долги меня выгнали из полка. Не с чем выехать в Петербург. Ради бога, вышлите хоть триста рублей!

Лев Самоглот-Загребаев ставит печать на чеке, сминает его в комок и швыряет им в сына. Тот поднимает чек, читает, облегченно вздыхает, кланяется, уходит.

Входит работник лавки Сыроедов.

Сыроедов (*умоляюще*). Многоуважаемый Лев Викторович! Сейчас я узнал конфиденциально, что у нас назначена экстренная ревизия всех сумм. Меня поразило как громом. Что делать? Надо доложить растраченное. Бога ради, ищите скорей где-нибудь денег, иначе мы погибли.

Лев Самоглотов с каждым его словом скрывается под кипой бумаг, зарывая в них свою голову больше и больше.

Входит приказчик.

Приказчик. Счет из оружейного магазина К. Флинте. Господину Л.В. Самоглот-Загребаеву. Один револьвер центрального боя. 50 рублей...

Не дождавшись ответа, неловко переминаясь с ноги на ногу, уходит.

От его слов Лев замирает на столе. Голова его находится под кипой бумаг, тело неподвижно. На Самоглот-Загребаева с потолка словно осенние листья падают счета, счета, счета...

Звучит заставка теленовостей. Слышен фрагмент новостей.

Голос диктора. ...Обнаружена крупная растрата. Заведующий арестован домашним арестом...

Лейкин встает из-за стола подходит к микрофону и счастливо под динамично нарастающую музыку констатирует.

Лейкин. Вдова и дети действительного статского советника Льва Викторовича Самоглот-Загребаева извещают о его кончине мужа и отца. Вынос тела покойного из квартиры его для отпевания и погребения на Волковом кладбище имеет быть 20-го Января в 10 час. утра. С подлинным верно! Ваш Лейкин!

Музыка гремит, публика взрывается от гогота, громко и долго аплодирует, слышны крики «Браво!». В его сторону кидают конфетти и цветы. Лейкин кланяется, кривляется в движениях. Поправляет микрофон.

А сейчас я хочу вам представить одного из лучших авторов, так сказать, хедлайнера «Осколков». Антоша Чехонте! Прошу!

Играет музыка, выходит Чехонте, танцовщицы льнут к нему, кружатся вокруг в танце, он охотно принимает на себя их внимание, пританцовывает нехитрыми движениями. Зал гремит аплодисментами, кто-то присвистывает. Публика обожает молодого автора. Чехов одет скромно, но со вкусом. На контрасте с Лейкиным нет вычурности в одежде, спокойные тона по последней моде (галстук-бабочка, жилет на голое тело, манжеты, джинсы). В руках Чехонте листы с текстом, который он читает приятным бархатным баритоном.

Чехонте. Добрый вечер. «Радость».

Было двенадцать ночи. Но я не мог не поделиться со своими стариками этой радостью. Я влетел в квартиру и быстро заходил по всем комнатам. Родители уже ложились спать.

– Откуда ты? — удивились родители. — Что с тобой?

– Ох, не спрашивайте! Я никак не ожидал! Это... это даже невероятно!

Я хохотал не в силах держаться на ногах от счастья.

– Что с тобой? На тебе лица нет!

– Это я от радости, мамаша! Ведь теперь меня знает вся Россия! Вся! Раньше только вы одни знали, что Я, Митька Кулдаров, живу на этом свете. А теперь, теперь вся Россия знает, что существует коллежский регистратор Дмитрий Кулдаров! О, Господи!

– Да что такое случилось? Говори толком! — испугались старики мои.

– Вы живете, как дикие звери, газет не читаете! А как же гласность?! Ежели что случится, сейчас все известно, ничего не укроется! Как я счастлив! О, Господи! Ведь только про знаменитых людей в газетах печатают, а тут взяли да про меня напечатали!

– Что ты? Где?

Папаша побледнел, а мамаша вообще начала беспрестанно креститься.

– Да-с! Про меня напечатали! Теперь обо мне вся Россия знает! Поглядите!

Я вытащил из кармана номер газеты, подал отцу и ткнул пальцем.

– Читайте!

Папаша кашлянул и начал читать:

«29-го Декабря, в одиннадцать часов вечера, коллежский регистратор Дмитрий Кулдаров...

– Видите, видите? Дальше!

...коллежский регистратор Дмитрий Кулдаров, выходя из портерной, что на Малой Бронной, в доме Козихина, и находясь в нетрезвом состоянии...

– Это я с Семеном Петровичем... Все до тонкостей описано! Продолжайте! Дальше! Слушайте!
...и находясь в нетрезвом состоянии, поскользнулся и упал под лошадь стоявшего здесь извозчика Ивана Дротова. Испуганная лошадь, перешагнув через Кулдарова и протащив через него сани с находившимся в них второй гильдии московским купцом Степаном Луковым, помчалась по улице и была задержана дворниками. Кулдаров, вначале находясь в бесчувственном состоянии, был отведен в полицейский участок и освидетельствован врачом. Удар, который он получил по затылку...
– Это я об оглоблю, пап. Дальше! Вы дальше читайте!
...который он получил по затылку, отнесен к легким. О случившемся составлен протокол. Потерпевшему оказана медицинская помощь...»
– Велели затылок холодной водой примачивать. Читали теперь? А? То-то вот! Теперь по всей России пошло! Дайте сюда!
Я схватил газету.
– Я к Макаровым, им покажу... Надо еще Иваницким показать, Наталии Ивановне, Анисиму Васильичу... Побегу! Прощайте!
Я надел фуражку с кокардой и, торжествующий, радостный, выбежал на улицу.

Номер следует отыграть актерски. Публика взрывается хохотом. Крики «Браво!», «Бис!», «Еще!», аплодисменты. Играет музыка, например, что-то из Чайковского в рэп-аранжировке. Выбегают танцовщицы, Чехонте с ними также делает несколько танцевальных движений. На сцену сквозь охрану прорывается поклонница Чехова, снимает его на телефон, затем и селфи с ним, охрана еле отрывает ее от писателя, уводит. Выходит Лейкин, провожает Чехонте аплодисментами.

Лейкин. Любимец дам. Звезда «Осколков»! Антоша Чехонте!

Танцовщицы заполняют сцену танцевальным номером (хип-хоп-канкан).

Затемнение.

Сцена 2.

Курилка камеди-салона «Осколки». В ней есть турник для подтягиваний. Чехов доволен. Обмахивается листами бумаги. Лейкин дымит трубкой. Общаются.

Чехонте. Видел одну и ту же афишу-карикатуру в «Осколках» и «Будильнике»...
(Показывает Лейкину фото на телефоне.) Как такое возможно?

Лейкин (перебивая, заливается смехом). Да, о том же мне писал и Пальмин. Что ответить вам, мой сударь. (Кривляясь.) Все мы люди и все человеки, во грехах рождены, стало быть, и ворует из иностранных журналов. Этот рисунок «о женщине» (показывает в воздухе кавычки) взят из французского журнала Caricature...

Чехонте (многозначительно к зрителю). Дааа, французские карикатуры всегда в тренде, не правда ли?

Музыка усиливается. Одновременно на сцене разворачивается стилизованный кабинет врача, с кушеткой, столом, двумя белыми ширмами, расставленными по обоим краям сцены. За одной ширмой вспыхивает яркий свет. По тени на ширме за ней видно, что за ней находится роженица на родовом кресле. Чехов, пританцовывая в такт музыки, словно «ныряет» в «междуножье», по тени видно, как он проводит какие-то манипуляции. «Выныривает» уже в «кровоавом» халате с оружием младенцем с пуповиной, передает его фельдшерам-помощникам. Свет за этой ширмой гаснет.

Помощники стремительно меняют Чехову перчатки, маску, халат, он поворачивается в другую сторону, где вспыхивает свет за другой ширмой, (так же видно по тени) он рвет мужчине зуб. Торжественно передает зуб помощникам.

Помощники ему снова меняют перчатки, маску, халат, он поворачивается в сторону противоположной ширмы. По тени на ширме видна скрюченная старуха. По всей видимости, у нее радикулит в обострении. Чехов проводит осмотр и, надавив на какие-то точки, «выпрямляет» старуху.

Едва Чехов начинает сам снимать халат и маску, как загорается яркий свет за противоположной ширмой. Видно, что вносят мужчину с обширной раной на туловище. На Чехова снова надевают сменные халат, маску и перчатки. По тени видно, что он зашивает огромной хирургической иглой рану мужчине.

Затем зритель слышит оглушающую музыку, видит лишь поочередно вспыхивающий в такт музыки свет за каждой ширмой, стоящего в середине сцены Чехова, который устало качается, пританцовывает в такт музыки с согнутыми по-докторски в локтях руками в перчатках. В конце свет уже не мигает поочередно, а вспыхивает одновременно за обеими ширмами. Сцена должна символизировать загруженность Чехова врачебной работой.

Наконец свет гаснет за обеими ширмами. Музыка постепенно стихает. На сцене, ссутулившись и утирая пот шапочкой, стоит Чехов. Подходит к авансцене. Луч света направлен на него. Чехов садится на авансцене, свесив ноги. Вокруг темно и тихо. Он одинок. Плечи его опущены, он смертельно устал. Сидит какое-то время, глядя в одну точку. Чехов кашляет один раз в сгиб локтя, тут же на белом рукаве халата виднеются капли крови. Он осматривает образовавшееся кровавое пятнышко, утирает губы пальцами. Видно, что он сдерживает развивающийся приступ кашля. Затем приглаживает волосы. Поднимается на ноги.

Чехов (собирается уходить, но оборачивается к зрителю).

Сосудик. Лопнул... просто...

Уходит со сцены.

Сцена 4.

Квартира Чеховых. Гостиная. Стол. Стулья. Диван. Кушетки. На мебели можно заметить много разношерстных ламп. Рояль. За роялем сидит Мария Чехова, играет «Баркаролу» (Времена года — Июнь, П.И. Чайковский). Входит Чехов.

Чехов. Маша, весьма скучно. Мама спит еще?

Мария *(надевает наушники, добавляет (как оказалось) на синтезаторе рэп-аранжировку, бит к «Баркароле»).* А так, Антоша? Да, спит.

Чехов *(кивая головой в такт).* Получше. Живенько, я люблю, ты знаешь. А Саша?

Мария. Привезли, отдыхает. Тебе работать? Я мешаю?

Чехов. Нет, что ты, играй.

Чехов подходит к столу, на котором аккуратно сложены листы бумаги, лежат папки, стоит ноутбук, мини-принтер. Он садится за стол, открывает ноутбук. Задумывается о чем-то. Пишет что-то. Снова думает. Встает. Ходит из стороны в сторону, понурив в голову. Садится вновь. Что-то печатает. Затем читает написанное им ранее то, что было на листке. Недовольно сминая лист и бросает его в корзину. Ложится на диван. Мария заканчивает играть. Подходит к брату щупает его лоб.

Мария. Ты выглядишь нездоровым.

Чехов. Пустяки. Ленюсь просто.

Входит Николай, довольный и хохочущий, смотрит в телефон. Николай немного в подпитии, галстук-бабочка сбита в сторону, жилетка полурасстегнута.

Мария. Коленька!

Мария подходит к Николаю и поправляет ему бабочку, застегивает жилетку.

Чехов. Кокоша, будь добр, отправь Лейкину рисунки, он ждет, и довольно долго.

Николай. Привет! Так я отправил! Уже как ... *(Мысленно считает дни.)* дней пять прошло! Не получил он? Досада! А чего же ждать от Почты России! *(Продолжает хохотать, глядя в телефон.)*

Чехов. Брат мой, покажи квитанцию. *(Встает, направляется к Николаю, тот отбегает от него, играют в «кошки-мышки».)*

Николай. Ну Антош, отстань, отправил, ей богу!

Чехов. Докажи! Или мне придется провести у тебя обыск! Причем внезапный!

Мария. Коленька, покажи Антону квитанцию!

*Николай бежит вокруг стола с хохотом, убегает. Антон его не догоняет.
Возвращается на диван. Мария садится рядом с ним, обнимает брата за руку.*

Чехов. Ведь не отправил! В который раз! Врун! И как же остепенить эту человечину?!

Мария гладит Чехова по лбу.

Мария. У тебя, похоже, жар. Сделать чаю со смородиной?

Чехов. Ерунда. Ты бы лучше жену мне нашла. Желательно с приданым.

Мария. Я предлагала, будь справедлив! Дуня Эфрос!

Чехов. Умна. Мда... Однако, нос длинноват...

Мария *(прыскает)*. Оленька!

Чехов. Какая?

Мария. Лашкевич.

Чехов. А. Так у нее понос.

Мария *(вскакивает и недовольствуется)*. Вот ты всегда так! Как несерьезно, Антон!

Чехов *(хохочет)*. Говорят, кровавый! Ну, правда, Маша! Я бы подумал о вступлении с ней в брак, ежели бы не понос!

Мария. А мама с папой еще горды тем, что ты доктором стал!

Чехов *(потягивается на диване)*. Эх, наивные. Думают, что в первый год буду ворочать я тысячами... *(Встает, внезапно сильно закашливается в кулак.)*

Мария *(сперва занятая чтением нот, обеспокоенно смотрит на брата)*. Нет, я заварю тебе лечебного чаю... *(Быстро уходит.)*

Чехов. ...Придется их разочаровать *(подходит к столу с ноутбуком, смотрит на него, захлопывает крышку ноутбука)*.

Затемнение.

Сцена 5.

Зима. Вход в здание суда. День. Много репортеров, фотокорреспондентов, видны вспышки фотокамер, слышен гул. В самом центре толпы стоит и Чехов в пальто. В его руках телефон, на голове шапокляк, за спиной рюкзак.

Чехов отходит в сторонку. Включает онлайн-включение на телефоне и одновременно изображение появляется на экране над сценой.

Чехов. Итак, «Петербургская газета» продолжает прямые репортажи по судебному процессу над мэром города Скопино, одновременно возглавлявшим Скопинский городской общественный банк, Иваном Рыковым и компанией. Вчера Московский окружной суд в лице присяжных заседателей заслушал сторону защиты. Напомню, Рыков обвиняется в крупном мошенничестве: видя, что вкладчики не идут, банк дает проценты, которые не снились нашим мудрецам — от 6 до 7,5% (в других банках принимали вклады под 3–5%). За сим следует шестиэтажная реклама, обошедшая все газеты, начиная от столичных и кончая иркутскими. Реклама делает свое дело. Сумма вкладов возрастает до 11 618 079 рублей... Число вкладчиков равно шести тысячам. Большинство из них принадлежат к среднему слою общества...

В это время видно, как в здание входят подсудимые. Толпа из журналистов двинулась за ними. Гул усилился. Чехов видит их и также спешит к входу в суд.

...И вот мы видим, что подсудимые уже прошли в здание суда. На сегодня запланирован обмен репликами сторон. Приговор для мошенников, организовавших финансовую пирамиду, не за горами. Оставайтесь с нами.

Затемнение.

Тот же вход в здание суда. Ночь. С неба срывается снежок. Из здания суда выходит Чехов. Он утомлен и замерз. Подходит к фонарю, под его светом включает камеру телефона, одновременно изображение появляется на экране сцены.

Чехов. Подсудимые имеют замученный вид. Они заметно пали духом и глядят меланхоликами. Процесс наконец подходит к завершению. На завтра суд назначил заслушивание последнего слова подсудимых...

Чехов сильно закашливается, падает наземь. Прохожие кидаются ему на помощь. Затемнение.

Сцена 6.

Чехов (*сидит в кресле, горло его обмотано шарфом, наговаривает аудиосообщение на телефон*). Рыковские отчеты для «Петербургской газеты» закончил. Только чего ради рыковская карикатура вышла у вас блондинистой? Я послал снимки, поиграйте с цветом. Совсем не похож... Вот уже три дня у меня ни к селу, ни к городу идет кровь горлом, что мешает мне писать. Думаю, ничего серьезного, ерунда. Общее состояние удовлетворительно... Причина сидит, вероятно... в лопнувшем сосудике...

Слышен крик Марии.

Мария. Антоша... Антон Павлович, вызывают к пациенту!

Чехов (наговаривает аудиосообщение на телефон). Как на смех, у меня теперь есть больные... Ехать к ним нужно, а нельзя... Поэтому ко мне едут они сами...

Задумывается. Отправляет аудиосообщение. Встает. Выходит из гостиной. Тем временем гостиная заполняется многочисленной родней. Отец — Павел Егорович, мать — Евгения Яковлевна, Михаил, Мария, Николай, Иван, Александр, еще какие-то родственники, гости. На Чехова мало кто обращает внимание.

Чехов, входит в гостиную, подходит к столу с ноутбуком. Садится на стол. При этом луч света остается ярким лишь над ним. На заднем плане происходят семейные чаепития, встречи, проводы, беседы, смех. Многолюдье.

Чехов что-то печатает. Порой писательство захватывает его, он увлечен, даже когда сестра или братья приближаются к нему сзади, заглядывая через его плечо. Просматривает телефонные сообщения. Снова пишет.

Голос Марии. Антон Павлович! Пациенты!

Чехов вскакивает, уходит, пропадает, затем снова возвращается к ноутбуку. Прослушивает аудиосообщения, одновременно печатает в ноутбуке.

Звук поступившего аудиосообщения — голос Лейкина.

Лейкин. Что же вы бросили рассказы о месяцах? «Сентябрь»-то мне не шлете? Режете вы меня. Уж взялся за гуж, так не говори, что не дюж. Да и о «Московской жизни» пора подумать. Пишите уж хоть раз в месяц ее, но только присылайте в определенные сроки.

Звук поступившего аудиосообщения.

Голос Лейкина. Вообще в той форме, как вы писали о месяцах, прекратите писать. Подобные статьи хороши только тогда, когда они являются аккуратно в начале каждого месяца, а не тогда, когда вздумается их автору.

Голос Марии. Антон! Антон Павлович, пациент!

Чехов вскакивает, уходит. Возвращается. На заднем фоне все та же толпа изображают какие-то игры, праздники.

Звук поступившего аудиосообщения.

Голос Лейкина. Говорил с Худяковым на ваш счет. Ждет знакомства с вами. Не думали ли вы перебраться в Петербург?

Чехов, возвратившись прослушав это сообщение, сел на столе, пытаясь что-то ответить. Откладывает телефон. Оглядывается на родных. Смотрит на них (встречают Новый, 1886 год). Отвечает на объятия Марии, которая приближается к нему, затем она кружится в танце по гостиной среди других людей. Чехов снова печатает на ноутбуке.

В какой-то момент Чехов выходит из-за стола. Прохаживается из стороны в сторону. На лице его еле заметная улыбка.

Чехов *(К родне. И в этот момент они все замирают, слушая его).* Я всегда думал, что писательство мое — одно дерьмо. Все, что я пишу, лишь мелочь, дребедень, ерундистика, скверность. Но недавно был в Питере. Жил у Лейкина. Чуть не задавил он меня своей ложью... Но сейчас не об этом. Познакомился очно с редакцией «Петербургской газеты», где был принят как шах персидский. Весь Питер следит за работой братьев Чеховых, моей *(подходит к брату Александру),* Сашиной. Ежели бы, ты, Саша, писал так рассказы, как письма, то давно бы уже был великим, большущим человеком... Я поражен приемом, который оказали мне питерцы. Суворин, Григорович, Буренин... Все это меня приглашало и воспевало. И мне жутко стыдно, что писал я небрежно, спустя рукава. Зная, что меня так читают, я писал бы не так... Ээх!

Родные отмирают, Чехов с ними идет в круг, пляшут и веселятся. Кричат «С Новым годом!». Музыка. Затемнение.

Сцена 7.

Глубокая ночь. Гостиная квартиры Чеховых. На сцене появляется качающийся силуэт человека, который очень старается не качаться и идти ровно и тихо. Это Чехов. На столе, шкафу, комодке лампы разных форм. Одну из ламп Чехов, случайно чертыхнувшись, задевает и ловит, чудом не разбив. Вздыхает и с облегчением ставит на место.

Пьяно считает пальцем лампы по количеству, делает «фейспалм». Наконец, доходит к диванчику, валится на него, развязывает галстук-бабочку, кидает вверх цилиндр, снимает перчатки.

Чехов *(кивает в сторону ламп. К зрителю).* Это у нас папа. По-моему, у него мания на лампы. *(Громко икнув, спохватившись, прикрывая рот руками, хихикает.)* А я шафером был... На свадьбе доктора Розанова. Женился он на поповне: соединение начал умерщвляющих с отпевающими *(Беззвучно смеется.)* Налисабоооонилсяяя, стыд-позор.

Вытаскивает смартфон, шуруется, игриво пролистывает и удаляет сообщения, возможно, надоедливых дам. Затем диктует сам себе вслух и пишет сообщение, пьяно тыкая пальцем в экран телефона.

Же-на-тый кол-ле-га... Черт! Собака!

Открывает запись аудиосообщений.

(Наговаривает в телефон аудиосообщение.) Женатый коллега мой! Вам вряд ли любопытно, но от вас мы поехали в «Эрмитаж», оттуда к Вельде... оттуда в салон... Итог: пустое портмоне *(Размахивает портмоне.)*, чужие калоши *(смотрит на свою обувь, подняв высоко ноги)*, тяжелая голова, мальчишки какие-то в глазах...

девочки... и отчаянный пессимизм. Нужно жениться! Срочно! Если Варвара Ивановна не найдет мне невесты, то я обязательно застрелюсь. Я как-нибудь расскажу вам симптомы, по которым узнается квартира женатого. До встречи. А! Кстати! Хотя вам теперь и не до приятелей и не до их писем (*хохотнул*), но тем не менее шлю одну интересную ссылку. Встретилась недавно. Это в тему нашей беседы о крайне низком уровне бытовых условий врачей. Вам будет любопытно... Отправить? Отправить... И ... Спать... Спать... (*Снимает жилет, бабочку, манжеты, подкладывает диванную подушку под ухо.*)

Сцена 8.

Вывеска «Дом Яновых». Снова две белые ширмы на сцене. За ширмами свет. Видна тень Чехова, который сидит в хирургическом облачении у постели молодой девушки (одной из трех дочерей Яновой). Девушка бредит, мечется. Агония.

Янова. Ах, Антон! Поднимите же меня! Как же больно!

Чехов промокает ей лоб, выжатым влажным полотенцем. Старается ее успокоить.

Чехов. Шшшш. Тихо, тихо, Яшенька... Милая.

Янова. Маменька... Откройте... откройте же дверь... там же стучат!

Чехов щупает пульс, убирает сбившиеся волосы с ее лица. Затем проходит ко второй ширме. Так же на ширме видна тень лежащей в постели больной женщины — матери Яновых. Она умерла. Чехов накрывает ее с головой простыней. Свет за этой ширмой постепенно гаснет. Возвращается к девушке. Девушка мечется в кровати и, схватив Чехова за руку, затихает. Чехов склоняется к руке умершей и беззвучно плачет. Свет за ширмой постепенно гаснет.

Затемнение.

Сцена 9.

Ночь. Гостиная квартиры Чеховых. Тусклый холодный лунный свет. На входной двери поблескивает вывеска «Доктор А.П. Чехов». Входит Чехов с докторским чемоданчиком, долго смотрит на табличку, снимает ее с двери и ставит на пол. Входит в пустую гостиную. Садится на диван. Ежится от холода, обнимая себя руками и покачиваясь вперед и назад. Покашливает. Достает из чемоданчика бутылочку со спиртом. Откупоривает, делает глоток, морщится, занюхивает рукавом, закашливается пуце прежнего.

Чехов. Скажите-ка, доооктор... Кто там доктор, говорите? Что, поспорить с самим Им изволишь, Антон Павлович? Или как там тебя на сей раз величать? Хренов доктор, раз не «докторишь». Пиши свои говенные фельетончики, рассказы в 150 строк и не суйся во владения Божии. Или будешь за амбиции свои поставлен «на горох». (*Отпивает снова спирт из бутылочки.*) И простишь там одиноко.

«И исшед вон, плакася горько»... Кайся да плачь в темном одиночестве жизни...
(Сползает с дивана на пол, ложится на спину.) Ведь лишь одиночество преданно. Оно не зовет, не манит, не прельщает, но уверено в своей силе и знает, что ты вернешься к нему. Как блудный сын, уткнешься в его колени и раскаешься, «доктор», в том, что легкомысленно иногда берешь на веру покинуть его навсегда. Оно, конечно, простит, оно всегда прощает и проникнет внутрь и оттуда, изнутри, будет смотреть на тебя тусклым холодным лунным светом. *(Сворачивается клубком, обнимает свои колени.)*

Холодно... Мне снова был тот сон. Холодная и туманная река. Скользкие камни. Я видел осень, голые берега — но все это неясно, в тумане, без клочка голубого неба. В тоске заблудившийся или покинутый, я глядел на камни и чувствовал почему-то неизбежность перехода через глубокую реку. Еще видел маленькие буксирные пароходики, которые тащили барки, плавающие бревна, плоты и прочее. Все до бесконечности сурово, уныло и сыро. Когда убежал от реки, увидел обвалившиеся ворота кладбища, похороны своих гимназических учителей... И этот кошмарный холод, какой немислим наяву, пронизывал меня насквозь... *(Делает глоток из бутылки, закашливается, откидывает ее в сердцах, отворачивается от зрителя. Спина его содрогается то ли в кашле, то ли в рыданиях.)*

Играет какая-то тянущаяся тяжелая мелодия.

Затемнение.

Сцена 10.

Вдали слышна музыка комеди-салона «Осколки», смех и аплодисменты публики. Курилка комеди-салона «Осколки». Также имеется турник. Чехов и Мария Киселева спускаются сюда прямо после выступления Чехова на сцене «Осколков». Еще слышны аплодисменты зрителей. Чехов зажигает зажигалку Киселевой, она прикуривает, садится на стул. Чехов пьет воду из стакана.

Киселева. Это безусловный успех. Чехонте, вы — звезда!

Чехов. Мерси, Мария Владимировна. А мне ваш «Ларька» очень нравится. Есть шероховатости, как без них. Но мужская манера рассказа все окупает. Пошлю его Суворину.

Киселева. Мерсикаю в ответ и я. И тут же огорчу. Прочитала вашу «Тину». И мне данный фельетон совсем и совсем не нравится. Хотя написан хорошо. Я так и вижу, как мужчины жалеют, что в их судьбе не случилось такой Сусанны, которая сумела бы их потешить, а женщины наверняка ей завидуют. Однако, что я вижу? Антон, писатель вашего сорта, т. е. не обделенный Богом, — показывает мне только одну «навозную кучу». Грязью, негодьями и негодьями кишит мир, и, увы, это не ново. Зачем же тогда только одна куча?

Чехов. Нуу, Мария Владимировна! Берегитесь! Возьмитесь покрепче за спинку стула. *(Киселева хохочет и играючи держится за спинку стула.)*

Киселева. Дайте мне зерно! Чтобы из моей памяти слезла вся эта грязь обстановки: от вас я вправе требовать этого, а других, не умеющих отличить человека от четвероногого животного, я и читать не стану. Ухх! Как же я хотела вас ругнуть за этот фельетон! И будь я вашим редактором, вернула бы его вам.

Чехов (во время монолога прохаживается по курилке, подходит к турнику. Оценивает свои силы. Подтягивается, но с трудом раза три.). **Мария Владимировна**, начну с того, что прежде всего, я, так же, как и вы, не люблю фельетоны и охотно сторонюсь подобных текстов. Однако у кого есть право отрицать такого рода литературу? Я не знаю, кто прав: Гомер, Шекспир, Лопе де Вега, не боявшиеся рыться в «навозной куче», но бывшие гораздо устойчивее нас в нравственном отношении, или же современные писатели, чопорные на бумаге, но холодно-циничные в душе и в жизни?

У кого плохой вкус: у греков ли, которые не стыдились воспевать любовь такой, какова она есть? Или у читателей Габорио, Марлита, Пьера Бобо? Это вопрос будущего. Решать его сейчас значит расписаться в его некомпетентности. Ссылка на Тургенева и Толстого, избегавших «навозной кучи», не проясняет этого вопроса. Их брезгливость ничего не доказывает. Ведь было же раньше них поколение писателей, считавшее грязью не только «негодяев с негодяйками», но даже описание мужиков и чиновников ниже титулярного. Все на этом свете относительно и приблизительно. Есть люди, которых развратит даже детская литература. Есть те, которые в Псалтири найдут пикантные местечки. Есть же и такие, которые чем больше знакомятся с житейскою грязью, тем становятся чище. Мы же не называем публицистов, юристов и врачей, посвященных во все тайны грехов человеческих, безнравственными. Да и, в конце концов, какая там литература может перецеголять в цинизме саму жизнь. Как говорится, одною рюмкою вы не напоите пьяным того, кто уже выпил целую бочку. (Осторожно откашливается.)

Зерно — хорошая штука, но ведь литератор не кондитер, не косметик, не увеселитель; он человек обязанный, законтрактованный сознанием своего долга и совестью. Что бы вы сказали, если бы корреспондент из чувства брезгливости или из желания доставить удовольствие читателям описывал бы одних только честных городских голов, возвышенных барынь и добродетельных железнодорожников?

Плачевна была бы судьба литературы (большой и мелкой), если бы ее отдали на произвол личных взглядов. Это раз. Во-вторых, нет той полиции, которая считала бы себя компетентной в делах литературы. Я согласен, без палки нельзя, ибо и в литературу заползают шулеры. Однако ж нет лучше полиции для литературы, как сам автор. Утомил вас? Я — психованные штаны, простите, если сможете!

Киселева. И как? И как мне после сказанного с вами не быть согласной? Обещаю перечитать «Тину» под углом вашего пылкого сегодняшнего замечания. О соображениях после вам напишу.

Чехов. Дааа! Жду с нетерпением! Вообще, я еще пьесу же написал на 15–20 минут. Самая маленькая драма в мире. Претензий мало, а успех есть... Что же еще нужно? Писал я ее 1 час и 5 минут.

Киселева (*заливисто хохочет*). Пришлите почитать! Уверена, что все не так, как вы рассказываете! Антон, любитель вы принижать свои достоинства. А ведь есть мнение, что это наивысшая степень самолюбования.

Чехов. В моем случае это исключение, уверяю вас.

Вбегает девушка танцовщица.

Танцовщица. Чехов! Антон Павлович! Ваш выход! Вы где? Чехов!

Чехов. Бегу! Мария Владимировна (*откланивается*), я поскакал!

Киселева (*заливисто хохочет и машет ему вслед*). С богом!

Затемнение.

Сцена 11.

Сцена занавешена театральным занавесом. Слышен шум оваций где-то там, за сценой. Крики «Браво!», «Бис!». Одновременно топот свист, звукдвигающейся мебели.

Одинокий луч света направлен на середину занавеса, который то и дело колышется от движения за ним. Слышен голос конференсье.

Конференсье. Дамы и господа! Приглашаю на сцену автора пьесы, по которой была поставлена сия комедь «Иванов». Прошу любить и жаловать — Антон Чехов! Автор книг: «Сказки Мельпомены» — аплодисменты! «Пестрые рассказы» — аплодисменты! «В сумерках» — аплодисменты! «Невинные речи» — аплодисменты!

Гремят продолжительные овации, а также свист и топот.

В этот момент кулисы в середине раздвигаются, в них, пятясь назад, а перед этим кланяясь публике по ту сторону кулис, проскальзывает Чехов. Он находится по ту сторону кулис от публики и по эту сторону — к публике сегодняшней. С облегчением вздыхает. Снова тайком в маленькую прорезь глядит на полный (по ту сторону) зал. Оборачивается к современному сегодняшнему зрителю и после того, как конференсье в который раз кричит его имя: «Антон Чехов!» — кланяется публике сегодняшней.

Затемнение.

КОНЕЦ

ВАЛЕРИЯ ТЕМКИНА

НЕБЕСНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Андрей, 25 лет — небесный секретарь Антона Павловича Чехова.

На нем деловой костюм и нимб.

На сцене стоят стол и стул. На столе стоит компьютер, лежат листы бумаги, карандаши и ручки.

За спиной у Андрея экран, на нем на протяжении всего действия появляются разные картинки: скриншоты, мемы, фотографии. Изображения, чьих авторов найти не удалось, мы заменили текстом для защиты их права от наших посягательств.

Голос Антона Павловича. Андрей, голубчик, говорят, меня много читают в России сейчас. И пишут обо мне тоже много. Найдите, пожалуйста, на ваш вкус, что-нибудь занимательное. Вы тут у нас недавно, не утратили, полагаю, умения глядеть на свой мир пристально.

Затемнение. Андрей сидит а за ноутбуком, стучит по клавишам.

Андрей. Как Антона Павловича не расстроить — вот задача. Там же один мусор. Мусор, покрытый мусором. Шутки, которые он не поймет. Слова, которые он не говорил, но все уверены в другом.

На экране за спиной Андрея появляется картинка: Фото Антона Павловича в пенсне с подписью: «Я такого не говорил».

Страница эта дурацкая в Википедии. *(Читает с экрана компьютера.)*

«В память о Чехове были открыты его музеи и установлены памятники; названы географические объекты, театры, библиотеки, суда, астрономические объекты; выпущены монеты, почтовые марки».

Бла-бла-бла.

Берет в руки карандаш, чешет им нимб. Читает дальше из Википедии.

«Вечен чеховский призыв "Берегите в себе человека"». Очень. Очень вдохновляюще.»

Так, Чехов, Чехов. Может быть, подойти как-то творчески? Только вот я совершенно не понимаю, что он хотел бы узнать.

Сейчас. О, ищем рифму к слову «Чехов».

Стучит по клавишам, встает, начинает ходить по сцене.

Красночехов, сверхчехов, младочехов, свечехов, лочехов, бечехов, псевдочехов, отбиличехов апчехов, щекочехов, нечехов, суперчехов, античехов, и у белочехов, недочехов, почехов, получехов, дочехов, послечехов, подчехов, белочехов, панчехов, старочехов, пахтенехов.

Андрей садится.

Суперчехов! Вот это ему подходит.

На экране за спиной Андрея появляется картинка.

Или, например, стихи о Чехове. Должны же быть хорошие. Ну, хотя бы не противные.

На экране за спиной Андрея картинка: Встреча Антона Павловича Чехова и Льва Николаевича Толстого в Гаспре с надписью: «Каждому из нас необходимо получить постдипломное филологическое образование».

Андрей читает текст.

Автор:
Наталья Варская

Ой, зря я полез сюда. Что-нибудь еще?

(Встает, читает на манер классических чтецов.)

Александр Федоров

Его я часто вспоминаю.
Вот и теперь передо мной
Стоит он, точно как живой,
Такой, каким его я так люблю и знаю:
Сухие, тонкие черты,
Волос седеющие пряди.

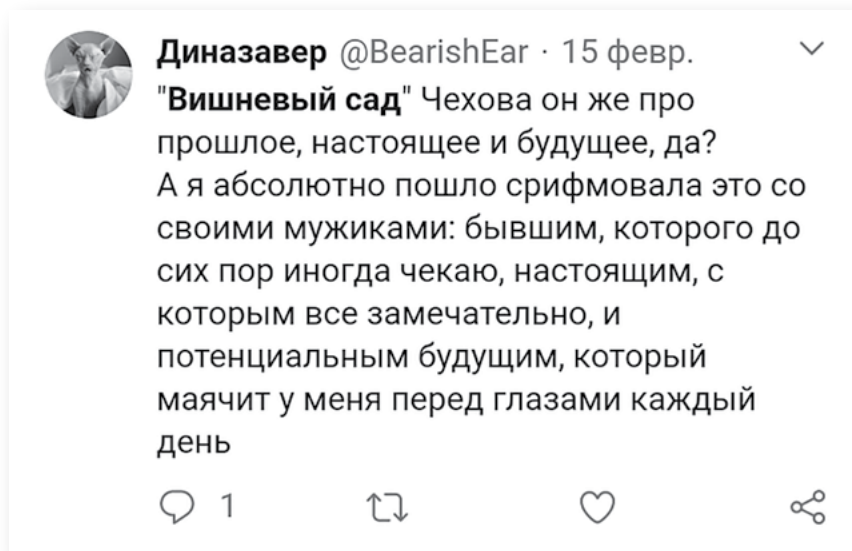
И эта грусть в глубоком взгляде,
Сосредоточенном и полном доброты.
Больной и бесконечно милый,
Он был похож на первоцвет,
Сквозь снег пробившийся на свет,
Чтоб возвестить весну
пред раннею могилой.

Таааак, нет, это нам не подойдет. Больной и бесконечно милый. Так. Первоцвет.
Цветы. Сад. Вишневый сад! *(Стучит по клавишам.)*

Может быть, спасет меня Twitter, там же много смешного... Бывает. Иногда.

На экране за спиной Андрея меняются картинки.

Андрей читает текст.

Андрей строит гримасу.

Надо было. А я не читал. *(Смеется.)* Меня за это поставили Антон Палычу в услужение, что я не любил его в школе читать, так не любил все эти «каштанки». Сказали на входе: «Андрей, будешь теперь до перерождения учиться смирению. Лучше бы, конечно, чистить нимбы да стирать эти ангельские одеяния. Но он вообще мировой мужик, когда не надоедает своими афоризмами *(басум.)*: «Говорят: в конце концов правда восторжествует; но это не правда».

Андрей продолжает смотреть в экран компьютера. За спиной Андрея появляется: Фото высокого молодого человека в дубленке с топором на перроне московского метро. Видна надпись «Тургеневская».

Звучат голоса за сценой:

- *Когда перепутал «Достоевскую» с «Тургеневской».*
- *А может, перепутал с «Чеховской»? Едет рубить вишневый сад.*

Андрей поворачивается спиной к залу. Говорит как будто с собой.

В детстве с братом посадили в саду у бабушки косточки от вишни, каждый день поливали — мечтали, что у нас вырастут свои деревья. Когда на следующее лето опять приехали к бабушке, нашей радости не было предела — там, где мы сажали косточки, рос целый ряд вишневых деревьев. Всем хвастались, что это

мы вырастили. Только много лет спустя я узнал, что это бабушка посадила вишни, чтобы доставить нам радость.

На экране за спиной Андрея появляется картинка.

Андрей поворачивается обратно к залу и замирает.

Голос Антона Павловича. Андрей, а вы были одиноки?

Андрей. Каждый день. А вы?

Голос Антона Павловича. Как я буду лежать в могиле один, так, в сущности, я и живу одиноким. Лежу, лежу одиноким. Все время забываю, что у меня нет уже ни настоящего, ни будущего.

Андрей. Еще похожу по ссылкам. Нужно что-нибудь смешное, такое прямо в его духе. Пусть порадует старик. *(Читает с экрана компьютера.)*

«Мой эпиграф на вступительном сочинении заслужил бурное восхищение экзаменационной комиссии, поставили "пятерку", приняли в институт, напечатали в молодежной газете. Сочинение по "Вишневому саду" Чехова, эпиграф: "И вся земля тогда же превратится в цветущие и пышные сады", — я приписал Роберту Бернсу. На самом деле это слова служанки из Труффальдино из Бергамо Гольдони; полностью цитата звучит так: "Если каждый неверный мужчина возьмет в руки зеленую ветку, то вся земля сейчас же превратится в..."»

На экране за спиной Андрея: Рисунок, изображающий Антона Павловича в образе мачо и подпись: «Я бы снял с вас футляр».

Вот тут да, вот тут понимаю. *(Кивает на экран за спиной.)* Он тоже понимает.

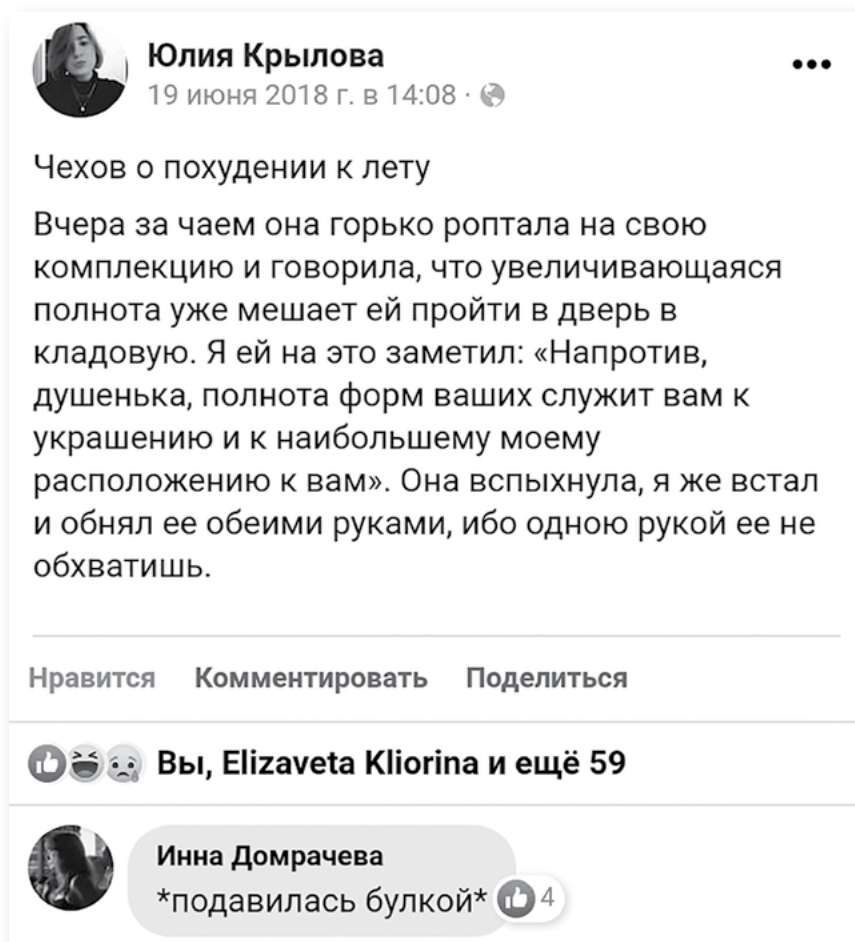
Звучит голос за сценой: Из записных книжек Чехова.

«Изменившая женщина — это большая холодная котлета, которую не хочется трогать, потому что ее держал в руках кто-то другой».

Может быть, меня спасет Facebook?

На экране за спиной Андрея появляется картинка.

Андрей читает текст.

Ладно, это даже мило. Или анекдоты, Антон Павлович же любит анекдоты.
(Стучит по клавишам. Читает с экрана компьютера.)

«Ванька Жуков. — На деревню дедушке... Так появился первый спам».

«Чехов хочет сказать этим рассказом: не имеет значения, толстый ты или тонкий, главное — чтобы человек был хороший».

«У человека в футляре была аллергия к жизни».

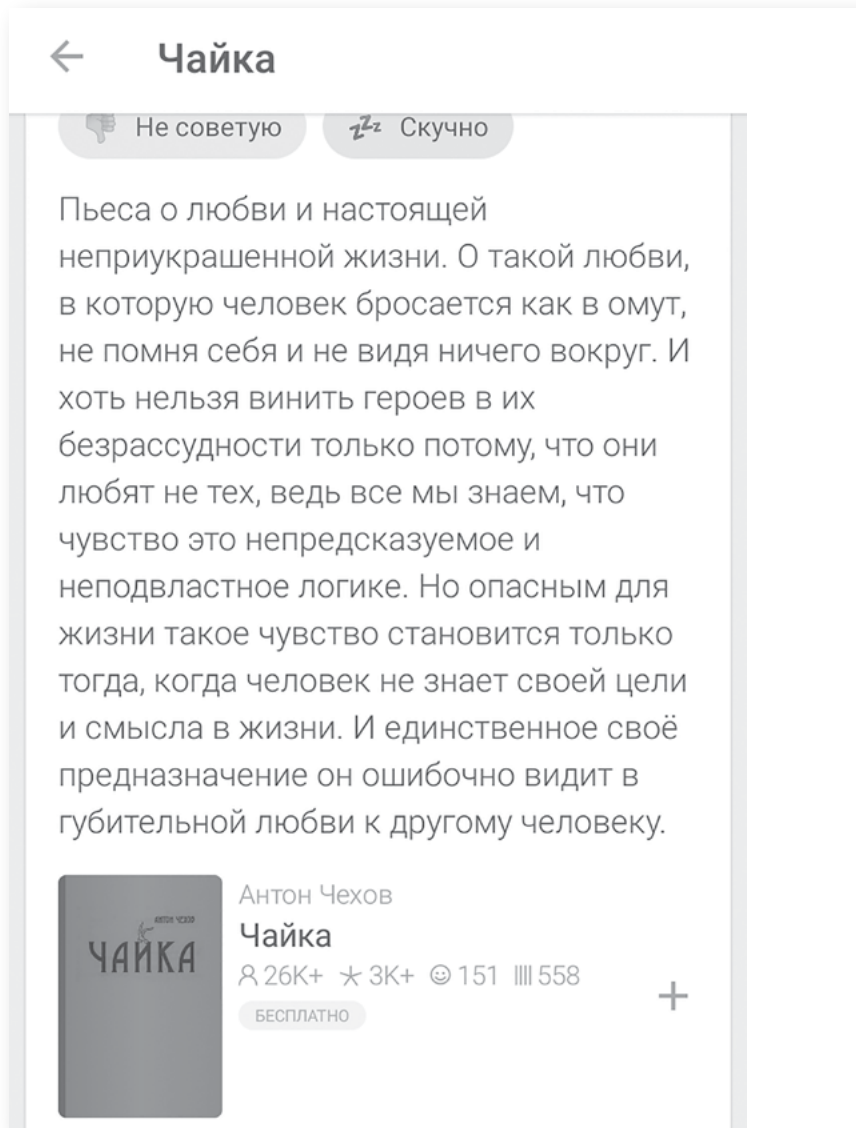
«У чеховской Каштанки была собачья жизнь».

«Приходит как-то Чехов в гости к Станиславскому и говорит: —
Поставь чайку».

Это настолько плохо, что даже хорошо.

На экране за спиной Андрея появляется картинка.

Андрей читает текст.

*Отзыв
из приложения
Bookmate.*

Голос Антона Павловича. Андрей, вам хочется назад?

Андрей. Уже не хочется. А вам?

Антон Павлович. Надоело — тяжко, опостылело; порвать, кричать, бороться, но что толку? Ничего не изменишь.

Андрей. Это вы сейчас сочинили или, как обычно, цитируете из записных книжек?

Попробуем по-другому. *(Говорит в телефон.)* Siri, что такое «Три сестры»?

Siri. Три Сестры — три острова в заливе Пасть, между Севером и Долиной Аррен, к северо-западу от Перстов и к югу от Белой Гавани. Входящие в архипелаг острова называются Длинная Сестра, Малая Сестра и Сладкая Сестра. На Сладкой Сестре находится порт Систертон. В Пасти часты шторма и туманы, а вокруг островов много рифов и опасных скал, поэтому судоходство здесь опасно.

Андрей. Siri, а еще что такое «Три сестры»?

Siri. Официально острова считаются территорией Долины, однако несколько раз их завоевывал Север. В одной из таких войн, названной Поруганием Трех Сестер, Бальтазар Болтон захватил несколько тысяч пленных и сшил огромный шатер из их кожи. После этого северян на островах не особо жалуют.

Андрей. Только «Игры престолов» нам тут и не доставало.

А если «В Москву, в Москву»? *(Садится за компьютер, стучит по клавишам. Читает с экрана компьютера.)*

«В Москву! В Москву» («Три сестры» А.П. Чехова).

«Муж у меня потомственный москвич, а я приехала в Первопрестольную аж в 17 лет, поступать в ПТУ. И, конечно, отношение к извечной московской проблеме “понаехали тут” у нас разнится. Его ария (*allegro*) и звучит как: “Уже весь бывший Союз здесь. Ну, куда они едут, куда они все прутся”, — а мой ответ (*andante*): “Едут со времен Долгорукова, и ничего страшного — всех Москва переменит под себя, всех выровняет”. Уже во втором поколении будут как свои. Вот, наши соседи, первой “дикой” волны начала 90-х приехали с гор, кожаные куртки, золотые улыбки, тонированная “девятка”, женщины безмолвные в платках.

А посмотри сегодня на их девочек — модницы, умницы, обе окончили институт, работают — одна в банке, другая в страховой компании. А последняя волна — красавцы мальчишки с далеких окраин — нормальная конкуренция нашим спивающимся и обленившимся даже размножаться, утратившим всякую пассионарность, мужикам.

Ну, тема вечная, и время от времени мы ее ритуально исполняем. Но вчера... Приходит муж домой, притихший. Разуваётся и рассказывает: “Возвращаюсь с работы, и на площади у Курского вокзала, вижу — козу привезли. Ну, куда они в Москву козу везут?”

Я пытаюсь рационализировать: “Ну, может, ребенку козье молоко нужно...” А муж мне: “Какое молоко! Какое молоко — коза маленькая, совсем ягненок (*sik!*). Ну куда они козу еще тащат!”

“Ладно, — говорю, — это она проездом...”

А вечером я никак не могла уснуть: закрываю глаза — и вижу козью морду, она таращится на Садовое кольцо, и меня разбирает дикий ржач. Вдруг не проездом, вдруг навсегда?»

(Сайт: <https://vysokovskiy.ru/>)

Прелестно. Очень, я считаю, по-чеховски.

Ладно, а если «Дама с собачкой»?

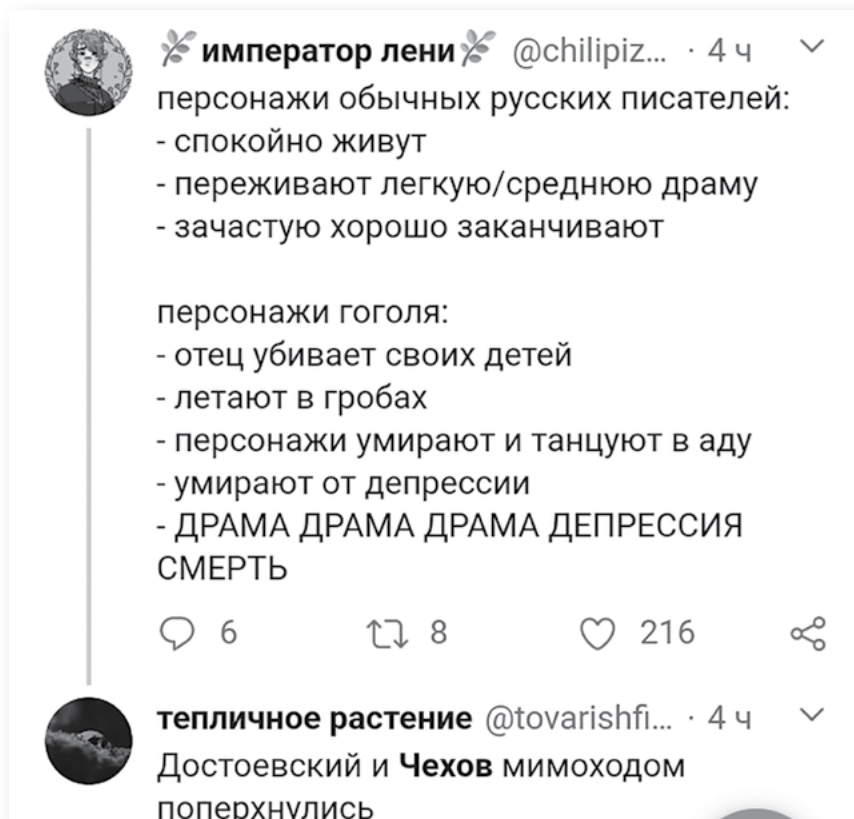
Стучит по клавишам и читает с экрана компьютера.

«Желаете подарить своему питомцу все самое лучшее? Одежда, аксессуары, косметика, качественные натуральные корма премиум-класса от мировых производителей предлагает зоомагазин "Дама с собачкой"».

В сторону вывесок и названий не пойдем. Хотя он, наверное, будет смеяться.

На экране за спиной Андрея появляется картинка.

Андрей читает текст и замирает.

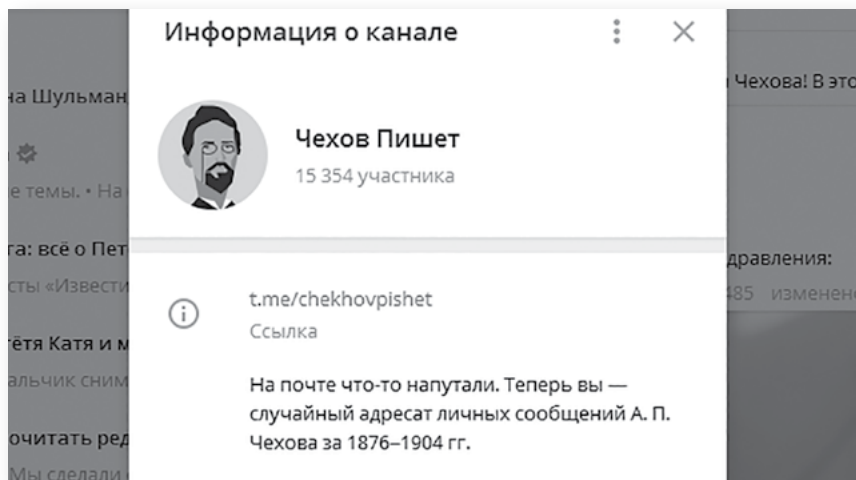
Голос Антона Павловича. Андрей, что главное ты понял после смерти?

Андрей. Что жить было хорошо. А вы?

Голос Антона Павловича. Так ничего и не понял.

Андрей. Что там еще есть? Telegram, например. О, канал с письмами.
(*Копается в телефоне.*)

На экране за спиной Андрея появляется картинка.

Андрей поворачивается спиной к залу и читает.

«Милая собака моя, здравствуй!

Я здоров, но вчера и третьего дня, вообще со дня приезда моего сюда, мне было не по себе. А что ты здорова и весела, дуся моя, я очень рад, на душе моей легче. И мне ужасно теперь хочется, чтобы у тебя родился маленький полунемец, который бы развлекал тебя, наполнял твою жизнь. Надо бы, дуся моя! Ты как думаешь?

...Я живу, как монах, и одна ты только снишься мне. Хотя в 40 лет и стыдно объясняться в любви, но все же не могу удержаться, собака, чтобы еще раз не сказать тебе, что я люблю тебя глубоко и нежно. Целую тебя, обнимаю и прижимаю тебя к себе.

Будь здорова, счастлива, весела!

О.Л. Книппер-Чеховой
2 ноября 1901 г.
Ялта»

Поворачивается лицом, но смотрит все равно куда-то вверх.

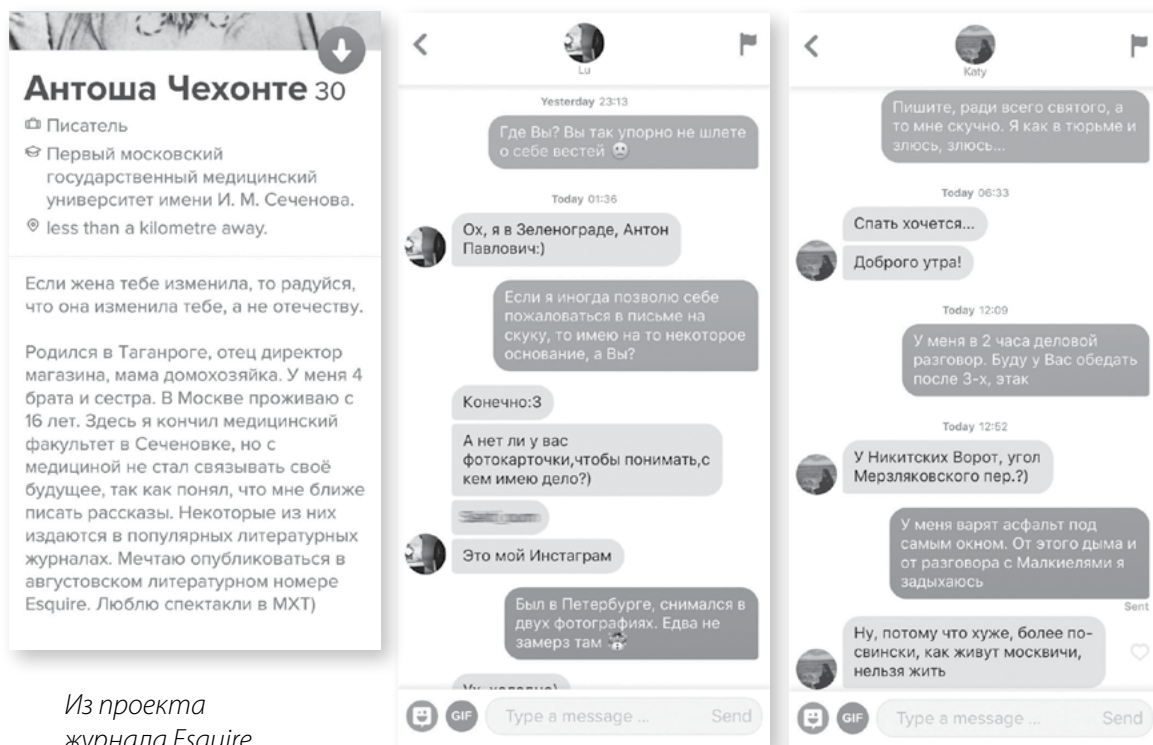
Я называл свою «птица». Птица то, птица се. Она и была как птица — взъерошенная все время и нервная. Как трясогузка.

А вот, если бы Антон Павлович зарегистрировался в Tinder. Мы там с ней и познакомились. Попробуем поискать что-нибудь на тему. (Стучит по клавишам.)

Читает с экрана компьютера.

«Продюсер Esquire пошел по стопам немецкого журналиста, намереваясь выяснить, насколько популярным в приложении для знакомств окажется молодой автор Антоша Чехонте, используя в переписке цитаты писателя из писем жене, Ольге Книппер».

На экране за спиной Андрея появляется картинка.

*Из проекта
журнала Esquire*

Уверен, что Антон Павлович пользовался бы большой популярностью... Как и при жизни.

Андрей замирает.

Голос Антона Павловича: Андрей, как считаете, женился я не зря?

Андрей. Ну, что вы, конечно, нет.

Антон Павлович. Женятся, потому что обоим деваться некуда.

Андрей. Но вы же женились?

Голос Антон Павловича. Некуда было деваться.

Андрей. Так, что там у нас есть еще из известного. «Дядя Ваня»?

Стучит по клавишам, читает.

«Дядя Ваня» занимается производством качественных консервированных овощей и продажей их по всему миру. Используя уникальные технологии и собственные рецепты производства, «Дядя Ваня» стал кумиром миллионов потребителей.

Новый отзыв: «Не для слабаков. Совершенно адская вещь. Жжет так, что горит во рту, в горле и животе. Для любителей ооочень острой огненной пищи, закусок, соусов».

На экране за спиной Андрея появляется картинка.

Так, очень, конечно, хорошо. «Совершенно адская вещь» — это точно про Антона Павловича. *(Продолжает читать.)*

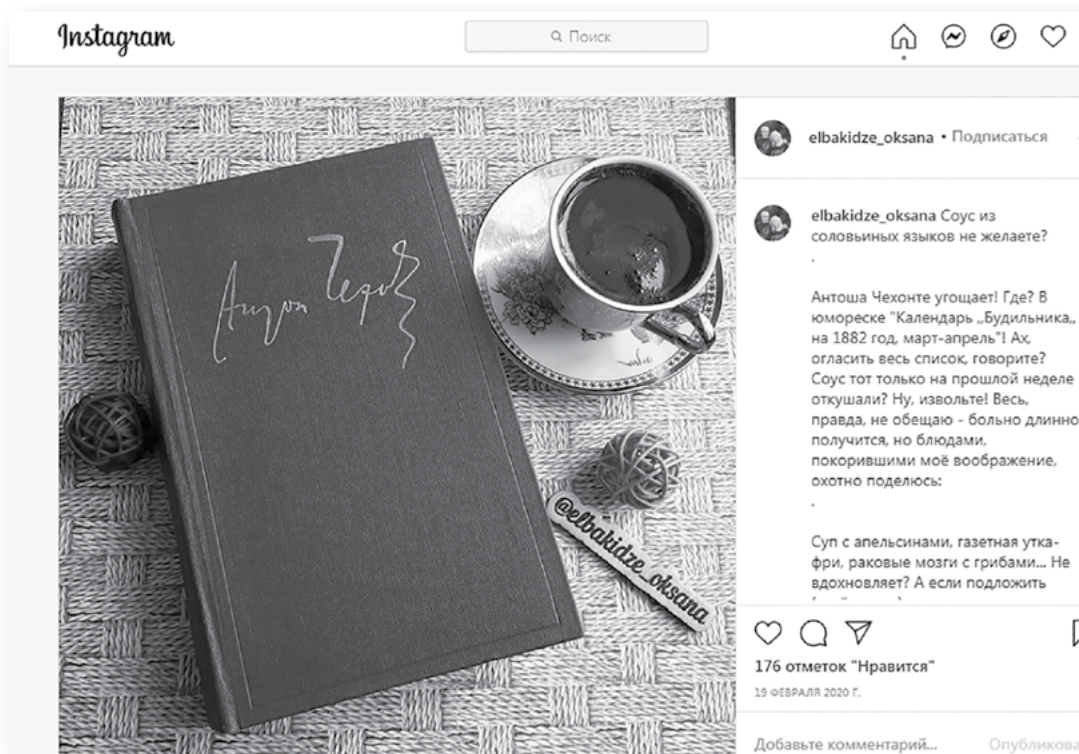
«Мы точно не знаем, кто и когда придумал шот "Дядя Ваня". По одному из предположений источником вдохновения могла стать пьеса Антона Павловича Чехова с одноименным названием, датированная 1896 годом. По другой — автора или человека, в честь которого придуман коктейль, просто могли звать Иваном.

Во многих заведениях те гости, что уже находились «под градусом», часто ошибочно заказывали "Дядю Васю". Но бармены уже привыкли к этой ошибке, и точно знают, что имелось в виду на самом деле. Шот делают на основе водки, лимонного сока и гренадина».

Черт. Захотелось сразу и выпить, и закусить. Но здесь у нас ни того, ни другого. Желания остались, но они проходят сами собой.

Так, а что в Instagram? (Щелкает по клавишам.)

На экране за спиной Андрея появляется картинка.

Андрей читает текст с телефона.

«Соус из соловьиных языков не желаете?

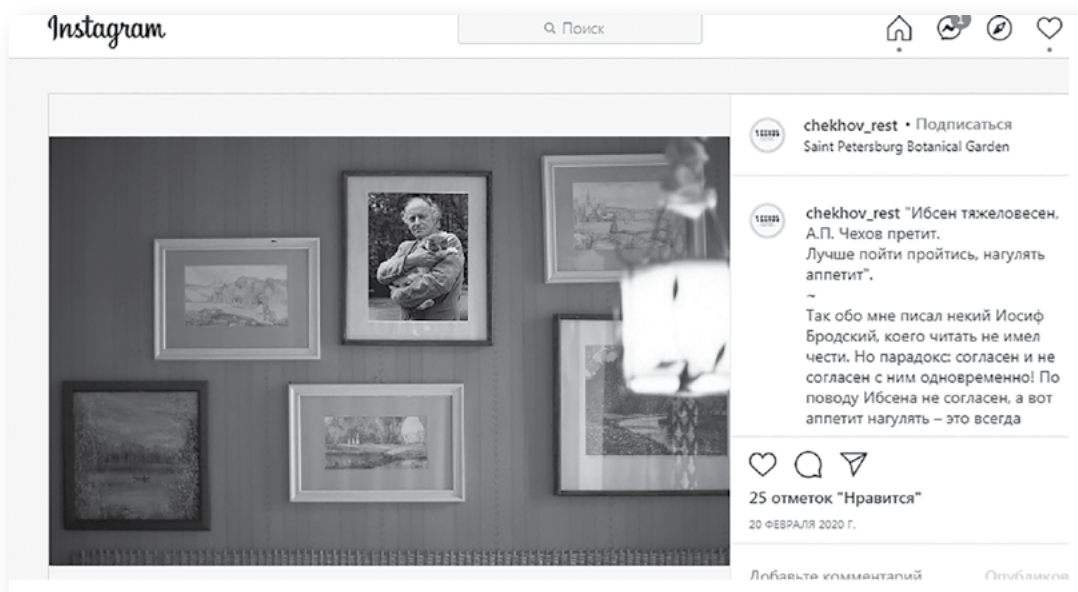
Антоша Чехонте угощает! Где? В юмореске «Календарь “Будильника”», на 1882 год, март-апрель! Ах, огласить весь список, говорите? Соус тот только на прошлой неделе откушали? Ну, извольте! Весь, правда, не обещаю — больно длинно получится, но блюдами, покорившими мое воображение, охотно поделюсь:

Суп с апельсинами, газетная утка-фри, раковые мозги с грибами... Не вдохновляет? А если подложить (*зачеркнуто*) предложить вам вареную свинью с рахат-лукумом или бульон из слоновой кости? Тоже нет? Тогда, возможно, мороженое из снегирей или компот из форелей?

Не хотите? Какие же вы привереды, однако! Эх, а ведь это рекомендуемое предпасхальное меню!»

Фантомный голод — штука, конечно, очень изматывающая. Надо переставать читать про еду. А вот этот аккаунт ресторана вообще ведут от лица Чехова? Антон Павлович, держитесь.

На экране за спиной Андрея появляется картинка.

(Продолжает читать.) «Ибсен тяжеловат, А.П. Чехов претит. Лучше пойти пройтись нагулять аппетит». Так обо мне писал некий Иосиф Бродский, коего читать не имел чести».

Ой, ну и не нужно.

Но парадокс: согласен и не согласен с ним одновременно! По поводу Ибсена не согласен, а вот аппетит нагулять — это всегда.

Вот если бы Антон Павлович сам такой аккаунт вел, вот это было бы да...

Андрей замирает.

Голос Антона Павловича. Андрей, о чем вы мечтаете?

Андрей. Переродиться во что-то красивое. Или умное, на худой конец.

Голос Антона Павловича (*с пафосом*). Чтобы умно поступать, одного ума мало.

Андрей. Антон Павлович, вы опять?

За спиной Андрея на экране появляется картинка.

Смотрит в экран компьютера.

О-о-о, статья «110 лет как умер Чехов». Антон Палыч говорил про свои похороны, что видеть все это не желал и попросил побыстрее его определить в дальнейший путь. На этом, наверное, стоит с поиском остановиться.

На экране: фотография похоронной процессии Чехова.

Читает статью с экрана компьютера.

«Павел Бурлеев. Чехов и смерть.

Чехов был большим реалистом. И когда ему пришло время умирать, он сказал, что умирает, и умер. Он умер в чужой постели, в чужом городе, в чужой стране и среди чужих людей.

Я думаю, что Чехова нужно любить, потому что все мы одиноки, и всем нам грустно, а грязь на дорогах все та же, и все так же пора пить чай, и все так же снег сменяется дождем, и все так же пахнет вареньем, и все так же все время нужно работать, страдать и мучиться, любить, не любить, курить, пить и гулять. Чем мы все с удовольствием и занимаемся».

Голос Антона Павловича. Андрей, а от чего ты умер?

Андрей. От недостатка любви, Антон Павлович. А вы?

Голос Антона Павловича. От переизбытка.

На экране за спиной Андрея: Рисунок, изображающий Чехова. Надпись на изображении: «Замечательный день сегодня. То ли чай пойти выпить, то ли повеситься».

Андрей. Я тогда выбрал не чай.

Лучше бы чай. Лучше бы чай. Лучше бы чай.

Затемнение.

ЗАНАВЕС

ЛЮБОВЬ СТРАХОВА

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ: БРОМ И ХИНА

(Таксоводевиль)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Бром Исаевич — такса.

Хина Марковна — такса.

Павел Егорович Чехов.

Антон Павлович Чехов.

Мелихово. Усадьба Чехова.

Павел Егорович пишет в дневнике, рядом — счеты, аптечка и стетоскоп.

Антон Павлович чистит ружье.

Хина и Бром дурачатся.

Антон Павлович. Славный народ — собаки! Иные умнее человека будут. А уж как они любят, как верность свою хранят, так человек совсем не способен.

Павел Егорович. Антоша, зачем нам эти коротколапые немки? Неужто мало Шарика и Арапки? Белолобый еще вот. И лайки две. У нас целый собачий двор!

Антон Павлович. Таксы — барсучьи собаки! Лайки на охоте погонят барсука, а барсук в нору — прыг! Вот и охоте конец! А такса залезет в нору и достанет добычу. Почему у таксы длинный нос?

Павел Егорович. У таксы — не знаю. Знаю, почему у любопытных женщин — длинные носы...

Антон Павлович. А чтобы такса в нору пролезла и унюхала, есть ли там зверь. А почему у таксы длинный хвост?

Павел Егорович. Тем более — не знаю. У женщин хвостов не наблюдал.

Антон Павлович. Длинный хвост нужен, чтобы из норы таксу вытащить! Дернешь за хвост и вытащишь из норы таксу с барсуком в зубах. Патрон сэкономишь.

Павел Егорович. А если хвост оторвется? Ни барсука, ни таксы из норы не вытащу, а только хвост?

Антон Павлович. Не оторвется! Это настоящее достижение селекции! От скрещивания дворняги с крокодилом!

Павел Егорович. Интересно, летающих собак еще не вывели селекционеры? Чтобы в небе на вальдшнепа охотиться...

Бром и Хина пытаются взлететь, но попытки тщетны.

Хина. Отчего таксы не летают?!

Павел Егорович (*записывает в дневник*). 15 апреля. 1893 год. Обедню служили в Мелихово. Приехала Маша и привезла с собой 5 фунтов сала, 10 фунтов грудинки, 10 фунтов свечей и двух маленьких такс.

Антон Павлович. Едучи со станции, таксы сильно озябли, проголодались и истомились, и радость их по прибытии была необычайна.

Павел Егорович. Безобразной наружности собаки! Лапы кривые, тела длинные...

Антон Павлович. Но ум необыкновенный.

Павел Егорович. Они бегали по всем комнатам, ласкались, лаяли на прислугу. Их покормили, и после этого они стали чувствовать себя совсем как дома.

Бром. Ночью они выгребли из цветочных ящиков землю с посеянными семенами и разнесли из передней калоши по всем комнатам.

Антон Павлович. А утром когда я прогуливал их по саду, привели в ужас наших собак-дворян, которые отродясь не видали таких уродов.

Хина. Самка симпатичнее кобеля. У кобеля не только задние ноги, но и морда, и зад подгуляли.

Бром. Первый ловок и гибок, вежлив и чувствителен, вторая неуклюжа, толста, ленива и лукава.

Антон Павлович. Но у обоих глаза добрые и признательные. Таксы очень понравились и составляют злобу дня. Любят гулять по полю и в лесу, но не иначе как с нами.

Бром. Первый любит птиц.

Хина. Вторая тычет нос в землю.

Антон Павлович. Оба любят плакать от избытка чувств.

Павел Егорович. Драть их приходится почти каждый день: хватают больных за штаны, ссорятся, когда едят, и тому подобное. Понимают, за что их наказывают.

Антон Павлович. Спят у меня в комнате.

Бром и Хина поют.

Игривей таксы собаки нет,
Проворней таксы собаки нет.
Сыграет в салочки и в крокет.
Ребенок с такой не знает бед.
Хитрее таксы собаки нет,
Азартней таксы собаки нет.
Легко находит и держит след,
Охотник с такой не знает бед.

Вернее таксы собаки нет,
Отважней таксы собаки нет.
В дом не зайдет ни вор, ни сосед.
Хозяин с такой не знает бед.

Павел Егорович. Ну-с, что растягались без повода?

Антон Павлович. Приветствуют, не иначе.

Павел Егорович. Антоша! Давай клички немкам придумаем! Назовем их Тетка и Дядька? Или Каштанками назовем? Она — Каштанка, а он — Каштан!

Антон Павлович. Вот уж нет! Мы с Машей посоветовались, и я решил... Мальчику будем звать Бромом! А девочку — Хиной!

Бром. Привет, Хина!

Хина. Привет, Бром!

Павел Егорович. Это что за имена такие? Бром и Хина? Совсем не собачьи.

Антон Павлович (*достает пузырьки из аптечки*). Два незаменимых лекарства в моей аптечке! Бром — успокоительное, а хина — лекарство от малярии.

Павел Егорович. А при чем тут таксы? (*Указывает на другие лекарства в аптечке.*) Предложи еще валерианой и ландышем собак назвать?

Бром. Привет, Валерьянка!

Хина. Привет, Ландыш!

Антон Павлович. Никаких валерьянок и ландышей! Хина Марковна и Бром Исаевич, добро пожаловать в нашу семью!

Павел Егорович. Ох, Антоша. Ну, будь по-твоему. Бром успокоительный и Хина малярийная.

Антон Павлович. А как еще собак могут называть в семье доктора?! Только так. Запиши их клички в свой дневник, а то забудешь!

Павел Егорович. Я тебе не писатель! Ты писал про Каштанку, вот и про Хину с Бромом теперь напиши!

Антон Павлович. Да-да, прости, ты не писатель, а летописец!

Павел Егорович (*записывает в дневник*). Утро ясное. По ночам морозит. В парнике муравьи завелись. Начали пахать и овес сеять. Посадили деревья у пруда.

Антон Павлович. А про такс ни словечка?

Павел Егорович (*нушет*). Таксы радуют. Но лают без дела. И мешают Антону заниматься писательством.

Антон Павлович. Это уже неправда.

Павел Егорович. Мой дневник. Что хочу, то и пишу.

Бром. Новые хозяева нас приняли хорошо: ласкали, умилялись, учили командам. Спали мы действительно в теплом доме.

Хина. А в собачьем дворе нас не приняли. Совсем.

Бром. Белолобый недовольно рычал, когда мы приближались.

Хина. Шарик с Арапкой гонялись за нами, будто мы кошки!

Бром. Лайки глядели косо.

Хина. Глядели зло.

Бром. Но нас это мало волновало.

Хина. Мы радовались новой жизни.

Бром. И новым хозяевам!

Хина. Собачьей дружбы ведь не бывает? Как думаешь, Бром?

Бром и Хина поют.

Собачья свора дворами правит,
И в каждой своре есть свой вожак.
Собачья дружба не знает правил,
В собачьей дружбе до драки — шаг.

Пугают лаем чужих — от злости.
Но повар выйдет — и свет померк.
Собачья дружба — до первой кости,
Собачья дружба — не длится век.

В собачьей своре большие риски —
Легко нарваться на острый клык.
Собачья дружба до вкусной миски.
У вкусной миски продлится миг
Собачья дружба...

Павел Егорович (*записывает в дневник и считает на счетах*). Убрали овес в закрома, вышло с 45 копен мешков 72, примерно 252 пуда или 285 пудов. Молотили рожь. Кончили. Заплатили за молотьбу по 15 коп. копна, 36 копен, 5 р. 40 коп.

Антон Павлович. За лето таксы обвыклись и целыми днями гоняли по саду кур и гусей.

Павел Егорович. Но между лайками, таксами и дворовыми псами шла настоящая война. Они кусались и дрались. Собачий лай мешал спать.

Антон Павлович. По ночам собаки таскали еду из кладовой и разоряли клумбы.

Павел Егорович. Антоша оказывал помощь Бром, когда его потрепала гончая.

Антон Павлович. И выхаживал Хину, когда она отравилась.

Павел Егорович. У рыженькой Хины были такие коротенькие, все в сборах ножки, что брюхо у нее чуть не волочилось по земле. Каждый вечер Хина подходила к Антоше, клала ему на колени передние лапки и жалостливо и преданно смотрела ему в глаза. Он изменял выражение лица и разбитым, старческим голосом говорил...

Антон Павлович (*слушая Хину стетоскопом*). Хина Марковна!.. Страдалица!.. Пузо до земли!.. Опять поганок объелись?.. Вам ба лечь в больницу!.. Вам ба там ба полегчало ба-б.

Павел Егорович. Целые полчаса он проводил с этой собакой в разговорах, от которых все домашние помирали со смеху.

Антон Павлович. Затем наступала очередь Брома.

Павел Егорович. Он так же ставил передние лапки на коленку, и опять начиналась потеха. Обращался к нему Антоша голосом, полным тревоги.

Антон Павлович (*слушая Брома стетоскопом*). Бром Исаевич! Как же это можно? У отца архимандрита разболелся живот, и он пошел за кустик, а мальчишки вдруг подкрались и пустили в него из шпринцовки струю воды!.. Как же вы это допустили?

Павел Егорович. И Бром начинал злобно ворчать.

Бром. Бром Исаевич мог схватить кого-то из них за штаны!

Хина. А Хина Марковна — основательно погрызть дорогую трость.

Антон Павлович. Но таксам все прощалось, ведь они умели «смотреть человеческими глазами».

Бром и Хина поют,

Павел Егорович и Антон Павлович подпевают.

Немецким вечером унылым
Свели дворняжку с крокодилом.
И милый вышел результат:
Порода такса нарасхват.

Я таксе кричу: ко мне!
И такса бежит к стене.
Я таксе кричу: дай лапу!
И такса ложится на пол.

Когда в руке твоей вкусняшка,
В ней просыпается дворняжка.
Когда вкусняшку уронил,
Проснется хитрый крокодил.

Я таксе кричу: служить!
Она за котом бежит.
Я таксе кричу: апорт!
И такса в ответ зевнет.

Павел Егорович (*записывает в дневник*). Пасмурно; ходили с таксами на охоту, но барсука в норе не нашли.

Антон Павлович. Охота с таксами была полна приключений!

Павел Егорович. Они бегали по лесу и постоянно лаяли.

Бром. Бром обязательно застревал в буреломе, приходилось его спасать.

Хина. А Хина ранила лапу, прихрамывала, но все равно самоотверженно шла вперед.

Антон Павлович. Через час хождения по лесу, мы уже забывали, зачем сюда пришли.

Бром. Собирали грибы на жареху.

Хина. Ели малину на просеке.

Павел Егорович. А когда заглядывали в барсучьи норы, барсука там уже не было... Это таксы во всем виноваты! Лаять надо было тише!

Антон Павлович. Зачем нам барсук, пусть себе живет. Поохотимся в следующий раз.

Бром и Хина поют.

Сезон охоты — плодотворный стресс,
Где пули из свинца, а нерв из стали.
В любой охоте главное — процесс,
Ружье и патронташ — уже детали.

Такс натаскали: в них вселился бес,
Капканы с пыльных чердаков достали.
В любой охоте главное — процесс,
Ружье и патронташ — уже детали.

Пусть замирает в страхе дикий лес,
Как на охоту с первым солнцем встали.
Хотя в охоте главное — процесс,
Ружье и патронташ — уже детали.

Токует вальдшнеп где-то, но не здесь,
И в норах барсука искать устали.
Жаль, что в охоте главное — процесс,
Ружье и патронташ — уже детали.

Спешим домой с ружьем наперевес,
Барсук не найден, тягу не застали.
В любой охоте главное — процесс,
А есть ли дичь в мешке — уже детали.

Павел Егорович (*записывает в дневник*). Дождь. Кислая погода, работать нельзя. У Брома часто бывает рвота. Бегает он за дворняжкой. Хина же — все еще невинная девушка.

Антон Павлович. Таксы жили вполне дружно, пока Бром Исаевич не полюбил дворняжку.

Павел Егорович. Какая любовь у собак? У собак — инстинкт.

Бром. Ничто человеческое нам не чуждо.

Хина. Такса не может любить дворняжку! Такса не может любить дворняжку! Такса не может любить дворняжку! Признайся, Бром Исаевич, что между вами все несерьезно. Признайся, что поддался минутной слабости. Признайся, что пошел на поводу у инстинкта.

Бром. Дворняжка — это не приговор.

Хина. У нее облезлый хвост!

Бром. Зато пушистая холка!

Хина. У нее прокушено ухо!

Бром. Потому что боевой нрав.

Хина. У нее разные глаза!

Бром. Один — правый, другой — левый!

Хина. У нее кривые ноги.

Бром. Зато длинные! Не то, что у некоторых...

Хина. Бром, как ты мог?

Бром. Сердцу не прикажешь.

Хина. У тебя нет сердца... У тебя нет сердца!

Бром. Девочки-таксы — ревнивые плаксы.

Бром и Хина поют.

Наш двор в ожиданье напрягся,
Таких не видал визави,
Когда чистокровная такса
Дворняжке скулит о любви.
О чувстве теории спорны,
Ведь сердцу не важен расчет.
Любви все породы покорны,
В любви не бывает пород.

Ах, без любви жить собакам тяжело,
Но — даже в самый суровый час
Такса не может любить дворняжку,
Такса не может любить не такс.

Табу — внепородная вязка.
Табу — не указ, се ля ви!
Селекция терпит фиаско,
Когда у собак — по любви.
Хоть сопротивляйся упорно,
Верх чувство над смыслом берет.
Любви все породы покорны,
В любви не бывает пород.

Ах, без любви жить собакам тяжело,
Но — даже в самый суровый час
Такса не может любить дворняжку,
Такса не может любить не такс.

Павел Егорович (*записывает в дневник*). Ночью выпал глубокий снег. Померзло в саду все. Дров привезли 2 воза из своего лесу. В село Лопасню ездили. Сани купили за 4 р. простые. Хинка оценилась двумя щенками.

Антон Павлович. Отцом щенят оказался дворový пес Шарик.

Бром. Не понял! Как так?!

Хина. Сердцу не прикажешь.

Павел Егорович (*записывает в дневник*). Бром охраняет Хину и щенят.

Бром. А что мне еще остается?! Приходится охранять.

Павел Егорович (*записывает в дневник*). Осталось 93 меры овса. Деревенские мальчишки скормили лайкам хлеб с битым стеклом. И оба пса погибли.

Антон Павлович. В доме произошел пожар. С обеда воняло дымом, жаловались на угар, а вечером в щели между печью и стеной увидели огненные языки.

Хина. Звон в колокол. Дым. Толкотня.

Бром. Мужики тащат во двор пожарную машину. Шумят в коридоре. Шумят на чердаке.

Павел Егорович. Хина и Бром воют — им негде спать.

Антон Павлович. Баба с иконой.

Павел Егорович. В результате: сломанная печь, сломанная стена, содранные обои, сломанная дверь, загаженные полы, вонь сажей!

Антон Павлович. А еще, кроме всего, новый повод известному лицу нести чепуху и орать.

Павел Егорович. Это ты про меня, Антоша? Когда я нес чепуху и без дела орал? Если и орал, то по делу! (*Брому и Хине.*) А вы пошли прочь! Тявкаете и носитесь как заведенные, голова от вас болит!

Бром и Хина расходятся по разным углам.

Хина. Окна заледенели, как зимою. Восход солнца яркий.

Бром. В доме во всех комнатах холодно.

Павел Егорович (*читает в дневник*). 12 октября. 1898 год. Павел Егорович скончался в Москве в пять часов пополудни после неудачной хирургической операции.

Антон Павлович (*закрывает дневник*). В августе 1899 года Мелихово продано.

Хина. Однажды утром на дом повесили огромный замок.

Бром. Нам пришлось ночевать в холодной конуре рядом с дворовыми собаками.

Павел Егорович. Антон из-за болезни переехал жить в Ялту.

Антон Павлович. А таксы остались одни в Мелихове.

Хина. Жизни с дворовыми собаками мы не выдержали.

Бром. Бром заболел бешенством.

Павел Егорович. И его пришлось пристрелить.

Павел Егорович берет ружье и стреляет в воздух.

Хина. А Хина подралась с соседским псом.

Антон Павлович. И умерла в мучениях.

Бром и Хина поют.

Недолг путь собачий,
Извилист и непрост.
Порою слез не прячет
Хромой бродячий пес.
Обед его случаен
И беспокойны сны.
Забыл о нем хозяин,
В том нет его вины.

Прощайте собакам шалости,
Нельзя им без лая и драк.
Не бросайте собак, пожалуйста.
Не бросайте собак...
Прощайте собакам шалости,
Без шалостей им никак.
Не бросайте собак, пожалуйста.
Не бросайте собак...

Недолг путь собачий
На грязном пустыре.
Мечтает пес бродячий
О теплой конуре.

О косточке и кроме
Того, чтоб был обед,
О доброте и доме,
Которых больше нет.

Антон Павлович. Антон переживет своих любимцев всего на 5 лет.

Павел Егорович. Как бы ни вели себя собаки, все равно после лета должна быть зима, после молодости старость, за счастьем несчастье и наоборот; человек не может быть всю жизнь здоров, и весел, и надо быть ко всему готовым. Надо только, по мере сил, исполнять свой долг — и больше ничего.

Антон Павлович. Хорошему человеку бывает стыдно даже перед собакой...

КОНЕЦ

НАТАЛЬЯ КАЛИННИКОВА

ЛИТ-КРОКЕТ

(Пьеса-конструктор)

ПРАВИЛА ИГРЫ

Небольшая летняя пьеса-конструктор. Исполняется одновременно с игрой в **крокет**. Порядок реплик зависит от удачного или неудачного хода того или иного игрока.

Начало пьесы соответствует началу игры. Участники разбиваются на две команды, без жеребьевки.

Первая — команда протагониста, Антона Павловича Чехова и его союзников. Это реальные исторические лица (друзья и знакомые, которые разделяли взгляды Антона Павловича, любили его творчество и т. д.), а также Анонимы — современные комментаторы из социальных сетей LiveLib и Яндекс.Кью, оставившие положительные отзывы. Первая команда играет шарами с красными полосками, следовательно, всегда начинает игру.

Вторая команда использует шары с черными полосками. Это реальные исторические лица (недрузья и знакомые Антона Павловича, которые отвергали его идеи, ругали его творчество и т. д.), а также Анонимы — современные комментаторы из социальных сетей LiveLib и Яндекс.Кью, оставившие негативные отзывы.

Первый ход всегда принадлежит Антону Павловичу. Его сюжетная линия — фрагментарный рассказ о творчестве, взглядах на жизнь, взаимоотношениях с читателями, издателями, критиками. Доброжелатели своими репликами поддерживают эту сюжетную линию, недоброжелатели — пытаются сломать.

Участники второй команды стараются «потопить» команду Чехова, пикируясь с ним напрямую или косвенно. Это значит, что реплика «против» пьес Антона Павловича, например, не обязательно должна следовать сразу за той, где он сам рассуждает о своих пьесах.

В команде «противников» нет главного действующего лица — это коллективный герой, почти хор. Финальной репликой с их стороны должны быть слова Зинаиды Гиппиус о «нормальности» Чехова.

Антон Павлович может беседовать с любым участником, как из «своей» команды, так и с «противниками».

При успешном прохождении шара через воротики игрок получает дополнительный ход — представитель той или иной команды произносит очередную реплику в своей парадигме, «положительной» или «отрицательной». Очередность реплик поначалу не зависит от культурного «веса» персонажа (условный Аноним «равен» Суворину или Куприну).

Из этого правила есть два исключения: И. А. Бунин (команда доброжелателей) и Л. Н. Толстой (команда противников). Они появляются ближе к концу пьесы и могут один раз отменить правила. Например, если Бунин ударит по шару, но промахнется, то команда доброжелателей все равно получает дополнительный

ход («авторитет Бунина»). То же верно и для команды противников: если Толстой промахнется, кто-то из его команды должен повторить ход («авторитет Толстого»). Безусловно, создательница этого текста знает, что Чехов не враждовал, а приятельствовал со Львом Николаевичем; моей задачей было показать, что одна эмоциональная реплика от одного авторитетного человека может достаточно сильно сказаться на репутации другого человека.

Важно: при удачном прохождении воротиков игрок, вне зависимости от команды и авторитета, получает только один дополнительный ход (иначе пьеса закончится слишком быстро).

Все реплики главного героя пьесы, за исключением первой, даны не по временному, а по эмоциональному принципу, от позитивных эмоций к негативным: в начале Чехов открытый, ироничный — в конце усталый, раздраженный. Их можно (и нужно) использовать вперемежку с репликами игроков из команды доброжелателей и/или не по порядку (кроме первой реплики-«визитки», с которой начинается игра).

Если на поле возникает сложная ситуация (например, шар попадает в «масло мышеловки» и т.д.), это никак не влияет на порядок реплик. Можно взять паузу и ничего не говорить, пропустить колкость противника, закрыть глаза на комплименты друзей и просто поиграть — как в жизни.

НАЧАЛО ИГРЫ

Герой / автор

- 1. А. П. Чехов.** Вам нужна моя биография? Вот она. Родился я в Таганроге в 1860 году. В 1879 году кончил курс в Таганрогской гимназии. В 1884 году кончил курс в Московском университете по медицинскому факультету. В 1888 году получил Пушкинскую премию. В 1890 году совершил путешествие на Сахалин через Сибирь и обратно морем. В 1891 году совершил турне по Европе, где пил прекрасное вино и ел устриц. В 1892 году гулял на именинах с В. А. Тихоновым. Писать начал в 1879 году в «Стрекозе». Грешил и по драматической части, хотя и умеренно. Переведен на все языки, за исключением иностранных. Впрочем, давно уже переведен немцами. Чехи и сербы также одобряют. И французы не чужды взаимности. Тайны любви постиг я, будучи 13 лет. С товарищами, как врачами, так равно и литераторами, пребываю в отличнейших отношениях. Холост. Желал бы получать пенсию. Медициной занимаюсь и даже настолько, что, случается, летом произвожу судебно-медицинские вскрытия, коих не совершал уже года 2–3. Из писателей предпочитаю Толстого, а из врачей — Захарьина. Однако все это вздор. Пишите, что угодно. Если нет фактов, то замените их лирикою.
- 2. А. П. Чехов.** Мой идеал: быть праздным и любить полную девушку. Для меня высшее наслаждение — ходить или сидеть и ничего не делать; любимое мое занятие — собирать то, что не нужно (листки, солому и прочее), и делать бесполезное.
- 3. А. П. Чехов.** Хочу хотя немного оправдаться в своем тяжком грехе. Поначалу относился я к своей литературной работе крайне легкомысленно, небрежно, зря. Не помню я ни одного своего рассказа, над которым я работал бы более суток, а «Егеря» я вообще писал в купальне! Как репортеры пишут свои заметки о пожарах, так я писал свои рассказы: машинально, полубессознательно, нимало не заботясь ни о читателе, ни о себе самом... Писал я и всячески старался не потратить на рассказ образов и картин, которые мне дороги и которые я, бог знает почему, берег и тщательно прятал.
- 4. А. П. Чехов.** Искусство писать состоит, собственно, не в искусстве писать, а в искусстве вычеркивать плохо написанное. Надо, чтобы каждая фраза прежде, чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу дня два и обмаслилась. Само собой разумеется, что сам я по лености не придерживаюсь сего правила, но вам, молодым, рекомендую его тем охотно, что испытал не раз на себе самом его целебные свойства и знаю, что рукописи всех настоящих мастеров испачканы, перечеркнуты вдоль и поперек, потерты и покрыты латками.
- 5. А. П. Чехов.** Можно писать о кофейной гуще и удивить читателя путем фокусов. Вообще, писать нелегко... Ужасно легко думать, что именно напишешь. Кажется, всего и остается переписать на бумагу готовое. А тут-то и пойдет московская мостовая. О каждый булыжник спотыкаешься. А иногда вдруг, как по рельсам, целые страницы!.. По-старому, пожалуй, в вдохновение бы поверил. Только такие страницы не очень удачны выходят.

6. **А. П. Чехов.** Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам.
7. **А. П. Чехов.** Пишущим людям, особенно художникам, пора уже сознаться, что на этом свете ничего не разберешь, как когда-то сознался Сократ и как сознавался Вольтер. Толпа думает, что она все знает и все понимает; и чем она глупее, тем кажется шире ее кругозор. Если же художник, которому толпа верит, решится заявить, что он ничего не понимает из того, что видит, то уж это одно составит большое знание в области мысли и большой шаг вперед.
8. **А. П. Чехов.** Моя «Степь» утомила его, но разве он сознается в этом, если другие кричат: «талант! талант!»? Впрочем, ну их к лешему!
9. **А. П. Чехов.** Я слышал беспорядочный, ничего не решающий разговор двух русских людей о пессимизме и должен передать этот разговор в том самом виде, в каком слышал, а делать оценку ему будут присяжные, т. е. читатели. Душа только в том, чтобы быть талантливым, то есть уметь отличать важные показания от не важных, уметь освещать фигуры и говорить их языком. Вот ставят мне в вину, что я кончил рассказ фразой «Ничего не разберешь на этом свете!» Якобы художник-психолог должен разобрать, на то он психолог. Но я с этим не согласен.
10. **А. П. Чехов.** Требуя от художника сознательного отношения к работе, вы правы, но вы смешиваете два понятия: решение вопроса и правильная постановка вопроса. Только второе обязательно для художника. В «Анне Карениной» и в «Онегине» не решен ни один вопрос, но они вас вполне удовлетворяют, потому только, что все вопросы поставлены в них правильно. Суд обязан ставить правильно вопросы, а решают пусть присяжные, каждый на свой вкус.
11. **А. П. Чехов.** Приятно думать, что работаешь для публики, конечно, но откуда я знаю, что я работаю именно для публики? Сам я от своей работы, благодаря ее мизерности и кое-чему другому, удовлетворения не чувствую, публика же (я не называл ее подлой) по отношению к нам недобросовестна и неискренна, никогда от нее правды не услышишь и потому не разберешь, нужен я ей или нет. Рано мне жаловаться, но никогда не рано спросить себя: делом я занимаюсь или пустяками? Критика молчит, публика врет, а чувство мое мне говорит, что я занимаюсь вздором.
12. **А. П. Чехов.** Вам рассказ нравится, ну, слава богу. В последнее время я стал чертовски мнителен. Мне все кажется, что на мне штаны скверные, и что я пишу не так, как надо, и что даю больным не те порошки. Это психоз, должно быть.
13. **А. П. Чехов.** Первое, что толкнуло меня к самокритике, было очень любезное и, насколько я понимаю, искреннее письмо Суворина. Я начал собираться написать что-нибудь путевое, но все-таки веры в собственную литературную путевость у меня не было. Книжка моя мне очень не нравится. Это винегрет,

беспорядочный сброд студенческих работишек, ощищенных цензурой и редакторами юмористических изданий. Я верю, что, прочитав ее, многие разочаруются. Знай я, что меня читают, я не стал бы печатать этой книги.

14. **А. П. Чехов.** Впрочем, наплювэ на это... Я оканчиваю скучнейшую повестушку. Вздумал пофилософствовать, а вышел канифоль с уксусом. Перечитываю написанное и чувствую слюноотечение от тошноты: противно! Ну, да ничего... Наплювэ. Какую б мы глупость ни написали теперь, как бы ни мудрили над нами наши индюки критики, а через 10 лет мы уж не будем чувствовать этого, а потому, капитан, — вперед без страха и сомненья!
15. **А. П. Чехов.** Да, моя «Чайка» имела в Петербурге, в первом представлении, громадный неуспех. Театр дышал злобой, воздух сперся от ненависти, и я — по законам физики — вылетел из Петербурга, как бомба.
16. **А. П. Чехов.** Слова «художественности» я боюсь, как купчихи боятся жупела. Когда мне говорят о художественном и антихудожественном, о том, что сценично или не сценично, о тенденции, реализме и т.п., я теряюсь, нерешительно поддакиваю и отвечаю банальными полую истинами, которые не стоят и гроша медного. Все произведения я делю на два сорта: те, которые мне нравятся, и те, которые мне не нравятся. Другого критериума у меня нет, а если меня спросят, почему мне нравится Шекспир и не нравится Златовратский, то я не сумею ответить. Быть может, со временем, когда поумнею, я приобрету критерий, но пока все разговоры о «художественности» меня только утомляют и кажутся мне продолжением все тех же схоластических бесед, которыми люди утомляли себя в средние века.
17. **А. П. Чехов.** Если критика знает то, чего мы с вами не знаем, то почему она до сих пор молчит, отчего не открывает нам истины и непреложные законы? Если бы она знала, то, поверьте, давно бы уж указала нам путь, и мы знали бы, что нам делать, и Фофанов не сидел бы в сумасшедшем доме, Гаршин был бы жив до сих пор, Баранцевич не хандрил бы, и нам бы не было так скучно и нудно, как теперь. Но критика солидно молчит или же отделяется праздной дрянной болтовней. Если она представляется нам влиятельной, то это только потому, что она глупа, нескромна, дерзка и криклива, потому что она пустая бочка, которую поневоле слышишь...
18. **А. П. Чехов.** И великие писатели бывают подвержены риску исписаться, надоесть, сбиться с панталыку и попасть в тираж. Я лично подвержен этому риску в сильнейшей степени, чего вы, как умный человек, надеюсь, отрицать не станете. Во-первых, я «счастья баловень безродный», в литературе я Потемкин, выскочивший из недр «Развлечения» и «Волны», я мещанин во дворянстве, а такие люди недолго выдерживают, как не выдерживает струна, которую торопятся натянуть. Во-вторых, наибольшему риску сойти с рельсов подвержен тот поезд, который идет ежедневно, без остановок, невзирая ни на погоду, ни на количество топлива...
19. **А. П. Чехов.** Меня будут читать лет семь, семь с половиной, а потом забудут.

20. **А. П. Чехов** (*финальная реплика*). Вот меня часто упрекают — даже Толстой упрекал, — что я пишу о мелочах, что нет у меня положительных героев: революционеров, Александров Македонских или хотя бы, как у Лескова, просто честных исправников... А где их взять? Я бы и рад! (*Грустная усмешка.*) Жизнь у нас провинциальная, города немощные, деревни бедные, народ поношенный... Все мы в молодости восторженно чирикаем, как воробьи на дерьме, а к сорока годам — уже старики и начинаем думать о смерти... Какие мы герои! Вот вы говорите, что плакали на моих пьесах... Да и не вы один... А ведь я не для этого их написал, это их Алексеев сделал такими плаксивыми. Я хотел другое... Я хотел только честно сказать людям: «Посмотрите на себя, посмотрите, как вы все плохо и скучно живете!..» Самое главное, чтобы люди это поняли, а когда они это поймут, они непременно создадут себе другую, лучшую жизнь... Я ее не увижу, но я знаю, — она будет совсем иная, не похожая на ту, что есть... А пока ее нет, я опять и опять буду говорить людям: «Поймите же, как вы плохо и скучно живете!» Над чем же тут плакать?
21. **Доброжелатель**. А те, которые уже это поняли?
22. **А. П. Чехов**. Ну, эти и без меня дорогу найдут...

КОМАНДА ДОБРОЖЕЛАТЕЛЕЙ

1. **И. Н. Потапенко.** Мне кажется, что он весь был — творчество. Каждое мгновение, с той минуты, как он, проснувшись утром, открывал глаза, и до того момента, как ночью смыкались его веки, он творил непрестанно. Может быть, это была подсознательная творческая работа, но она была, и он это чувствовал.
2. **М. М. Ковалевский.** Он любил работу писателя и относился к ней с величайшей серьезностью, изучая разносторонне поднимаемые им темы, знакомясь с жизнью не из книг, а из непосредственного сношения с людьми.
3. **В. А. Фаусек.** Как-то затеялся разговор о художественном творчестве, и я спросил Антона Павловича, какой психологии творчества подчиняется он сам? Пишет ли людей с натуры, или персонажи его рассказов являются результатом более сложных обобщений творческой мысли?
  - Я никогда не пишу прямо с натуры! — ответил Антон Павлович.
  - Впрочем, это не спасает меня как писателя от некоторых неожиданностей! — прибавил он. — Случается, что мои знакомые совершенно неосновательно узнают себя в героях моих рассказов и обижаются на меня!
4. **М. О. Меньшиков.** Работал он с тщательностью ювелира. Его черновик я принял однажды за нотный лист — до такой степени часты были зачеркнутые жирно места. Он кропотливо отделявал свой чудный слог и любил, чтобы было «густо» написано: немного, но многое. «Будь я миллионер, — говаривал он, — я бы писал вещи с ладонь величиной».
5. **Аноним.** Не единожды слышал мнение о том, что Чехов злой. И потому читал сборник еще и с подсознательной целью попробовать на вкус это утверждение/предположение. И знаете — злости в этих рассказах я не увидел. Досада, правда-матка без прикрас и иллюзий, отсутствие всякого романтизма и прочее — вот это да, это есть, а вот чтобы именно злость — нет, не нашел.
6. **А. И. Куприн.** Стыдливо и холодно относился он и к похвалам, которые ему расточали. Бывало, уйдет в нишу, на диван, ресницы у него дрогнут и медленно опустятся, и уже не поднимаются больше, а лицо делается неподвижным и сумрачным. Иногда, если эти неумеренные восторги исходили от более близкого ему человека, он старался обратить разговор в шутку, свернуть его на другое направление.
7. **Аноним.** Повесть для меня не превратилась в произведение, которое можно прочесть и забыть. Образ степи до сих пор перед глазами. То она бескрайняя и полная зноя днем, то многожизненная утром, то мрачная ночью, а то и угрожающая во время грозового дождя. И путники встречаются в этой степи самые разные, истории их жизни могут передать различную гамму чувств. В этой степи я увидела любовь к родному дому, любовь к своему делу, любовь в семье, но и тут меня успели напугать страшилками. Как мне кажется, я нашла здесь все.

8. **А. И. Куприн.** Читал он удивительно много, и всегда все помнил, и никого ни с кем не смешивал. Если авторы спрашивали его мнения, он всегда хвалил, и хвалил не для того, чтобы отвязаться, а потому, что знал, как жестоко подрезает слабые крылья резкая, хотя бы и справедливая критика и какую бодрость и надежду вливает иногда незначительная похвала. «Читал ваш рассказ. Чудесно написано», — говорил он в таких случаях грубоватым и задушевным голосом. Впрочем, при некотором доверии и более близком знакомстве, и в особенности по убедительной просьбе автора, он высказывался, хотя и с осторожными оговорками, но определеннее, пространнее и прямее. Но он мог часами просиживать в кресле, без газет и без книг, заложив ногу на ногу, закинув назад голову, часто с закрытыми глазами. И кто знает, каким думам он предавался в уединенной тишине своего кабинета, никем и ничем не отвлекаемый. Я уверен, что не всегда и не только о литературе и о житейском.
9. **И. Н. Потапенко.** Бывают счастливы с изумительно симметрическим сложением тела. Все у них в идеальной пропорции. Такое тело производит впечатление чарующей красоты. У Чехова же была такая душа. Все было в ней — и достоинства, и слабости. Если бы ей были свойственны только одни положительные качества, она была бы так же одностороння, как душа, состоящая из одних только пороков. В действительности же в ней наряду с великодушием и скромностью жили и гордость, и тщеславие, рядом со справедливостью — пристрастие. Но он умел, как истинный мудрец, управлять своими слабостями, и оттого они у него приобретали характер достоинств.
10. **И. А. Бунин** (*дополнительный ход при любом ударе*). Я спрашивал Евгению Яковлевну и Марию Павловну:
- Скажите, Антон Павлович плакал когда-нибудь?
  - Никогда в жизни, — твердо отвечали обе.
- ...Но при том всех неизменно держал на известном расстоянии от себя.
11. **Аноним.** У меня такое впервые. Рассказ настолько мастерски написан, Чехов так точно передал скверный характер дамочки, что я поставила произведению 2! Вернее, не так. Рассказ заслуживает и 5+, но баба, описанная в нем, настолько ужасно противна, что поставить больше не смогла. Прочтите! Все лишь каких-то пять минут, а «удовольствие» от главной героини зашкаливает. Маэстро, браво!
12. **Аноним.** Так, а что мы вообще знаем об Антоне Павловиче? Коллекционировал марки — раз! Любимое блюдо — караси в сметане, два! Много времени проводил в саду — три! Однажды сбежал со своей собственной свадьбы... или нет... ладно, пусть будет! Четыре! (*Аплодирует сам себе.*)
13. **Аноним.** У меня лично проблемы с пьесами, но эта — просто идеальна. Сюжет — прост, но по-своему гениален. Персонажи интересны, но некоторые просто не раскрыты. Финал немного неожиданный, самую малость. Много не расскажешь, ведь и по объему пьеса небольшая. Приятное времяпрепровождение на пару часов обеспечено.

14. **Аноним.** Я люблю Чехова за краткость, харизму, философию. Он говорит в своих произведениях об элементарных на первый взгляд вещах. Но его повествование цепляет наши души. Время проведено с пользой, в приятной компании. Возможно, я уже просто привыкла к Чехову и теперь читаю его книги, будто беседую со старым другом о не иссякающих проблемах человеческих душ.

КОМАНДА ПРОТИВНИКОВ

1. **А. Р. Кугель.** В Чехове я не примечал страстного отношения к какому-либо предмету. Он трунил, подсмеивался в жизни, как трунит и подсмеивается в своих письмах. При этом чрезвычайно самолюбив, и самолюбив скрытно. Он прибегал к шуточкам, потому что боялся излишней. Как будут приняты излишней? А вдруг вызовут холод и отказ? Он был крайне мягок, деликатен и уступчив — мало того, ласков, когда чувствовал, что одаряет людей, что может одарить их бесспорным превосходством своего интеллекта.
2. **А. С. Суворин.** К успеху своих произведений он был очень чувствителен и при своей искренности и прямоте не мог этого скрывать.
3. **Аноним.** Произведение не понравилось. Для себя не выделил ни одного персонажа, к которому могу что-то почувствовать. Никто не зацепил. Всегда так: если не вижу хотя бы малейшее отражение себя — книга остается мной не признана.
4. **Аноним.** Не знаю, может, все эти моменты — этакая авторская задумка, но! Во время чтения пьесы мне казалось, что местами из текста «выпадали» целые куски, иначе объяснить эти бессвязные диалоги нельзя. Герои не разговаривают друг с другом или с аудиторией, они все на своей волне, в своих мирах, каждый не видит дальше своего носа и не слышит никого вокруг себя. Их разговоры пустые, непонятные, несвязные. Общая канва сюжета прослеживается уже постфактум, когда все уляжется немного в голове. Не знаю, что Чехов подразумевал под каждым образом. Кого он видел за лицом Любви Андреевны? Ленивое глупое дворянство, неспособное к труду, созиданию, мудрости? Что он вкладывал в Лопухина? Прогрессивно настроенное прокапиталистическое человечество будущего? Кто тогда Фирс? Отжившие, устаревшие, забытые за ненужностью рамки былых приличий? Ломать — не строить. Нетрудно вырубить вишневый сад и на его месте разбить участки под дачи. Несколько взмахов топором — и нет того дерева, чей росток проклюнулся из косточки с полтора года назад. Ухаживать за садом, возродить производство, наладить продажи — долго, муторно, сложно. Время реформ прошло, настало время революции. Нужно вырубить прошлое на корню, выкорчевать из благодатной почвы людских душ, забыть, отринуть, сжечь и уничтожить и на голом пустыре воздвигнуть что? Дачи. Денег это принесет, конечно, достаточно. Но видится ли это разумным, правильным, мудрым? Сейчас и мне — нет. В начале прошлого века, возможно, так и было нужно, по-другому, наверное, было уже нельзя. Неприятные впечатления. Пьеса неприятная.

5. **Аноним.** Полнейшее разочарование... Что «Чайка», что «Вишневый сад»... У меня в голове складывается впечатление, что я еще чего-то не понимаю. Иначе не может быть, наверное. О чем пьеса? О глупых мечтах, о воспоминаниях, о нежелании забывать прошлое, о безответной любви. Вроде по описанию что-то интересное, а на самом деле все чересчур пафосно. Просто беседы без особого смысла. Ахи, вздохи, горе, разочарование. Диалоги особо не блещут.
6. **Аноним.** Честно сказать, не впечатлило, ожидала другого. Хотя все реалистично и правдиво, но это не мое. Сюжета тут кот наплакал: разорившиеся брат с сестрой продают имение и разъезжаются. Собственно все. Пьесу назвать комедией, конечно, сложно. Довольно странно, что Чехов называет ее таким образом. В чем тут комедия? Может быть, в том, что Чехову очень смешны главные ее персонажи? Чехов выражает свои мысли через случайные обрывки фраз, произнесенных как между делом речей неприметных героев...
7. **П. А. Сергеенко.** У него было много друзей. Но он не был ничьим другом. Его, в сущности, ни к кому не притягивало до забвения своего Я.
8. **Аноним.** Мое безразличие к Чехову не связано с профессиональными разногласиями. Что если истории его не цепляют, «Дядя Ваня» и «Три сестры» кажутся одинаковыми, а идти на глубину не хочется? Если я хочу моментального эффекта, без всех этих подводных камней?
9. **Аноним.** Познакомился с «Вишневым садом» в театре. Не сразу все понял весь символизм произведения. Прочитав книгу, понял, что пьесу все-таки лучше смотреть, а не читать. История слишком банальная, но персонажи интересные и смысл, заложенный Чеховым, довольно глубокий.
10. **Аноним.** Чехова не любили, например, Ахматова («его пьесы тоскливы, в его мире нет героев и мучеников, нет глубины, нет темного, нет духовных высот») и Цветаева («Чехова с его шуточками, прибауточками, усмешечками ненавижу с детства»). И я полностью солидарен с Ахматовой: я бы добавил — посредственность с потугой на оригинальность.
11. **Л.Н. Толстой** (*дополнительный ход при любом ударе*). А все-таки пьес ваших я терпеть не могу. Шекспир скверно писал, а вы еще хуже!
12. **Аноним.** Любит Чехов свой русский народ, видно, что любит простых дедов, «старикашками» их называет да и описывает всякую мерзость, такую, что отбивает аппетит. И собаки у него неправильные, воруют. Справедлив Чехов, ох справедлив, за воровство каждый день у него собак убивают. Добрый такой доктор, собака женского рода. Мальчик у него кушать хочет, бедный, давайте поплачем. Хлеб ему дают, а чай нет. Он без чаю с голоду помирает. Только Чехов такую ахинею мог написать. Я в восторге просто.

13. **Аноним.** Злые сказки пишет Антон Палыч, письма-то как-то поприятнее, а проза все сплошное фаталите. В духе «Шинели» и избранного из Достоевского. Ну то есть понятно что тут хотели выставить на показ, но общее послевкусие — ну такое.
14. **Аноним.** Минус книги: сам автор. Если читать дозированно, один рассказик в год, то еще ничего, если больше — сначала самовыражение автора (которое проглядывает сквозь все персонажи и все описания) меня просто озадачивало, потом стало неприятно, потом и вовсе противно. Обилие восклицательных знаков — что в речи персонажей (внутренней и «внешней»), что просто в описаниях и рассуждениях, совместно с очень странной манерой формулирования своих мыслей в какой-то момент начинает дико раздражать. Если проще — что именно раздражало — эмоциональность. Эмоциональность и манера экспрессии самого Антона Павловича Чехова. Вульгарщина в выражениях (ее реально полно, несмотря на «интеллигентность» происхождения и воспитания автора), общая безвкусица текстов — ни по содержанию, ни по звучанию в них нет красоты, странные кидания в эмоциональные крайности в пределах одной фразы — все это просто буэ. И увы, ВСЕ ЭТО повторяется из рассказа в рассказ.
15. **Аноним.** Об одном из своих персонажей — никудышной писательнице из рассказа «Ионыч» — Чехов с сарказмом пишет, что она «писала о том, чего никогда не бывает», но сам попадает в эту же ловушку, описывая и создавая экземпляров, подобных «человеку в футляре». Вот скажите мне честно, разве бывают в жизни люди настолько нелепые, как этот «человек в футляре»? Познакомьтесь, это — очередной жалкий неудачник, которых так любит изображать Антон Палыч. Всю жизнь «человек в футляре» боится «как бы чего не вышло», «уши закладывает ватой». Лицо у него «маленькое», «как у хорька». Он очень труслив и не может жениться. И все время он чего-то боится! Вы меня извините, но что за клоунский мир уродов создает Чехов в своем творчестве?
16. **Аноним.** Можно ли быть умным и образованным человеком, но не любить пьесы Чехова? Вполне! В моем случае — можно! Все же мне стоило читать прозу, а не пьесу. Либо сам Чехов не мой писатель, но «Чайка» меня не зацепила. Слишком много философии и разговоров. Еще и все мрачно и грустно. Слишком много драматизма.
17. **Л. Шестов.** Чтобы в двух словах определить его тенденцию, я скажу: Чехов был певцом безнадежности. Упорно, уныло, однообразно в течение всей своей почти 25-летней литературной деятельности Чехов только одно и делал: теми или иными способами убивал человеческие надежды. В этом, на мой взгляд, сущность его творчества.
18. **Аноним.** Очень люблю Чехова. Неизменно его истории заставляют меня или улыбнуться или просто чувствовать душевное расслабление. Но с этой книгой у меня никак не выходит. Маленький рассказ «Каштанка» каждый раз вызывает у меня в душе бурю и смятение. Каждый раз я расстроена и озлоблена. Уже

третий раз за всю жизнь пытаюсь прочесть с другими эмоциями. Но никак не выходит. Отложу еще лет на 8–10.

19. **Аноним.** Отражение русского менталитета? Нет, конечно же. Хочется верить, что нет. Но отчего в таком случае именно этот рассказ Чехова настойчиво пихают в школьную программу? Оттого, что рассказ как бы для детей (ага, щас)? Оттого, что «про животных»? О том, что якобы (как нам объясняли в школе) он — о верности, блин, «истинным хозяевам»? Мне искренне нравится эта проклятая «Каштанка», но так же искренне я ее ненавижу. В ней Чехов изобразил рабское мышление, которое пытаются стыдливо прикрыть преданностью. Преданность — отличное качество, но оно должно базироваться на хорошем отношении. Если вас, простите, бьют, всячески вас ущемляют, оскорбляют, а вы свободу от угнетения воспринимаете, как что-то неправильное, готовы в первую же минуту бежать к своему мучителю, ибо у вас «преданность». Это, простите, не преданность. Это стокгольмский синдром!
20. **Аноним.** Вот за что вообще люди любят Чехова? Что нам о нем внушили в школе? Простой и доступный язык, житейские ситуации, можно посмотреть на себя со стороны, все преподносится с юмором и иронией... Хотя, если говорить прямо — нудятина необыкновенная!
21. **Аноним.** А правда, что Чехов не писал «Вишневый сад», а подписал работу друга своим именем? Более раскрученным?
22. **А. С. Суворин.** Певец среднего сословия! Никогда большим писателем не был и не будет.
23. **Б.С. Житков.** Чехов бытописатель, и он краткостью своей прелестен до стихотворности, но он краток потому, что читатели его отлично знают тот быт, о котором он пишет. Другим он непонятен и непереволим на иностранный язык. Типичные слова и поступки очень узкого по времени и персонажам фрагмента жизни. Нынешним это уже непонятно, прелесть меткости утрачена для них: коротко и неясно, как иностранная шутка. Нет эпохи Александра III, нет земских врачей, чиновников, станowych, гимназистов; новые слова, другие люди, и нашим детям непонятно будет вовсе наше восхищение этими краткими повестями...
24. **Аноним.** Я так часто слышала от подруги, какой Антон Павлович прекрасный писатель, удивительный и чарующий, и знаете, я прям с нетерпением ждала когда возьму книгу с его рассказами в руки. Уж не знаю как получилось, но в школе я прошла мимо этого писателя, не знакома ни с одним его известным произведением, и этот сборник наш первый контакт друг с другом. И, увы, неудачный. Мне было до безумия скучно. Честное слово, читая на работе я то и дело прилагала усилия не закрыть глаза и не упасть головой на стол и спать. Возможно мне не хватает интеллекта понять юмор в книге, нет, кое в каких рассказах я улавливала сатиру, и многое до сих пор актуально, Чехов очень хорошо высмеивает человеческую глупость, но... чтобы полюбить автора (да даже чтобы просто понравился), мне этого было мало. А теперь плюс. Легкость

чтения, 600+ страниц пролетели просто за пару часов, и это удивительно, если учесть что удовольствия от чтения я не получала, а процесс все равно шел очень резво. У автора прекрасный язык, который смог заметить даже такой не ценитель, как я. Но в общем и целом... не мой автор. Увы.

25. **Аноним.** Я все ждала, наступит ли просвет в этом болоте слез и жалоб. Не дождалась, пьеса кончилась, и слава Богу. Бедные, несчастные люди, вам бы корову, а лучше две, и жаловаться на бесцельность жизни не пришлось бы. Удивительно, у людей есть все: дом, одежда, еда, работать не надо, ибо денег куры не клюют, но счастья им это изобилие не приносит. Права народная мудрость, с жиру бесятся. Отсюда делаем вывод, что счастье-то не во внешнем, не приносит счастье материальное благо, а совсем даже наоборот. То ли дело работа. Нароботаешься от зари до зари, не до всяких там страдашечек. Поэтому прав был Ленин: «Трудиться, трудиться, и еще раз трудиться!»
26. **З. Гиппиус.** Всякая личность (в философском понятии) — ограниченность. Но у личности в движении — границы волнующиеся, зыбкие, упругие и растяжимые. У Чехова они тверды, раз навсегда определены. Что внутри есть — то есть; чего нет — того и не будет. Ко всякому движению он относится как к чему-то внешнему и лишь как внешнее его понимает. Для иного понимания надо иметь движение внутри. Да и все внешнее надо уметь впускать в свой круг и связывать с внутренним в узлы. Чехов не знал узлов. И был такой, каким был — сразу. Не возрастая — естественно был он чужд и «возрасту». Родился сорокалетним — и умер сорокалетним, как бы в собственном зените. «Нормальный человек и нормальный прекрасный писатель своего момента», — сказал про него однажды С. Андреевский. Да, именно — момента. Времени у Чехова нет, а момент очень есть. Слово же «нормальный» — точно для Чехова придумано. У него и наружность «нормальная», по нем, по моменту. Нормальный провинциальный доктор, с нормальной степенью образования и культурности, он соответственно жил, соответственно любил, соответственно прекрасному дару своему — писал. Имел тонкую наблюдательность в своем пределе — и грубоватые манеры, что тоже было нормально. Даже болезнь его была какая-то «нормальная», и никто себе не мог представить, чтобы Чехов, как Достоевский или князь Мышкин, повалился перед невестой в припадке «священной» эпилепсии, опрокинув дорогую вазу. Или — как Гоголь постился бы десять дней, сжег «Чайку», «Вишневый сад», «Трех сестер» и лишь потом — умер. Чехов, уже по одной цельности своей, — человек замечательный. Он, конечно, близок и нужен душам, тяготеющим к «норме» и к статике, но бессловесным. Он их выразитель «в искусстве». Впрочем — не знаю, где теперь эти души: жизнь, движение, события все перевернули, и Бог знает, что сделали с понятием нормы. Ведь и норма — линия передвижная; Чехов был «нормальный человек и писатель момента», то есть и нормы, взятой в статике.

